

# ТЭММАН

---



- [Густав Эмар](#)
  - [Пролог](#)
    - [I. Встреча](#)
    - [II. Месон де-Сан-Хуан](#)
    - [III. Рыцари большой дороги](#)
    - [IV. Ущелье дель-Маль-Пасо](#)
  - [ГЛАВА I. Ночь в пустыне](#)
  - [ГЛАВА II. Встреча через пятнадцать лет](#)
  - [ГЛАВА III. Месть француза](#)
  - [ГЛАВА IV. Объяснение друзей](#)
  - [глава V. Удивительное действие музыки](#)
  - [ГЛАВА VI. Счастливый случай](#)
  - [ГЛАВА VII. Взгляд на прошедшее](#)
  - [ГЛАВА VIII. Продолжение следует](#)
  - [ГЛАВА IX. На другой день](#)
  - [ГЛАВА X. В которой говорится о продаже скота](#)
  - [ГЛАВА XI. Торговая сделка](#)
  - [ГЛАВА XII. Беседа](#)
  - [ГЛАВА XIII. Сборы](#)
  - [ГЛАВА XIV. Возвращение Валентина](#)
  - [ГЛАВА XV. Отъезд](#)
  - [ГЛАВА XVI. Два негодяя](#)
  - [ГЛАВА XVII. Гуаймас](#)
  - [ГЛАВА XVIII. Первые дни](#)
  - [ГЛАВА XIX. Эрмосильо](#)
  - [ГЛАВА XX. Карты открыты](#)
  - [ГЛАВА XXI. La tapada92](#)
  - [ГЛАВА XXII. Бунт](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)

- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

---

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

**Густав Эмар**  
**Золотая лихорадка**

# Пролог

## I. Встреча



Пятого июля 184... года, часов около шести вечера, отряд хорошо вооруженных всадников галопом выехал из Гвадалахары, главного города штата Халиско, и, повернув направо, отправился по дороге, пролегающей через пузбло<sup>1</sup> Сапопам, где находится чудотворное изображение Богородицы. Дальше дорога идет через крутые вершины Кордильер к прелестному городку Тепику, обычному убежищу европейцев и богатых мексиканцев, которых дела заставляют жить в Сан-Блазе, но которые не в состоянии постоянно дышать смертоносным воздухом порта, считающегося главными морскими воротами Мексиканской конфедерации.



В то время, когда кавалькада выезжала за заставу, пробило шесть часов. Караульный офицер, почтительно поклонившись путешественникам, долго провожал их глазами, а затем вернулся на свой пост, покачивая головой и шепча вполголоса:

Господи помилуй! О чем же это думает сеньор полковник Гверреро? Как это он рискует отправляться в путешествие в пятницу, да еще в такое время! Может быть, он думает, что на него не нападут сальтеадоры<sup>2</sup>? Гм! Он увидит, как они его встретят у ущелья дель-Маль-Пасо.

Между тем путешественники, которые, по всей вероятности, не разделяли суеверного страха, обуревавшего достойного офицера, быстро удалялись по длинной ивовой аллее, тянувшейся от города к Сапопаму. Они, видимо, не боялись ни позднего времени, ни того, что выехали в пятницу, и вообще, кажется, не разбирали ни счастливых, ни несчастных дней.

Всего всадников было шестеро: полковник дон Себастьян Гверреро, его дочь и четверо слуг-индейцев.

Полковник дон Себастьян Гверреро был высокого роста, с резкими и грубыми чертами лица и бронзовым цветом кожи. Пробивавшаяся в черных волосах седина указывала на то, что полковник уже старше среднего возраста, хотя прекрасно развитые мускулы, прямой стан и блеск глаз ясно говорили, что года еще не успели оказать свое влияние на этот крепкий организм.

Последнее подтверждалось и тем, как ловко сидел на нем военный мундир. Это был старый солдат, и всеокрушающее время не скоро еще должно было его сломить. Вооружение полковника составляли кавалерийская сабля, пара пистолетов и перекинутый через седло карабин, — словом, в случае надобности полковник смело мог бы сразиться с тем, кто осмелился бы стать на его пути и потребовать выкуп.

Его дочь, донья Анжела, ехала с правой стороны. В Европе, где физическое развитие женщины идет гораздо медленнее, чем в Центральной Америке, она считалась бы ребенком — ей недавно исполнилось всего тринадцать лет.

Она была небольшого роста, грациозна и прекрасно сложена, благородные черты лица говорили, что она происходит из очень знатной и аристократической семьи, ее черные добрые глаза сверкали умом, темные волосы ниспадали двумя огромными косами почти до самого седла. Кокетливо закутанная в ребосо<sup>3</sup>, она смеялась, как маленький ребенок, при каждом прыжке своей лошади, которую все время, не переставая, дразнила,

несмотря на частые замечания отца.

Сопровождавшие их слуги — сильные и стройные индейцы, которые в случае опасности не только сумеют оказать помощь своему господину, но и не дадут его в обиду. Они ехали шагах в десяти позади полковника и вели с собой двух мулов, нагруженных провиантом и багажом, — предосторожность, весьма необходимая в Мексике, если путешественники не хотят голодать дорогой.

От ледяных вершин Кордильер и до знойного побережья океана, Мексика соединяет в себе все климаты в мире. Вот почему эта обширная страна и делится на три различных зоны: *las tierras calientes*, или жаркие земли, то есть собственно равнины, расположенные на берегах океана, где сахар, индиго и хлопок растут в таком изобилии и развиваются так буйно, как это возможно разве только под самыми тропиками; *las tierras templadas*, или земли с умеренным климатом, — нижние склоны Кордильер, где царствует вечная весна, там никогда не бывает ни сильной жары, ни больших холодов; наконец, *las tierras frias*, или холодные земли, заключающие в себе центральные плоскогорья, где температура гораздо ниже, чем в первых двух зонах.

Между прочим, в Мексике слова «холодно» и «тепло» не имеют такого резкого различия, как в Европе, и даже на высоких плато, которые носят название *tierras frias*, средняя температура — как во Франции или Ломбардии.

Гвадалахара расположена как раз на границе *tierra caliente* и *tierra templada*. Бесплодные пески сменяются плодородными и хорошо обработанными равнинами, полями сахарного тростника, маиса, бананов, манго, — всей роскошью тропической флоры. Мрачные черные дубы и ели, растущие только на горах, попадаются все реже и скоро совсем исчезают, уступая место перувианскому дереву и другой растительности.

В *las tierras calientes*, где днем стоит душливая жара, путешествуют обыкновенно утром, от четырех часов до одиннадцати, или же с трех часов пополудни до десяти вечера.

Поэтому и полковник Гверреро, выезжая из города перед наступлением вечера, следовал только установившемуся обычаю. Если его и можно было в чем-то упрекнуть, так это в том, что он выехал немного позднее, чем хотел из-за тысячи тех затруднений, которые возникают в последнюю минуту перед отъездом и устранение которых, как это всегда бывает, отнимает очень много времени.

Но полковника, как мы уже заметили, нисколько не пугало время, ночное путешествие не представляло для него ничего особенно страшного,

так как он всегда отлично умел приспособливаться к обстоятельствам и легко мирился с теми неудобствами, которые иной раз даже нельзя и предвидеть.

Солнце закатилось за пик Текилла и гора Серро-дель-Соль исчезла среди цепи высоких крутых холмов, окаймляющих Рио-Тололотлан, мало-помалу ночной мрак окутал всю окрестность.

Путешественники, весело разговаривая, медленно продвигались вперед, следуя вдоль извилистого и неровного русла Рио-Браво-дель-Норте.

Дорога была широкая, ясно очерчена и не представляла никаких затруднений. Полковник бросил вокруг испытующий взгляд и, убедившись, что ничего подозрительного не видно в окрестностях, вполне положился на бдительность своих *criados* и продолжил прерванную было на минуту беседу с дочерью.

— Анжела, дитя мое, — сказал он дочери, — ты напрасно так мучаешь свою лошадь. Ребекка смирная, хорошая лошадка, и тебе следовало бы беречь ее, а не мучить и не утомлять без крайней необходимости.

— Но уверяю вас, отец, — смеясь отвечала своенравная девушка, — я вовсе не мучаю Ребекку. Я ее очень люблю, и мне просто хочется поиграть с ней.

— И кстати заставить ее потанцевать, маленькая дурочка, я отлично вижу. Все это было бы очень хорошо, если бы мы с тобой совершали теперь только прогулку, которая должна была бы занять всего несколько часов, а не отравлялись бы в путешествие, которое продлится около месяца. Помни, *нинья*<sup>4</sup>, что всадник всегда должен заботливо беречь свою лошадь, если хочет целым и невредимым достигнуть конечной цели своего путешествия. Тебе ведь, я думаю, было бы очень неприятно, если бы в пути пришлось лишиться лошади.

— Сохрани меня Бог, отец! Нет, нет! Я этого вовсе не хочу и буду слушаться вас... Ребекка может быть совершенна спокойна: я больше не стану дразнить ее.

При этом молодая девушка пригнулась к шее своей лошади и нежно потрепала ее рукой.

— Вот это хорошо, — сказал полковник. — Ну, а теперь, когда вы наконец заключили мир, потолкуем о другом... Скажи мне, малютка, как нравится тебе этот способ путешествия?

— В восхитительно, отец. Ночь великолепна, луна светит ярко, теплый ветерок навевает приятную прохладу... Я никогда еще в жизни не была так счастлива, как теперь.



— Тем лучше, дитя мое. Я боялся, как бы тебя не утомило такое продолжительное путешествие, и одно время мне даже приходило в голову оставить тебя в монастыре.

— Большое спасибо вам, отец, что вы изменили свое намерение и взяли меня с собой! Я очень скучала в этом противном монастыре, да и потом, я так давно не видела моей матери, что стораю от нетерпения как можно скорее увидеться.

— На этот раз, дитя мое, ты вволю нацелуешься с твоей матерью, потому что я думаю оставить тебя с ней.

— Значит, я уже не поеду с вами в Гвадалахару, отец?

— Нет, во время моего отсутствия вы будете жить на асиенде<sup>5</sup> де-Агуас-Фрескас вместе с твоей матерью и самыми надежными из слуг, потому что, как только покончу с неотложными делами, требующими моего присутствия в Сан-Блазе, я отправлюсь в Мехико к генералу Санта-Анне. Его превосходительство очень любезно приглашает к себе.

— О! — проговорила Анжела, умоляюще складывая руки. — Вам следовало бы захватить и меня с собой в город!

— Глупенькая! Ты ведь хорошо знаешь, что это положительно невозможно. Зато я теперь же даю обещание привезти в подарок тебе и твоей матери все, что найду лучшего в *Portalesde Mercaderes* и *Parian*<sup>6</sup>, чтобы вы могли затмить самых кокетливых сеньорит во всем Тепике, когда вздумаете прогуляться по Аламеда-де-Пуэбло.

— О! Это совсем не одно и то же, — возразила она с упрямой гримасой. — Но тем не менее, — добавила, неожиданно повеселев, — я благодарю вас, отец, вы очень добры и любите меня, а если и не хотите исполнить одного из моих капризов, значит, это для вас невозможно.

— Очень рад слышать, дитя мое, что, наконец-то, мне отдает справедливость шаловливая головка, которая находит особенное удовольствие для себя в том, чтобы меня мучить.

Девушка весело расхохоталась, а затем резким и внезапным движением, бросив поводья, обняла руками шею своего отца и горячо поцеловала его несколько раз.

— Что ты делаешь? — вскричал полковник, радуясь и беспокоясь в одно и то же время. — А если Ребекка вдруг понесет?.. Ты расшибешься... Подбери поводья... да подбери же их!

— Ба-а! — произнесла она, смеясь и беспечно трясая своими темнорусыми кудрями. — Ребекка слишком хорошо выезжена и не станет закусывать удила.

Однако девушка все же собрала поводья и покрепче уселась в седло.

— *Angelita mia!*<sup>7</sup> — продолжал отец гораздо строже, чем подобало бы при подобных обстоятельствах. — Ведь ты уже больше не ребенок, тебе следовало бы начать вести себя поразумнее и умерять живость твоего характера.

— Вы браните меня, отец, но за что?.. Неужели за то, что я вас люблю?

— Сохрани меня Бог, дитя мое! Я только делаю тебе замечание, которое считаю вполне справедливым. Если ты сейчас не приучишься сдерживать себя, то в дальнейшем это может принести тебе немало горя и неприятностей.

— Не бойтесь, дорогой отец... Я жива, беспечна, впечатлительна, это правда, но рядом с недостатками у меня есть та родовая гордость, которую я от вас унаследовала и которая защитит меня от многих ошибок.

— Дай Господи.

— Не хмурьтесь же так, отец, из-за пустой глупости, я ведь отлично

знаю и всегда помню, что наша семья ведет свой род по прямой линии от мексиканского императора Чимальпопокатцина. На его гербе изображен щит, из которого он появляется в дыму. Вот видите, отец, наш характер не выродился со времен этого доблестного короля, и мы остались такими же твердыми, каким был и он сам.

— Хорошо, хорошо! Я не стану тебя больше бранить, вижу, что это совершенно бесполезно.

Молодая девушка лукаво улыбнулась и только уже собралась возразить отцу, как вдруг на некотором расстоянии впереди кавалькады блеснула и погасла искра.

— Что это такое? — спросил полковник, возвышая голос. Кто-нибудь есть на дороге?

— Я так думаю, полковник, — тотчас же ответил один из слуг, — там кто-то высекал огонь о кремень.

— Согласен, — сказал полковник. — Прибавьте ходу!.. Интересно узнать, кто этот запоздалый курильщик...

Маленький отряд, продвигавшийся до сих пор довольно медленно, пустился вперед полной рысью.

Через четверть часа путешественники ясно слышали сначала стук лошадиных копыт и пискливые и нестройные звуки хараны<sup>8</sup>, а затем ветер донес до них припев одной хорошо известной в Мексике песни:

*Sin pena vivamos*

*En calma feiiz*

*Gozar se mi cstrella*

*Cantaryreir*.<sup>9</sup>

— Bravo! — вскричал полковник, подъезжавший в эту минуту к певцу. — Вы, как видно, человек веселый, *compadre*<sup>10</sup>.

Последний, держа во рту маисовую сигаретку, утвердительно кивнул головой и, пробренчав еще что-то на своей харане, забросил ее на перевязи за плечо. И только после этого он, наконец, повернулся к своему собеседнику и, церемонно сняв свою вигоневую шляпу, вежливо сказал:

— Храни вас Господь, *caballero*! Вы, по-видимому, тоже любите музыку?

— Очень, — отвечал полковник, с трудом сдерживая смех при виде странной личности, представшей перед ним.

Это был высокого роста молодой человек, самое большее двадцати восьми лет, необычайно худой, одетый в рубище, но гордо задрапированный в плащ, первоначальный цвет которого уже нельзя было

определить, так сильно он был изношен и затрепан.

Между тем, невзирая на эту видимую нищету и голодное лицо, молодой человек смотрел весело и смело. В его маленьких черных глазках сверкал тонкий ум, а его манеры не лишены были некоторого отпечатка благородства.

Он сидел на такой же, как и он сам, худой и заморенной лошади. О пустые бока клячи колотилась, точно о барабан, прямая шпага, так называемая *machete*, которую мексиканцы носят постоянно, у него же она была без ножен и продета в железное кольцо.

— Однако позднечко вы разъезжаете, *compadre*, — проговорил полковник, к которому присоединился его конвой. — По-моему, с вашей стороны очень рискованно путешествовать одному в такое позднее время.

— Чего мне бояться? — отвечал незнакомец. — Разве только совсем сумасшедшему сальтеадору придет в голову останавливать меня.

— Кто знает? — улыбаясь, проговорил полковник. — Наружность часто бывает обманчива. Для того, чтобы путешествовать по большим дорогам нашей дорогой родины, иногда очень выгодно и полезно притвориться нищим.

Слова эти, сказанные без всякого злого умысла, видимо, смутили незнакомца, однако, он почти тотчас же оправился и отвечал шутливым тоном:

— К несчастью, мне даже и притворяться-то совершенно бесполезно!.. Я в самом деле так же беден, как кажусь в эту минуту, хотя, — добавил он, — я знал более счастливые дни, и плащ мой не всегда был таким дырявым, как теперь.

Полковнику показалось, что предмет разговора неприятен новому знакомому:

— Вы, по всей вероятности, едете, как и я сам, из Гвадалахары?

— Да, это правда, — перебил незнакомец. — Я выехал из города часов около трех пополудни.

— Мне кажется, — продолжал полковник, — что вы намереваетесь остановиться в месоне де-Сан-Хуан<sup>11</sup>. В таком случае, если вы ничего не имеете против, мы поедем вместе, потому что я рассчитываю провести там остаток ночи.

— Месон де-Сан-Хуан — хорошая харчевня, — отвечал незнакомец, почтительно поднося руку к шляпе, — но только что я там буду делать? У меня нет ни одного очаво<sup>12</sup>, который я мог бы бросить на ветер, а мне еще далеко ехать. Я остановлюсь на дороге и, пока моя проголодавшаяся

лошадь будет есть траву, стану курить сигаретки и петь романс короля Родриго, который, как вам известно, начинается так.

Быстро перевернув свою харану, незнакомец во весь голос затянул строфу из поэмы о короле Родриго:

Cuando las pintadas avis  
Mudas estan y la tierra  
Atento escucha los rios  
Que al mar su trubuto llevan  
Al escaso resplandos...<sup>13</sup>

— Э! — вскричал полковник, резко обрывая его. — Что за музыкальное бешенство овладело вами? Ведь это же просто безумие.

— Нет, — меланхолично отвечал певец, — это философия.

Полковник с минуту смотрел на бедняка, а затем, приблизившись к нему, сказал:

— Я полковник дон Себастьян Гверреро де Чимальпос. Я путешествую с дочерью и несколькими слугами. Окажите мне честь провести эту ночь вместе с нами, а завтра утром мы расстанемся, и каждый пойдет своей дорогой.

Незнакомец, видимо, колебался, но это продолжалось недолго.

— Я глупый гордец, — отвечал он с сердечной откровенностью, — бедность делает меня таким самолюбивым и подозрительным, что я постоянно воображаю, будто меня хотят оскорбить и унижить. Я принимаю ваше любезное приглашение так же откровенно и честно, как оно и сделано. Может быть, мне удастся в скором времени доказать вам свою благодарность.

Полковник не обратил никакого внимания на эти слова, потому что в ту самую минуту кавалькада подъезжала к месону де-Сан-Хуан, освещенные окна которого давали знать путешественникам о близости гостиницы.



## II. Месон де-Сан-Хуан

Кто не читал о том, как негостеприимно принимают испанские и сицилийские трактирщики путешественников, которых посылает им судьба! Но это только рассказывают, и рассказывают те люди, которые даже понаслышке не знакомы с *месонерос*, или мексиканскими трактирщиками, иначе они, по всей вероятности, поспешили бы снять это несправедливое нареkanie с испанцев и сицилийцев и обратили бы все свое негодование на трактирщиков Новой Испании.

Испанские и сицилийские трактирщики — надо отдать им справедливость — очень часто не могут удовлетворить требования путешественников и дать провизию, которую последние требуют. Но взамен этого они делают такое приветливое лицо, прикрывают свой отказ такой изысканной вежливостью, что в конце концов путешественник почти всегда говорит себе, что он сам виноват, что не запасся съестными припасами, и, в свою очередь начинает рассыпаться в извинениях.

В Мексике же дело происходит совсем иначе.

На больших дорогах, некогда построенных испанцами и совсем забытых и заброшенных впоследствии, кое-где и притом на довольно значительных расстояниях попадаются обширные здания, которые издали кажутся укрепленными блокгаузами, так как почти все такие здания окружены высокими зубчатыми стенами с бойницами.

Эти здания — месоны, или постоянные дворы.

Прежде всего в них есть огромный двор с *норией*, или колодцем, предназначенным для того, чтобы давать воду лошадям. Коррالي для вьючных животных занимают все четыре стороны этого двора. В особом здании находятся кварталос путешественников, то есть жалкие чуланы, вся меблировка которых состоит из деревянной кровати, покрытой бычьей шкурой, заменяющей матрац.

Кварталос<sup>14</sup> все нумерованы, и все двери комнат выходят в длинные коридоры.

Каждый путешественник должен иметь с собой провизию и необходимые постельные принадлежности, потому что трактирщик дает только одну альфальфу<sup>15</sup> для лошадей и воду из нории.

Было уже около десяти часов вечера, когда дон Себастьян Гверреро остановился перед воротами месона де-Сан-Хуан.

Ворота оказались запертыми.

Один из слуг соскочил с лошади и принялся стучать. Спустя некоторое время, наконец, открылось слуховое окно, пробитое в стене футах<sup>16</sup> в двух от ворот, показалась угрюмая голова, и грубый голос сварливо крикнул:

— Кто это смеет так шуметь и стучать в ворота такого знаменитого и почтенного месона?

— Путешественники, дон Кристобаль Саккаплата, — ответил полковник. — Ну, отворите же нам живей!.. Мы приехали издалека и очень устали.

— Гм! Все путешественники говорят одно и то же, — продолжал трактирщик. — Мне-то какое дело до этого! Я не отворю вам ворота, теперь слишком поздно... Отправляйтесь дальше, и да хранит вас Бог!

Тут он сделал движение, как бы желая закрыть окно.

— Одну минутку, *сарау!*<sup>17</sup> — вскричал полковник. — Не можете же вы оставить нас ночевать под открытым небом перед вашими воротами... Это, во всяком случае, не сделает вам чести.

— Ба-а! Ночь проходит быстро, вы даже не заметите! — ответил трактирщик насмешливо. — Впрочем, можете отправиться в месон дель-Сальто, там вас пустят.

— Да разве вы не знаете, что отсюда до месона дель-Сальто целых восемь миль?<sup>18</sup>

— Конечно знаю.

— Послушайте, сеньор Сакаплата, отворите нам ворота! Жестоко держать нас так долго здесь!.. Да потом это для вас и невыгодно.

— А почему?

— Да потому, что если вы отворите нам ворота, получите такое вознаграждение, что вам не придется жалеть.

— Да, да, все путешественники на один манер. Они все умеют сулить, пока стоят у ворот. Как только их впустят, тогда и сам черт не заставит их раскошелиться и заплатить как следует. А кто вы такой, что так хорошо меня знаете? Уж не из тех ли *caballeros de la noche*<sup>19</sup>, которые с некоторых пор появились в окрестностях?

— Вы глубоко заблуждаетесь, и я докажу вам, — отвечал полковник, желая поскорее прекратить беседу на вольном воздухе. — Сначала возьмите вот это, — добавил он, бросая две унции золотом через слуховое окно, — а теперь во избежание недоразумений заявляю, что я полковник дон Себастьян Гверреро.

Достойный трактирщик, как это, между прочим, доказывало и данное ему прозвище<sup>20</sup>, понимал и ценил только один аргумент — тот самый,

который благоразумно был употреблен полковником для того, чтобы сломить его сопротивление. Он нагнулся, поднял монеты, которые сейчас же исчезли в его карманах, и, снова обращаясь к путешественникам, но на этот раз таким тоном, который он старался сделать более любезным, сказал:

— Нечего делать, придется уступить... Я слишком добр. Есть у вас, по крайней мере, провизия?

— У нас есть с собой все, что нужно.

— Тем лучше, потому что у меня для вас нет ровно ничего... Ну, не кипятитесь же, пожалуйста, я сейчас иду отворять.

С этими словами трактирщик скрылся, и минут через пять послышался его ворчливый голос — он приказывал вытащить засовы и отворить ворота.

Путешественники въехали во двор месона.

Месонеро солгал, как настоящий трактирщик: в его доме было всего-навсего два или три погонщика с мулами и три путешественника, которые, судя по одежде, казались окрестными асиендадос<sup>21</sup>.

— Эй! — крикнул дон Себастьян. — Пошлите кого-нибудь взять мою лошадь.

— Ого! Как вы начали командовать!.. Этак мы с вами не столкнемся, — отвечал трактирщик тем кислым тоном, которым он говорил и раньше. — Здесь каждый служит себе сам, и великий и малый, и сам чистит свою лошадь.

Полковник Гверреро не принадлежал к числу людей особенно кротких, и если прежде переносил дерзости трактирщика, то только потому, что не имел возможности наказать, а теперь этой причины больше не существовало. Услышав ответ трактирщика, он спрыгнул с лошади, достал пистолеты из кобуры, заткнул их за пояс и, подойдя к сеньору Сакаплате, схватил его за шиворот и хорошенько встряхнул.

— Послушай, разбойник, — сказал он ему, — прекрати свои дерзости и слушайся меня, если не хочешь, чтобы я заставил тебя раскаяться.

Трактирщик был до такой степени удивлен резкой манерой обращения и нарушением своей неприкосновенности, что в первую минуту как бы онемел от смущения и гнева. Лицо его побагровело, глаза растерянно вращались в своих орбитах... Наконец он закричал сдавленным голосом:

— Эй, сюда! Сюда! Это говорю я, дон Крестобаль Сакаплата! Такое оскорбление! Клянусь Богом, я этого так не оставлю! Сию минуту уезжайте отсюда!

— Я не уеду, — отвечал спокойным, но твердым голосом

полковник, — вы сию же минуту будете мне прислуживать.

— О-о! Это мы еще посмотрим. Эй! Идите сюда, Педро, Хуан, Хасинто, идите сюда все! Хватайте этих разбойников!

Человек семь или восемь слуг выбежали из корралей и окружили своего хозяина.

— Хорошо, — продолжал полковник, поднимая пистолеты, — первому из вас, кто осмелится сделать хоть шаг ко мне, я всажу пулю в голову.

Само собой разумеется, что пеоны<sup>22</sup> трактирщика вовсе не желали получить пулю и стояли как окаменелые.

Один из слуг полковника помог донье Анжеле сойти с лошади и проводил ее до одной из кварталов, а затем сейчас же вернулся обратно и присоединился к своему господину, уверенный, что на этом дело не кончится и им предстоит схватка.

При свете факелов, воткнутых вдоль стен в железные кольца, патио<sup>23</sup> месона имел в эту минуту самый странный вид.

С одной стороны стоял трактирщик и его слуги. С другой — четверо слуг дона Себастьяна с ружьями в руках и гитарист, который стоял, закинув харану за спину и скрестив руки на груди.

Немного дальше в стороне — путешественники и погонщики, прибывшие раньше, а среди них с пистолетами в руках стоял полковник, нахмутив брови и гневно сверкая глазами.

— Довольно, негодяй! — сказал он. — Вы уже и так слишком долго дерете деньги и оскорбляете путешественников, которых вам посылает Провидение. Клянусь Богом! Если вы не извинитесь передо мной и не станете вежливо исполнять мои приказания, как я вправе требовать, я сейчас же так проучу вас, что вы будете помнить меня всю жизнь!

— Советую хорошенько подумать о том, что вы хотите делать! — с иронией отвечал трактирщик. — Здесь немало народу. У меня есть свидетели, и juez de letras<sup>24</sup> разберет, кто прав и кто виноват.

— Клянусь Богом! — вскричал полковник. — Это уже слишком! Этот негодяй еще грозит мне судом! Эй, молодцы, стреляйте в первого, кто только шевельнется!

Слуги подняли ружья.

Дон Себастьян схватил трактирщика, несмотря на его крики и отчаянное сопротивление, и одним махом повалил на землю.

— Мне кажется, что я окажу большую услугу всем путешественникам, которых несчастная звезда занесет когда-нибудь в этот притон, если я проучу негодяя как следует.

Свидетели этой сцены, пеоны и погонщики, не сделали ни одного движения, чтобы защитить трактирщика. На их лицах, наоборот, была заметна радость, что нахал понесет заслуженное наказание.

Им самим, конечно, и в голову не могло прийти ничего подобного, но раз нашелся энергичный человек, смело бравший на себя всю ответственность за это дело, они могли только радоваться, но отнюдь не мешать ему привести в исполнение задуманное.

По приказанию полковника, отданному повелительным тоном, двое собственных работников трактирщика привязали его к длинному шесту нории.

— Теперь, — продолжал полковник, — возьмите каждый по реате<sup>25</sup> и бейте его изо всей силы по пояснице до тех пор, пока он не признает себя побежденным и не согласится исполнять мои приказания.

Пеоны, делая вид, что они только повинуются силе и, так сказать, поневоле исполняют приказание полковника, поддерживаемое четырьмя карабинами и двумя пистолетами, принялись осыпать ударами трактирщика.

Тут, чтобы не уклониться от истины, необходимо заметить, что пеоны со страху или же, может быть, по какой-либо другой причине, но только вполне добросовестно исполняли обязанности палачей.

Трактирщик ревел как бык, он бесился от ярости и извивался как змея, тщетно стараясь вырваться.

Полковник бесстрастно стоял возле него и время от времени ехидно справлялся, как тому нравится эта манера укрощения строптивых и признает ли он, наконец, себя побежденным.

Человеческие силы имеют границы, которых не переступить. Несмотря на все свое бешенство, несмотря на упрямство, трактирщик в конце концов должен был осознать, что тут нашла коса на камень и, если он не хочет быть запорот насмерть, ему волей-неволей нужно покориться полковнику.

— Я сдаюсь! — крикнул он глухим голосом, в котором были слышны гнев и страдание.

— Уже? — холодно проговорил полковник. — Хм! А я считал тебя храбрее! Ты получил всего каких-нибудь тридцать ударов. Довольно! Теперь можете развязать вашего хозяина.

Пеоны поспешили исполнить приказание. Получив свободу, трактирщик захотел подняться, но силы ему изменили, он упал на землю, где пролежал без движения несколько минут.

Наконец он сделал отчаянное усилие и поднялся.

Бледное лицо его нервно подергивалось, в висках стучало, в ушах стоял звон и слезы стыда струились из его глаз.

Шатаясь, он подошел к полковнику.

— Я весь к вашим услугам, caballero, — сказал он, покорно склоняя голову, — приказывайте.

— Хорошо! — отвечал последний. — Наконец-то вы образумились!.. Таким вы мне нравитесь гораздо больше... Прикажите дать корму моим лошадям и помогите моим слугам прислуживать мне.

— Извините, señor caballero, — продолжал трактирщик, — вы позволите мне сказать вам два слова?

Полковник презрительно улыбнулся.

— Зачем? Я и так знаю все, что вы могли бы мне сказать: вы хотите объявить, что теперь сдаетесь, но вас принудили к этому силой, и вы мне отомстите при случае, не так ли?

— Да, — глухо прошептал трактирщик.

— Ну, сколько вам будет угодно, только советую не действовать очертя голову, потому что если вы промахнетесь, то, предупреждаю вас, я уж наверняка не промахнусь. А теперь делайте, что вам приказывают, да поживей.

Трактирщик посмотрел на удалявшегося полковника с таким выражением ненависти, которое отвратительно исказило его лицо. Затем, когда полковник совсем ушел со двора, он прошептал вполголоса:

— Да, я отомщу тебе, дьявол, и даже раньше, чем ты думаешь.

Потом лицо месонеро приняло обычное выражение, и он занялся работами по дому с такой расторопностью и деланным равнодушием, которые заставили призадуматься слуг, знавших его мстительный характер. Трактирщик прислуживал остановившимся у него путешественникам так внимательно и вежливо, что оставалось только удивляться этой счастливой перемене. Это напускное смирение было подозрительным.

Однако все обошлось спокойно. Путешественники один за другим ушли спать, потом трактирщик проверил, все ли в порядке, и, в свою очередь, удалился в помещение, которое занимал он сам.

Полковник уже несколько часов спал глубоким сном, когда его вдруг разбудил сильный стук в дверь.

— Кто там?

— Тише! — отвечали ему снаружи. — Отворите, это друг.

— Кто бы вы ни были, друг или враг, потрудитесь объяснить, с кем имею дело.

— Я, — отвечал голос, — тот человек, которого вы встретили в дороге.

— Гм! Что вам от меня нужно? Почему вы не спите вместо того, чтобы будить меня в такой неурочный час?

— Отворите, ради самого неба! Мне нужно сообщить вам очень важные новости.

Полковник с минуту раздумывал, а затем решил, что человек, которому он не сделал никакого зла, не мог быть врагом. Из предосторожности вооружившись одним из пистолетов, лежавших рядом с ним на случай тревоги, он пошел отворять.

Незнакомец быстро вошел в комнату и затворил за собой дверь.

— Выслушайте меня... Трактирщик что-то замышляет против вас.

— Я догадываюсь, — отвечал полковник, зажигая светильник, — но что бы он ни делал, ему не справиться со мной, я слишком крупная дичь для него, и негодяй только сам погибнет при этом.

— Кто знает... — проговорил незнакомец.

— Значит, вы знаете что-нибудь наврное. Может быть, мне грозит опасность в этом самом доме?

— Не думаю.

— В таком случае скажите, что же вам удалось узнать?

— За этим я и пришел. Но прежде всего, так как я вам совершенно незнаком, позвольте мне представиться.

— Зачем?

— Кто знает, что может случиться на этой земле, и, по-моему, всегда очень полезно отличать друзей от врагов.

— Говорите, я вас слушаю.

— За исключением моего имени, вы меня почти разгадали. Эти рубища прикрывают не только мое тело, но и целый капитал... Я дон Корнелио Мендоса, студент. В Гвадалахаре у меня была тетка, сделавшая меня, умирая, своим наследником. Я везу с собой в поясе полтора унций золотом<sup>26</sup>, а в моем бумажнике хранится на такую же сумму векселей, по которым я получу деньги в Сан-Блазе. Как видите, я вовсе не так уж беден, как это может казаться. Но от Гвадалахары до Сан-Блаза путь не близкий и довольно опасный, вот почему я и вырядился таким образом, в надежде избежать воров, если это возможно.

— Очень хорошо, дон Корнелио. Теперь вы можете переменить костюм, надеюсь, дальше мы поедем вместе.

— Буду очень рад, но только, временно я сохраню мой костюм леперо<sup>27</sup>.

— Как вам будет угодно, а теперь займемся более серьезным... Что

такое вы еще узнали?

— Не много, но совершенно достаточно для того, чтобы заставить вас принять необходимые меры предосторожности. Наш хозяин, убедившись, что все разошлись по своим комнатам, разбудил одного из своих слуг, того самого, который бил его особенно усердно.

— Я припоминаю лицо этого негодяя.

— Прекрасно! Хозяин увел его в свою комнату и около десяти минут пробыл с ним взаперти, затем открыл одно из окон, пеон выскочил на дорогу и побежал во всю прыть.

— О-о! — проговорил полковник.

— Трактирщик провожал его глазами до тех пор, пока он не скрылся из виду, а потом пробормотал несколько слов, я расслышал только одно.

— Что именно?

— Эль-Бюитр.

— Гм! И это все?

— Да.

— Не очень-то много вообще, а для меня и того меньше... Но каким образом узнали вы эти новости? Вы ведь, надеюсь, не состояли поверенным этого негодяя?

— Конечно, нет... Я сделался его поверенным против его желания, хотя и самым простым способом: мой кварто находится над его комнатой, и я слышал, как он открывал окно и как говорил сам с собой.

— Все это так, но, к несчастью, вы ничего не слышали.

— Нет, слышал имя.

— Но это имя не имеет для нас никакого значения.

— Напротив, оно имеет громадное значение.

— Каким образом?

— Это имя, Эль-Бюитр<sup>28</sup>, носит знаменитый главарь сальтеадоров, шайка которого опустошает всю эту провинцию уже почти целый год... Теперь, надеюсь, вы понимаете?

— Клянусь честью! — вскричал полковник, поспешно вставая. — Теперь и я понимаю!



### III. Рыцари большой дороги

Теперь мы покинем месон де-Сан-Хуан и перенесемся мили на две дальше, где читатель познакомится с новыми лицами. Не более чем в ста пятидесяти шагах от месона де-Сан-Хуан дорога постепенно начинает сужаться, неровность почвы становится ощутимее, горы сближаются, точно желая подать руку одна другой, и притом так резко и неожиданно, что образуют длинное и узкое ущелье, сдавленное между отвесными кручами, состоящими из базальтовых глыб, от ста до ста пятидесяти метров высотой. Это место известно в Мексике под названием Ущелья дель-Маль-Пасо.

Проехавший это ущелье путешественник снова видит перед собой прежний пейзаж: перед ним раскидывается прелестная долина, через которую протекает большая река.

С обеих сторон ущелья дель-Маль-Пасо и даже еще немного раньше начинаются непроходимые леса; чужестранцы пробираются здесь только с топорами в руках, так как они не могут знать те узкие, едва заметные тропки, которые после бесчисленных изгибов ведут в самую чащу.

И вот в эти-то леса мы и просим читателя последовать за нами.

На обширной прогалине, в центре которой, треща, горел, как факел, восьмидесятифутовой высоты кедр, человек двадцать мужчин в оборванной одежде, представлявшей собой смесь роскоши и нищеты, отлично вооруженных, сидели группами и бражничали.

Недалеко от них стояли их лошади, полностью оседланные, и с наслаждением жевали альфальфу и выющийся горошек, а на опушке леса четверо или пятеро часовых, неподвижные, как бронзовые статуи, внимательно осматривали окрестности.

Немного в стороне, сидя на пнях почти вровень с землей, беседовали двое мужчин, посылая друг другу в лицо громадные клубы табачного дыма.

Старший из мужчин был субъектом лет двадцати семи — двадцати восьми, в великолепном костюме богатых мексиканских асиендадос; длинные белокурые волосы ниспадали на плечи густыми прядями, черты лица были изнежены, но его нос в виде клюва хищной птицы, светло-голубые глаза и узкий лоб придавали физиономии отпечаток низости и холодной жестокости. Разговаривая, он небрежно пощелкивал курком американской винтовки с серебряной насечкой.

Насколько первый был высок, хорошо сложен, с приятными манерами,

настолько второй собеседник был мал, коренаст и вообще несимпатичен. Богатый костюм, не гармонируя с наружностью, делал его еще более отталкивающим. Он был похож на шакала, по кровожадности и свирепости не уступающего льву, но не обладающего ни его благородством, ни его храбростью.

Эта прогалина была одним из главных мест сборищ шайки Эль-Бюитра, грозного бандита, который в то время свирепствовал в штате Гвадалахара... Люди, собравшиеся на этой прогалине, составляли его шайку, а собеседниками были сам Эль-Бюитр и Эль-Гарручоло, его лейтенант и самый близкий друг.

Тут необходимо сделать одно интересное замечание: беседа друзей велась не на испанском, а на английском языке.

— Гм! — проговорил Эль-Гарручоло, затягиваясь табаком и выпуская дым обратно через рот и через нос. — Понять не могу, почему именно вам так не нравится наша профессия, Джон? А мне она, наоборот, кажется очаровательной... Здешние мексиканцы смирны, как овечки, их можно грабить сколько угодно, и они даже и не пикнут... Надеюсь, вы не станете отрицать, милейший мой, что здесь, отпарывая одни только пуговицы от их панталон, мы зарабатываем гораздо больше, чем нам могло бы дать ограбление богатейшего из наших джентльменов.

— Все это так, друг мой, — отвечал Эль-Бюитр, с недовольным видом отбрасывая в сторону свою сигаретку. — Я ничего не могу сказать против. Доход мы имеем здесь прекрасный, опасности никакой, в этом отношении я с вами согласен. Но...

— Ну? Что же вы остановились? Продолжайте.

— Я хотел сказать вам... Неужели же мне суждено весь век только этим и заниматься?..

Эль-Гарручоло весело расхохотался.

— Так вот где вам трет седло? — сказал он, пожимая плечами. — Вы с ума сошли, *compadre*. Каждому человеку суждено делать то, чем он в данную минуту занимается, в особенности же, когда он сам выбрал это занятие...

— Вы этим хотите сказать...

— Только то, что говорю, — ничего больше. Когда я нашел вас в Мехико под арками на Пласа-Майор, вы лежали с кинжалом, воткнутым в грудь по самую рукоятку, и без единого реала<sup>29</sup> в кармане. Мне следовало бы — *caspita!*<sup>30</sup> — оставить вас подыхать, как собаку, а не возиться с вами и вас лечить... По крайней мере, теперь я не слышал бы этого безумного

брета!

— Почему же вы так не сделали? Я, правда, умер бы, но зато не запятнал бы позором честное имя.

— А ну его к черту! И честное имя, и того, кто его носит! Вы меня просто из себя выводите, мой милый, вашими смешными претензиями. Вы так увлечены этой вашей дурацкой манией благородства, а вам не мешало бы помнить, что вы не что иное, как найденыш.

Эль-Бюитр нахмурил брови и, схватив за руку лейтенанта, сказал ему:

— Довольно об этом, Редблад<sup>31</sup>! Я ведь уже говорил, кажется, и несколько раз, что не желаю слышать никаких шуток на этот счет.

— Ба-а! Что такое, в сущности, найденыш? Тут по-моему и сердиться-то не из-за чего... Это такой несчастный случай, за который нельзя делать ответственным даже самого честного человека.

— Вы мой друг, Редблад, или, по крайней мере, стараетесь казаться моим другом?

— Точно так же, как и вы, благородный сэр Джон Стенли, — перебил его бандит. — Пожалуйста, не высказывайте таких подозрений на мой счет, они меня оскорбляют и коробят сильнее, чем вы думаете. Я принадлежу вам так же, как лезвие моего ножа принадлежит рукоятке... Я ваш телом и душой... У меня только и есть одна эта добродетель, не отнимайте же ее у меня.

Эль-Бюитр с минуту молчал, а затем сказал примиряющим тоном:

— Я виноват, простите меня, брат... Вы столько раз уже доказывали мне свою дружбу, что я, сознаюсь в этом, не имел ни малейшего права в ней сомневаться... Но, несмотря на это, мне ваша дружба все-таки кажется очень странной, и я довольно часто задаю себе вопрос, каким образом вы, Редблад, человек, который ненавидит всех людей, для которого не существует ничего святого, — каким это образом можете вы питать ко мне такую дружбу, что ради меня готовы идти на любые жертвы. Это кажется мне таким странным и необыкновенным, что я дорого дал бы за то, чтобы найти решение неразрешимой для меня загадки.

— Вы просто сумасшедший, Джон, — возразил бандит насмешливо. — Зачем вам нужно знать, за что я вас люблю? Вы все равно не поняли бы меня, и, по-моему, с вас уже достаточно знать, что я в самом деле люблю вас. Неужели вы тоже считаете меня таким лютым зверем, которому недоступно ничто человеческое?

— Я этого не говорил.

— Но вы так думаете, что, в общем, одно и то же. Ну да мне все равно; я не только позволяю вам не благодарить меня, но вы даже можете

ненавидеть меня, — мне решительно все равно! Я люблю вас не потому, что это вам нравится, а потому, что я так хочу... На этом и закончим наш разговор и потолкуем лучше о другом...

— Охотно. Добиться от вас того, что я хочу, так же трудно, как сделать белым негра... И тут и там все мои хлопоты пропадут даром.

— Та-та-та! Вы сумасшедший, повторяю еще раз. Но только не мешайте мне. Если удастся одно дело, которым я сейчас занят, мы с вами очень скоро похороним Эль-Бюитра с тем, чтобы воскресить Джона Стенли.

Сальтеадор вздрогнул.

— Помогите вам Господи!

— Пожелайте лучше, чтобы мне помог черт!.. Это дело его касается гораздо ближе, — насмешливо проговорил бандит. — Но вы не отчаивайтесь и положитесь во всем на меня. Я надеюсь, что очень скоро мы до такой степени переменяем шкуру, что никакой черт нас не узнает. Видите ли, Джон, на этом свете достаточно уметь только поймать мяч на лету и самому увернуться вовремя.

— Признаюсь вам, друг мой, я не понял ни одного слова из всего того, что вы мне говорили сейчас.

— Э! Да зачем вам нужно понимать? Вспомните, разве вам приходилось когда-нибудь жалеть о том, что вы позволяли мне руководить вами?.. Еще немного, и мы вывернем кафтаны и изменим не профессию, которой так приятно и выгодно заниматься, а имя, и возьмем другое, более звучное и знатное.

— Посмотрите-ка, — добавил он с иронией, указывая на собравшихся вокруг них бандитов, — какую внушительную коллекцию честных людей пустим мы с вами тогда в обращение под нашим флагом! Подумайте только, какой это произведет эффект! Мы — и вдруг сделаемся официальными защитниками угнетенных!

— Да, — проговорил Эль-Бюитр задумчиво. — Я постоянно мечтал...

— Развить это дело, как следует, не так ли? — перебил его приятель. — И мне совершенно понятно: ничего не может быть лучше, чем серьезно относиться к своим обязанностям, если хочешь, чтобы тебя уважали. Ну так вот! Будьте спокойны, я доставлю вам это удовольствие. Если со временем вас почему-то покинет счастье, вас, наверное, расстреляют вместо того, чтобы отправить на виселицу или познакомить с гароттой<sup>32</sup>, что тоже, согласитесь сами, может служить до известной степени утешением.

— Да, — согласился и Эль-Бюитр, — быть расстрелянным не

откажется ни один джентльмен.

— Прежде флибустьерам жилось куда лучше нашего. Они завоевали целые государства и передали имена свои потомству, которое помнит только о подвигах героев и совсем забыло о преступлениях бандитов.

— Вы никогда не в состоянии говорить серьезно?

— Я говорю даже слишком серьезно... Неужели вы не понимаете, что, еще не спрашивая вашего мнения, я уже предугадываю ваше желание и готовлю вам место рядом с именами Кортеса, Альмагро и Писарро<sup>33</sup>, слава которых так давно не дает вам спать спокойно.

— Можете насмеяться, сколько угодно, Редблад, — сказал сальтеадор с глубоким волнением. — Но если вы успели изучить мой характер и оценить его, то должны знать, к чему я стремлюсь. Я мечтаю возродить народ, который столько веков находится под гнетом унижительного рабства. — Вы заботитесь только о благе человечества; это решено и подписано! — с иронией заметил бандит. — Если бы мы с вами мечтали об исправлении нравов и об изменении к лучшему существующего порядка вещей, мы не были бы детьми дядюшки Сэма<sup>34</sup>, детьми свободной страны, где филантропия процветает лишь на словах. И вот, должно быть, с этой же целью мы и ведем такую жизнь карателей несправедливости и рыцарей большой дороги — занятие само по себе, надо сознаться, интересное и веселое, тем более что мы так добросовестно исполняем свои обязанности.

— Убирайтесь к черту! — вскричал с гневом молодой человек. — Неужели я так никогда и не узнаю, как нужно разговаривать с вами!

— Нет, — серьезно отвечал бандит. — Вы не добьетесь этого до тех пор, пока будете хитрить со мной, которому известны ваши тайные помыслы. Перестаньте играть передо мной роль честного человека, который никогда никого не обманывает, и держите себя как и подобает главарю бандитов, пока вам не удастся стать кем-нибудь другим. Вот когда наступит такая минута, тогда и кутайтесь в этот плащ лицемерия, он будет обманывать дураков и поможет укрепить завоеванное вами положение.

В эту минуту в чаще леса послышался крик ночной совы.

— Что это такое? — спросил Эль-Бюитр, который был совсем не прочь прекратить разговор, принимавший нежелательный оборот.

— Сигнал одного из часовых, — отвечал Эль-Гарручоло. — По всей вероятности, явился один из наших, ходивший на разведку. Как вы и сами знаете, тут скоро должны проехать путешественники.

— Но говорят, что все они хорошо вооружены. И кроме того, с ними большой конвой.

— Тем лучше! Они будут защищаться, и это нас немножко позабавит!

— Да, путешественники в последнее время как будто сговорились и безропотно позволяли грабить себя.

— Если только шпионы сказали мне правду, с этими господами вам придется повозиться.

Крик ночной совы повторился, и на этот раз уже гораздо ближе.

— Пора, — сказал Эль-Гарручоло.

Оба жоака закрыли себе лица черными бархатными масками.

Почти тотчас же показался человек, которого вели два сальтеадора.

Ступив на прогалину, незнакомец осмотрелся кругом скорее с любопытством, чем со страхом. Ни по его лицу, ни по походке не заметно было, чтобы он чувствовал себя как человек, попавший в западню. Он был только бледен.

Бандиты подвели его прямо к жоакам.

Последние, не поднимая масок, внимательно осмотрели вновь прибывшего, а затем Эль-Бюитр заговорил по-испански.

— Где, черт возьми, вы добыли этого негодяя? — грубым голосом сказал он. — У него нет при себе ни одного *oschavo*. Повесьте его, и делу конец.

— Да, — заметил лейтенант, — он только этого и заслуживает за то, что по собственной глупости запутался в сетях, расставленных для более благородной дичи.

— Виноват, ваша милость, — заметил один из бандитов, почтительно кланяясь, — мы вовсе не случайно захватили и привели сюда этого человека. Он уверял, что должен сообщить вам какое-то очень важное известие.

— А! — проговорил вождь. — Теперь и я узнал трактирщика из месона де-Сан-Хуан.

Пленник молчаливым поклоном подтвердил слова вождя.

Это в самом деле был сам достойный Сакаплата. Отправив своего слугу, трактирщик в то время, пока дон Корнелио был у полковника, решил, что такие дела следует обделывать всегда самому лично, а так как ему очень хотелось, чтобы дело непременно удалось, он отправился за пеоном, которого и нагнал довольно скоро. Бедняга страшно боялся сальтеадоров и не очень-то торопился исполнить возложенное на него поручение.

Сакаплата приказал ему возвращаться в месон и вместо него отправился сам.

— Так, так! — заметил лейтенант. — Уж не собрался ли господин Сакаплата вступить с нами в сделку? Лучше этого ничего нельзя было бы и

придумать.

— Я этого не отрицаю, многоуважаемый caballero, — отвечал трактирщик медовым голосом. — Дела идут в настоящее время очень плохо, и, согласитесь сами, кто же откажется, если ему предоставится случай что-нибудь заработать честным путем... Но только сначала я хотел...

— Говори скорей! — резко перебил его Эль-Бюитр. — Нам некогда терять время в дурацких разговорах.

Из этих слов трактирщик понял, что ему и в самом деле нужно выражаться коротко и ясно, если он не хочет нажить неприятности.

— Дело вот в чем, — сказал он. — У меня в месоне остановились несколько богатых путешественников.

— Мы это знаем. Дальше?

— В числе их находится один полковник...

— Дон Себастьян Гверреро, который едет в Тепик со своей дочерью и четырьмя слугами, — перебил его лейтенант. — Дальше?

— Дальше? — проговорил смутившийся трактирщик.

— Да, дальше! — продолжал лейтенант.

— Это все.

— Негодяй! Неужели ты только затем и пришел сюда, чтобы сообщить нам новость, которую мы знаем так же хорошо, как и ты! — вскричал Эль-Гарручоло.

— Я хотел оказать вам услугу.

— Ты явился сюда шпионом?

— Я?

— Да. Или, может быть, ты считаешь и нас такими же дураками, как ты сам, негодяй? Ты долго будешь помнить это, доносчик!

Сакаплата в надежде, что ему удастся отделаться только страхом, попытался улыбнуться.

— Подожди одну минуту, — сказал лейтенант. — Я скажу тебе сам, зачем ты пришел: ты хочешь отомстить полковнику Гверреро, который несколько часов назад расправился с тобой по заслугам.

— Но, — стал было оправдываться трактирщик.

— Молчать! Тебе все равно не удастся обмануть меня. Я сам был там и видел все. Ты слишком труслив, чтобы осмелиться отомстить своими силами, и вот ты вспомнил о нас в надежде, что мы не откажемся оказать это маленькое одолжение. Ну, что скажешь? Разве не так?

— Я не смею спорить с вашей милостью, — отвечал трактирщик, начинавший жалеть, что сунулся в это осиное гнездо.

Допрос месонеро не мог не обратить на себя внимания остальных бандитов, которые теперь столпились в кружок, лукаво пересмеиваясь. Они успели уже привыкнуть к эксцентричным выходкам своего вождя, но им все-таки и в голову не могло прийти, какой страшный оборот примет допрос пленника.

Лейтенант сначала самым убедительным образом доказал Сакаплате, что слишком хорошо известны причины, заставившие его предложить свои услуги сальтеодорам, и насмешливо продолжал:

— Милейший месонеро, мы не прочь взять на себя труд отомстить полковнику за тебя, тем более, что мы уже и раньше имели намерение напасть на него.

— А! — протянул трактирщик, начинавший успокаиваться.

— Да, но только по зрелому размышлению мы отказались от этого проекта. Полковник человек храбрый и, наверное, станет защищаться. Кроме того, при нем есть еще и конвой: четверо хорошо вооруженных и смелых молодцов. Словом, для нас тут слишком много риска, но если ты так уж непременно хочешь...

— Очень хочу! — вскричал трактирщик, введенный в заблуждение добродушным тоном бандита.

— Отлично, — продолжал последний, меняя тон, — значит мы это дело вместе и обделаем... Но ведь всякий труд должен быть оплачен, как тебе известно. — Следовательно, ты должен заплатить мне двадцать унций за то, что я берусь отомстить за тебя, и десять унций как выкуп за себя.

— Упаси меня, Боже! — вскричал трактирщик, в отчаянии сжимая руки. — Даже и во сне не видел я таких денег.

— Мне это, решительно, все равно. Я никогда, ни при каких обстоятельствах не изменяю уже принятого решения. В следующий раз ты дважды подумаешь, прежде чем сунешься очертя голову, в когти к Эль-Бюитру, доносчик...

— О кабаллеро! — вскричал злосчастный Сакаплата, падая на колени. — Я бедняк, пожалейте меня, благородный лейтенант, умоляю вас!

— Эй! Пора кончать!

Несмотря на крики и мольбы, стража схватила трактирщика и потащила под громкий хохот бандитов, которым доставляла удовольствие удачная выдумка лейтенанта.

— Остановитесь! — закричал вдруг трактирщик. — Если не ошибаюсь, у меня есть при себе немного денег.

— Нет! Нет! — закричали разбойники. — Пусть отдает все — или же мыотрежем ему уши...



Эль-Гарручоло сделал знак. Порядок был восстановлен.

— Ну? — сказал он.

Негодяй вздохнул и принялся шарить в карманах, жалобно причитая на все лады и уверяя, что он окончательно разорится, но это не производило никакого впечатления на бандитов, и они слушали его жалобы с самым равнодушным видом... Наконец трактирщик набрал немногим более половины требуемой суммы.

— Гм! — проговорил лейтенант, пряча деньги в карман. — Это почти что ничего, но я человек добрый. У тебя больше нет денег?

— О! Клянусь вам, ваша милость, — отвечал трактирщик, вывертывая для доказательства все свои карманы.

— Ну, что же делать? — философски продолжал Эль-Гарручоло. — На нет и суда нет, а так как у тебя только и есть...

— Уверяю вас! — проговорил тот, причем лицо его просветлело, и он уже считал себя спасенным...

— Тогда, — продолжал лейтенант, — привяжите его только за одно ухо — справедливость прежде всего.

Страшный взрыв хохота всей шайки приветствовал это решение.

Трактирщика приподняли, подтащили к дереву, и прежде, чем он успел сообразить, чего от него хотят, один из бандитов пригвоздил его к дереву, проткнув кинжалом правое ухо. Бедняга взвыл от боли.

— Ага, отлично сделано, — сказал лейтенант. — Теперь я должен тебе сказать еще, что если ты не перестанешь реветь как безумный, то тебе заткнут рот.

— Грабители! Палачи! Убийцы! Убейте меня!

— Нет, убивать мы тебя не станем!.. А вот слушай лучше, что я тебе скажу... Эта рана пустячная, и если ты хочешь освободиться, тебе стоит только потянуться немного... Ты, правда, немного разорвешь при этом ухо, но это такие пустяки, о которых и говорить не стоит... Затем ты можешь идти домой. Один из наших друзей проводит тебя, и ты отсчитаешь ему остальную сумму.

— Ни за что! — заревел трактирщик. — Ни за что! Лучше умереть.

— Что же, умирай, пожалуй!.. Нам же будет лучше... Мы и сами заберем все, что хранишь в тайнике, который так ловко устроил в стене своего кварты и загородил картиной Гваделупской Богоматери. Ну? Как тебе это нравится?

Не успел еще лейтенант докончить последней фразы, как трактирщик резким движением уже вернул себе свободу и, не думая о своем страшно изуродованном ухе, бросился к ногам Эль-Гарручоло.

— Я согласен, я согласен!.. Только умоляю вас, не разоряйте меня!

— Я был уверен, что мы с тобой скоро столкнемся... Ну, иди же скорей, бездельник, и, если это может тебя утешить, знай, что мы отомстим полковнику за тебя!

— Да, — прошептал про себя трактирщик, — а кто отомстит тебе за меня? Благодарю вас, — громко проговорил он, — ваше обещание заставляет меня забыть все, что я вынес здесь.

— Тем лучше! Но только смотри, не вздумай изменить нам и предать нас... Мы сумеем тебя разыскать.

Сакаплата молча опустил голову.

Он только теперь понял, что для него всего лучше было бы спокойно остаться дома и не мечтать о мщении, которое стоило ему тридцати унций золотом и одного уха, а предоставить событиям идти своим чередом.

Вернувшись домой, он заплатил остальную часть назначенного выкупа, захлопнул дверь у самого носа провожавшего его бандита, лицемерно рассыпавшегося в благодарности, упал на скамью и лишился чувств.

## IV. Ущелье дель-Маль-Пасо

Остаток ночи прошел спокойно, и ничто уже не нарушало покой, которым наслаждались путешественники, остановившиеся в месоне де-Сан-Хуан. Часов около четырех утра двери квартос начали открываться одни за другими. Свет замелькал в окнах. Крики погонщиков и бубенчики мулов разбудили полковника и его дочь, извещая, что настала пора готовиться к отъезду.

Дон Себастьян после того, как дон Корнелио сообщил ему о своих подозрениях, видимо, не особенно торопился в путь до восхода солнца еще и потому, что предстояло пройти ущелье, описанное нами в предыдущей главе, где чрезвычайно легко расставить западню.

Ущелье дель-Маль-Пасо пользовалось очень дурной славой. В течение последних нескольких месяцев там было совершено несколько убийств, носились слухи, что грозный предводитель разбойников Эль-Бюитр устроил там штаб-квартиру.

Полковник, несмотря на всю свою храбрость, вовсе не собирался кидаться в потемках в это разбойничье гнездо, из которого почти невозможно было рассчитывать выбраться целым и невредимым.

Другое дело, когда взойдет солнце, тогда увеличатся и шансы на благополучный исход этой смелой попытки. Его конвой, хоть и немногочисленный, составляли старые, привыкшие к битвам солдаты, сильно привязанные к своему командиру. Мексиканские разбойники, вообще, довольно трусливы, и как только встречают серьезное сопротивление, они почти тотчас же отказываются от нападения.

Эти причины, да, кроме того, еще и боязнь испугать дочь и подвергнуть ее излишним опасностям, заставили полковника пропустить вперед всех остальных посетителей месона. Последние, действительно, не замедлили покинуть харчевню и рассеяться по разным направлениям.

Сеньор Сакаплата с нахмуренными бровями и головой, обложенной компрессами и обмотанной тряпками, угрюмо расхаживал по патио, заложив руки за спину и лишь изредка взглядывая на окна комнаты полковника. При этом он бормотал про себя:

— *Voto a Dios!* Да скоро ли, наконец, соберется уезжать этот проклятый полковник, который так любит ни за что ни про что истязать несчастных бедняков!.. Но так или иначе, а теперь он уже не уйдет от ожидающего возмездия.

В эту минуту в патио показался человек, брэнчавший на харане и напевавший вполголоса:

Non sabe donde mirar  
De todo teme y rezela,  
Si al ciclo teme su furia  
Porque hito al cielo ofensa?<sup>35</sup>

Это четверостишие из романсеро о короле Родриго, спетое, по всей вероятности, без всякой задней мысли нанести оскорбление, ударило трактирщика не в бровь, а прямо в глаз, и он, повернувшись к незадачливому певцу, грубо заставил его прекратить пение.

— Идите вы к черту с вашими песнями! — крикнул раздраженно месонеро. — Чего это ради вам пришло в голову визжать мне прямо в уши, тогда как вам давным-давно пора собираться в дорогу?

— Э-э! Да ведь это наш достойный трактирщик собственной персоной, — отвечал дон Корнелио, не меняя своего веселого настроения. — Неужели вы так сильно не любите музыку? А это совсем напрасно, хозяин, потому что я сейчас пою чудную вещь.

— Может быть и так, — отвечал тот сурово, — но я буду очень вам благодарен, если вы избавите меня от необходимости слушать ваше пение.

— О-о! Да вы просто не в духе сегодня... Что такое с вами случилось, и чего ради вы так закутались? Клянусь спасением моей души, уж не больны ли вы? О! Теперь я все понимаю! Вы, должно быть, спали с открытым окном и простудили себе зубы.

Трактирщик позеленел от бессильного гнева.

— Caballero! — вскричал он. — Берегитесь!

— Чего? — миролюбиво отвечал дон Корнелио. — Насколько мне известно, зубная боль не заразна. Бедняжка! Он даже сам не знает, что говорит... Вам надо лечиться, милейший, послушайте моего совета.

С этими словами певец бесцеремонно повернулся спиной к месонеро и снова запел романс, так не понравившийся трактирщику.

— Гм! — пробормотал тот, показывая тайком кулак. — Надеюсь, что и тебе достанется на орехи в общей свалке... Не будешь так смеяться!.. А, вот и солнце всходит.

День почти мгновенно сменил ночь.

Дон Корнелио помогал слугам полковника чистить лошадей и седлать мулов, на что сейчас же обратил внимание трактирщик, и это вызвало у него ехидную улыбку. Если бы ее увидел полковник, он, наверное, сильно бы призадумался.

Вдруг снаружи послышался стук лошадиных копыт, и через ворота,

оставшиеся открытыми после отъезда погонщиков и других путешественников, в патио на полных рысях влетели два всадника.

При таком неожиданном появлении всадников трактирщик обернулся, точно его укусила змея.

— Ну! — пробормотал он. — Не успел еще и день настать, а это проклятое исчадье уже начинает валиться мне на руки!

Двое вновь прибывших, не обращая ни малейшего внимания на дурное расположение духа трактирщика, спрыгнули с седел и, разнуздав лошадей, провели их к колодцу пить.

Приезжие были люди уже не совсем молодые, лет сорока — сорока пяти, и, судя по костюму, казались пограничными жителями. Как и все путешественники в этой благодатной стране, где каждый должен рассчитывать только на себя, они были вооружены с головы до ног, но только вместо обыкновенных ружей, употребляемых местными жителями, у них были превосходные американские карабины. Последнее обстоятельство, а также сарапе<sup>36</sup> индейского происхождения и их горячие полудикие мустанги заставляли предполагать в них жителей Соноры<sup>37</sup> или, по крайней мере, людей, живущих в этом штате.

Трактирщик, видя, что вновь прибывшие не обращают на него никакого внимания, решился, наконец, сам заговорить.

— Что вам угодно? — спросил он их.

— Пока ничего, — отвечал старший из путешественников, — но как только лошади наши напьются, вы дадите каждой из них по мерке маиса и по вязанке альфальфы.

— Я месонеро, а не пеон, и вовсе не обязан задавать им корм, — грубо возразил тот.

Путешественник, говоривший с трактирщиком, искоса взглянул на него.

— Будет ли это сделано вами или вашими слугами, мне решительно все равно, — ответил он сухо, — я хочу только, чтобы мое приказание было исполнено как можно скорее, потому что я спешу.

Заметив сердитый косой взгляд говорившего, трактирщик предпочел прекратить спор.

В течение последних нескольких часов бедному Сакаплате что-то сильно не везло с путешественниками: все, кого посылала ему за эти сутки судьба, были удивительно похожи на молодых быков, вырвавшихся из загона.

— Ваша милость, по всей вероятности, спешит ехать дальше? —

заговорил он вкрадчиво.

Незнакомцы не отвечали ни слова.

— Надеюсь, вы не сочтете излишним любопытством с моей стороны, — продолжал трактирщик, — если я спрошу, в какую сторону думает ехать ваша милость?

Один из путешественников поднял голову:

— Если вас кто-нибудь спросит об этом, отвечайте, что вы не знаете. А теперь ступайте, милейший, заниматься своим делом и не забудьте пословицу: всяк сверчок знай свой шесток.

Трактирщик пожал плечами, опустил голову и через мгновение скрылся, чему немало способствовало появление полковника, который в эту самую минуту входил в патио, и с которым ему вовсе не хотелось встречаться.

Незнакомцы молча, с улыбкой, переглянулись и затем принялись следить за пеоном, который в это время задавал корм их лошадям.

Дон Себастьян решил ехать и теперь пришел в последний раз взглянуть на лошадей, перед тем как вызвать в патио свою дочь.

Дон Корнелио, увидев полковника, поспешил к нему навстречу и, поздоровавшись, отвел его немного в сторону и почти шепотом сказал:

— Взгляните-ка, полковник, на этих двух кабаллерос!.. Вот были бы хорошие попутчики, как мне кажется.

— Да, ваша правда, но только вот вопрос, согласятся ли они ехать с нами?

— А почему бы и нет? Если им по одной дороге с нами, им это принесет такую же пользу, как и нам, если не больше.

— Да, правда. Вы с ними говорили?

— Нет еще, они только сейчас приехали, и потом, вам, по-моему, следовало бы самому поговорить с ними.

— Что ж...

Полковник покинул дону Корнелио и, подойдя к незнакомцам, приветствовал их вежливым поклоном, а затем сказал:

— Чудные у вас лошади, *senores caballeros*, кажется, настоящие мустанги из прерий.

— Да, эти лошади из прерий, *senor caballero*, — отвечал один из путников, кланяясь полковнику.

— Рано же вы вздумали сегодня останавливаться на отдых, — продолжал полковник. — На таких лошадях, как ваши, нет надобности делать частые остановки.

— А что дает вам повод думать, *senor caballero*, что мы сегодня дальше

уже не поедем?

— Зачем же вы приехали сюда так рано?

— Ах, да... Но тут вы можете и ошибиться...

— Извините за мой нескромный вопрос, *senores caballeros*, но мне хотелось бы знать, куда вы едете: в Гвадалахару или же из Гвадалахары?

— *Caballero*, — сухо ответил разговаривающий с ним незнакомец, — мы тем охотнее готовы извинить вашу нескромность, что в этом месоне все, по-видимому, тем только и занимаются, что спрашивают путешественников. Но только позвольте мне не отвечать на ваш вопрос. Мы с моим другом люди опытные и слишком хорошо знаем, что в этой стране больше всего приходится сожалеть, когда много говоришь о своих делах, и никогда не жалеешь, если хранишь это про себя.

Полковник выпрямился с обиженным видом.

— Как вам будет угодно, *caballero*, — холодно ответил он, — я не имею права сердиться на вас за вашу осторожность, но только позволю себе заметить, что вы истолковываете мои намерения в дурную сторону... Если вы едете в *tierracaliente*, могу предложить вам охрану моего конвоя, пока мы не минуем место, пользующееся дурной славой. В настоящую минуту там засела шайка одного страшного бандита, которого зовут Эль-Бюитр.

— Я слышал много рассказов об этом человеке, — проговорил незнакомец гораздо приветливее, — и надеюсь, что мы с моим другом сумеем и сами не дать себя в обиду разбойникам... Но если я и отказываюсь от вашего предложения, то считаю себя обязанным поблагодарить за участие к людям, совершенно вам неизвестным.

На этом разговор и закончился. Собеседники раскланялись друг с другом со всеми знаками вежливости, и затем Полковник, видимо, сильно оскорбленный тем, как сухо было принято его любезное предложение, отдал приказание готовиться к отъезду и пошел за дочерью.

Минуту спустя он снова появился, уже вместе с ней. Все сели на лошадей и по знаку донна Себастьяна тронулись в путь.

Проезжая мимо незнакомцев, смотревших на выступление маленького отряда, полковник и дон Корнелио вежливо приподняли свои шляпы, донья Анжела тоже послала грациозный поклон, сопровождая его очаровательной улыбкой.

Незнакомцы почтительно обнажили головы и низко склонили их, взглядом провожая уезжающих.

— Лови, бездельник, — крикнул полковник, бросая унцию золота трактирщику, который тоже присутствовал при отъезде

путешественников. — Это тебе сгодится на покупку примочки.

Сакаплата поднял унцию, спрятал ее в карман и, перекрестившись, пробормотал себе под нос:

— Ну, тебе, пожалуй, понадобится куда больше унций, чтобы залечить твои раны!.. Ба-а! — добавил он с зловещим смехом. — Теперь это, впрочем, уже дело Эль-Бюитра; пусть они там устраиваются, как хотят!

Выехав за ворота месона, дон Себастьян разделил всю кавалькаду на три отряда. Первый отряд составили двое слуг, которым было приказано с ружьями наготове ехать впереди; второй отряд, тоже из двоих слуг, образовал арьергард, а составлявшие третий отряд полковник и дон Корнелио, обступив донью Анжелу, следовали в середине. Покончив с этим, полковник скомандовал: «рысью», и все три отряда быстро помчались навстречу грозившей им опасности.

Между тем оба незнакомца остались в месоне.

Они довольно долго следили глазами за маленькой группой, а затем, как только лошади съели корм, взнуздали их и стали затягивать подпруги.

— Послушайте, дон Луи, — сказал, наконец, младший из незнакомцев, — у меня так тяжело на сердце, что я непременно должен сказать вам, что меня гнетет, хотя бы вы и рассердились.

— Говорите, друг мой, — отвечал его спутник с грустной улыбкой. — Да я и сам знаю, что заставляет вас задуматься.

— Может быть, хотя, признаюсь вам, меня это удивляет.

— Ну, слушайте, Весельчак... Вас, конечно, очень интересуется, да и не могло не интересоваться, почему я так грубо разговаривал с этим господином, которого всего только минутой раньше увидел в первый раз в своей жизни.

— Верно! Сколько я ни ломал себе голову, так и не мог объяснить, чем вызвано было ваше странное поведение...

— Не ломайте себе голову попусту, друг мой!.. Я, поступая так, поддался тайному предчувствию и действовал почти инстинктивно. Я сам не знаю, почему все так вышло.

— Как это странно!

— Вам, конечно, знакомо инстинктивное отвращение, которое испытываешь, прикасаясь к пресмыкающемуся?

— Да.

— Ну так вот! Когда этот человек стал подходить ко мне, я, еще даже не глядя на него, уже чувствовал, что он приближается... сердце мое учащенно билось... А когда он заговорил, у меня так болезненно сжало грудь, что я готов был упасть в обморок.



Весельчак с минуту смотрел на него, а затем сказал:

— И вы на этом основании решили...

— И я решил, — перебил его старший, — что этот человек рано или поздно станет моим врагом, и я боюсь, что встреча с ним в такой день будет для меня даже роковой.

— Послушайте, мой друг, но ведь это невозможно. Вы уезжаете из страны, чтобы больше никогда уже сюда не возвращаться, так как, несмотря на все наши старания, вам не удалось найти того, ради кого вы сюда приехали. Человек, которого вы сегодня встретили, один из высших офицеров мексиканской армии и, по всей вероятности, никогда не; покинет свою родину... Где же можете вы с ним встретиться?

— Не знаю, Весельчак, не люблю загадывать вперед. Я, например, твердо решил, проводив вас до асиенды дель-Милагро, отправиться в Гуаймас, сесть там на первый попавшийся корабль и уехать из Мексики навсегда. А между тем, повторяю вам, я убежден, что еще раз встречу этого человека и встречу как врага. Встреча эта будет роковой для одного из нас.

— Хорошо, хорошо, пусть будет по-вашему, я не стану больше спорить по этому поводу. Нам пора уже и отправляться, так как сегодня предстоит длинный переезд.

— Да, правда, нам пора ехать... Забудьте, милый друг, мою болтовню о разных предчувствиях. Как Бог даст, так и будет.

— Аминь! — отвечал Весельчак. — Вот таким я хотел бы вас видеть всегда. В такие минуты вы похожи на храброго Рафаэля, на моего дорогого друга Чистое Сердце, с которым я хочу вас познакомить.

— Вы доставите мне этим величайшее удовольствие.

Они вскочили на лошадей, заплатив трактирщику за постой и за корм и покинули месон де-Сан-Хуан. Друзья поехали шагом по дороге к ущелью дель-Маль-Пасо.

Они довольно долгое время ехали молча, не обмениваясь ни одним словом. Наконец, канадец решился нарушить это молчание и, обращаясь к своему спутнику, сказал:

— Послушайте, дон Луи, если полковник сказал нам правду, то двое таких людей, как мы с вами, могли бы оказать ему, в случае надобности, большую услугу.

— А какое нам дело до него? — грубым тоном спросил дон Луи.

— Конечно, никакого, если бы речь шла только об этом — почему-то антипатичном вам — полковнике. Я предоставил бы ему выпутываться, как он сам знает, если на него нападут сальтеадоры.

— Ну?

— Вы меня не понимаете?

— Нет, клянусь честью.

— Разве вы не видели молодой девушки, которая отправилась вместе с ним?

— Конечно, видел.

— Подумайте!... Какое это было бы несчастье!..

— Клянусь Богом! — живо перебил его граф де Пребуа-Крансе (таково настоящее имя старшего из путешественников), — как это раньше мне не пришло в голову? Бедная молодая девушка! Вперед, Весельчак, вперед! Ее надо спасти! Во что бы то ни стало!

— А! — вскричал канадец. — Я знал, что, в конце концов, сумею задеть вас за живое!

Всадники пригнулись к шеям лошадей и, как вихрь, помчались по следам, оставленным кавалькадой.

Не проехали еще и мили — как до них уже донеслись громкие крики и выстрелы.

— Вперед! Вперед! — закричал граф, пришпоривая лошадь.

— Вперед! — повторил за ним Весельчак.

Ураганом влетели они в ущелье и, как два демона, смело бросились в самую гущу схватки.

Разрядив винтовки, они схватили их за дула и принялись направо и налево наносить удары прикладами.

Неожиданно явившаяся помощь подоспела вовремя: трое из слуг, составлявших конвой, были убиты, дон Корнелио лежал раненый на земле, а сам дон Себастьян, прислонившись к гранитной скале, отчаянно отбивался от пяти или шести бандитов.

Эль-Бюитр схватил донью Анжелу и, несмотря на ее крики и сопротивление, успел уже перекинуть через седло.

Дон Луи налетел на похитителя и сильным ударом приклада по голове свалил с лошади, бандит замертво грохнулся на землю. Молодая девушка была свободна.

Весельчак, со своей стороны, тоже не терял времени даром, он без милосердия избивал попадавшихся ему под руку бандитов.

Сальтеадоры, застигнутые врасплох внезапным нападением и не знавшие числа нападавших на них новых врагов, сразу лишились мужества и, охваченные паническим страхом, бросились бежать в разные стороны.

Эль-Бюитр — и на этот раз — избежал петли, благодаря Эль-Гарручоло. Тот, рискуя собственной жизнью, взвалил на плечи своего капитана и спас его от заслуженного наказания.

Разбойники потеряли две трети всей шайки. Когда восстановилось спокойствие, дон Себастьян горячо поблагодарил обоих незнакомцев за оказанную помощь, которая явилась так вовремя.

Дон Луи вежливо, но очень холодно выслушал благодарные слова полковника и в ответ сказал дону Себастьяну, что лучшей наградой для него служит сознание, что он поступил хорошо. Несмотря на усиленные просьбы категорически отказался назвать свое имя, причем отказ объяснил тем, что он навсегда покидает Мексику и потому не желает взваливать полковнику на плечи такое тяжелое бремя, как благодарность.

При последних его словах Анжела подошла к дону Луи и с улыбкой кроткого упрека сказала ему:

— Я нахожу естественным, что вы, человек, спасший нам жизнь, не придаете этому никакого значения, но мы с отцом всегда будем помнить вас.

И прежде чем дон Луи мог что-либо возразить, очаровательная девушка подпрыгнула, как молодая лань, обняла его за шею и, подставляя свой чистый лоб, сказала со слезами в голосе:

— Поцелуйте меня, мой спаситель!

Граф, видимо, сильно взволнованный таким поступком наивного создания, запечатлел почтительный поцелуй на лбу девушки, отворачиваясь, чтобы не заметили, какую нежность и грусть чувствует он.

Донья Анжела, улыбаясь и краснея, бросилась в объятия к отцу, оставив в руках у дона Луи маленький образок, который обыкновенно носила на шее.

— Сохраните его на память обо мне, — сказала она. — Он принесет вам счастье.

— Да, я сохраню его, сеньорита, — ответил граф, пряча образок на груди, — как воспоминание о той минуте счастья, которую вы, сами того не зная, заставили меня сегодня испытать. Оказалось, что я ошибался, и сердце мое не совсем еще умерло.

Затем все занялись приготовлениями к отъезду. Дон Себастьян, лишившийся своих слуг, не мог и думать о продолжении путешествия. Он хотел возвратиться в Гвадалахару, чтобы там набрать другой конвой, который дал бы ему возможность не подвергать дочь опасности. При этом полковник оказался в сильном затруднении: как быть ему с доном Корнелио, которого он не хотел бросить, но не имел возможности взять с собой.

— Я беру на себя заботу об этом человеке, *senor caballero*, — сказал ему дон Луи. — Не беспокойтесь о нем, мы не особенно торопимся и

отвезем его в месон де-Сан-Хуан, где будем ухаживать за ним до тех пор, пока он совсем не поправится.

Два часа спустя оба отряда расстались перед воротами трактира Сакаплаты , который испуганно наблюдал за их возвращением. Но полковник счел более подходящим, учитывая интересы дона Корнелио, сделать вид, что ему ничего не известно об участии трактирщика в нападении сальтеадоров, чуть не стоившем жизни ему и его дочери.

Дон Себастьян и дон Луи на прощанье обменялись холодными поклонами, убежденные, что им больше никогда не придется встретиться.

## ГЛАВА I. Ночь в пустыне

До открытия богатых россыпей в окрестностях Сан-Франциско, Калифорния была совершенно дикой и неизвестной страной. Порт Сан-Франциско, самый красивый и самый большой в мире, которому в ближайшем будущем суждено сделаться центром всей торговли в Тихом океане, посещался тогда одними китоловами — они заходили в эти места в определенное время года ловить китов.

Незначительное число индейцев из племени Плоскоголовых бродили в обширных лесах, покрывавших побережье. В стране, которой теперь овладела промышленная лихорадка и которая на всех парусах идет вслед за прогрессом, в то время только хищные звери чувствовали себя полноправными хозяевами.

Бывший офицер швейцарской гвардии короля Карла X<sup>38</sup> основал маленькую колонию на территории Сан-Франциско и занимался заготовкой строевого леса, который он распиливал на доски на нескольких водяных мельницах.

Вот каковой была эта страна, когда внезапно, как удар грома, разнеслась весть об открытии богатых золотых россыпей в Калифорнии.

С этого момента все, точно под влиянием волшебной палочки могучего волшебника, моментально преобразилось. Со всех частей света сюда стали стекаться авантюристы, принося с собой и лихорадочную деятельность, и ту безграничную смелость, которая не знает никаких препон и храбро преодолевает все препятствия.

Там, где тянулись мрачные таинственные леса, старые как сам мир, вырос город и всего через несколько месяцев количество жителей исчислялось десятками тысяч. В его гавани, до сих пор пустовавшей, виднелись многочисленные вымпелы кораблей всех величин и всех наций, — это все вызвала золотая лихорадка.

В погоне за россыпями тут происходило настоящее столпотворение: бездомные бродяги и знатные дворяне, солдаты и священники, дипломаты и врачи, — все они стремились сюда. Их одинаково влекло магическое слово «золото», и ради него они, не задумываясь, пускали в дело кинжал или револьвер.

За золото эти люди готовы были продать и совесть, и честь, и даже самих себя!

В эпоху, которой посвящен рассказ, золото только что было открыто и

Калифорния находилась, так сказать, в самом разгаре золотой лихорадки.

Это было года три спустя после событий, описанных в предыдущих главах...

В Сьерра-Неваде, на живописных склонах, полого спускающихся к морю, в чаще огромного девственного леса, в ста милях от Сан-Франциско, между этим городом и Лос-Анджелесом, весь день стояла удушливая жара. К вечеру с моря подул легкий ветерок и немного освежил атмосферу. Но ветер скоро совсем стих, и снова наступила та же удушливая жара.

Пернатое население лесов, забившись в густую листву, тоже, видимо, сильно страдало от жары и только изредка давало знать о себе резкими нестройными криками. Отвратительные аллигаторы, мокнувшие в болотной грязи или же растянувшиеся вблизи высохших пней, видневшихся там и здесь, были единственными живыми существами, оживлявшими пейзаж. Мрачное, гнетущее впечатление усиливалось слабым, бледным и дрожащим светом луны, лучи которой едва пробивались сквозь зеленый лесной купол.

На одной из бесчисленных тропинок, протоптанных хищниками во время их ежедневных странствований на водопой, послышался топот лошадиных копыт, и из чащи показались два всадника. Они остановились на прогалине, образовавшейся благодаря тому, что на этом месте упало на землю несколько десятков деревьев, покрытые мхом стволы которых уже представляли собой одни гнилушки.

Оба всадника были одеты так, как одеваются охотники или лесные бродяги. Составлявшие их вооружение американские карабины, длинные ножи — мачете и, кроме того, свернутые и привязанные к седельным лукам реаты говорили, что принадлежат они к числу так называемых *пограничных бродяг*. Оба были людьми уже не молодыми.

Но на том и кончалось все сходство между ними, потому что один из них был, несомненно, европеец, а его спутник, со своим оливковым цветом кожи и резкими, грубоватыми чертами лица мог служить превосходнейшим типом индейца из Чили, где туземцы известны под именем арауканов<sup>39</sup>. Арауканы, пожалуй, единственное из всех туземных племен Нового Света, сумевшее даже до настоящего времени сохранить чистоту своей крови и заставить уважать свою независимость.

Выехавшие на прогалину были не кто иные, как Валентин Гилуа, или Искатель Следов, и Курумилла, его молчаливый и самый преданный друг и товарищ с тех пор, как судьба много лет тому назад привела Валентина в Арауканию.

Годы почти не повлияли на их внешность: они держались прямо и

казались очень сильными.

И только на лице француза прибавилось несколько новых морщин, да несколько серебристых нитей примешалось к его волосам. Черты лица стали как будто острее, а смелый и открытый взгляд как будто еще глубже проникал в душу собеседника. Было заметно, что над головой этого человека пронеслось немало бурь и победа досталась ему не даром.

Индеец был все так же, как и прежде, угрюм и сосредоточен. Годы оказали еще меньшее влияние на его могучую натуру, они лишь увеличили его обычную молчаливость и накинули на его темное лицо более густое покрывало того невозмутимого внешнего спокойствия, которое так свойственно почти всем туземцам Америки.

Хотя всадники ехали рядом, они не разговаривали, и каждый молча думал про себя свою думу.

По временам Валентин Гилуа останавливался и внимательно осматривался, затем продолжал продвигаться вперед, с сомнением покачивая головой.

Каждый раз, как охотник останавливал своего коня, Курумилла сейчас же следовал его примеру, но при этом ни одним словом, ни одним жестом не показывал, что хоть сколько-нибудь интересуется, зачем так часто останавливается его друг.

Между тем лес с каждым шагом становился все гуще, а тропинка все уже, и, по-видимому, лошади скоро уже не смогут продвигаться вперед из-за лиан, которые образовывали здесь почти непроходимую зеленую завесу.

Наконец, оба всадника достигли, хотя и с большим трудом, прогалины, о которой мы только что говорили. Добравшись до этого места, Валентин Гилуа остановил лошадь и, облегченно вздохнув, сказал своему спутнику:

— А знаете что, милый друг Курумилла? Я поступил как настоящий сумасшедший, когда поверил вам и согласился ехать с вами сюда... Теперь я ясно вижу, что мы заблудились.

Индеец отрицательно покачал головой.

— Гм! Я знаю, что никто лучше вас не сумеет обнаружить следы и идти по ним, что вы почти всегда сумеете отыскать настоящую дорогу даже там, где никогда не бывали раньше... Но так темнеет, что я, например, почти ничего не вижу в двух шагах от себя... Сознайтесь, что мы заблудились. *Pardieu!*<sup>40</sup> Это ведь может случиться со всяким. По-моему, нам лучше всего оставаться здесь и дожидаться, пока взойдет солнце, а уже потом, днем, продолжать наши поиски. Почти два часа мы пытаемся доказать себе, что все еще идем верной дорогой.

Курумилла, не отвечая ни слова, соскочил с лошади и принялся

исследовать прогалину во всех направлениях. Через несколько минут он вернулся к своему другу и сделал жест, который означал, что он хочет снова сесть на лошадь.

Валентин Гилуа внимательно следил за всеми его движениями.

— Ну! — сказал он, кладя руку на плечо индейцу. — Вы до сих пор еще не убедились?

— Еще один час, — отвечал индеец, мягко высвобождаясь и вновь садясь на лошадь.

— Parbleu!<sup>41</sup> — проговорил Валентин. — Признаюсь вам, мне сильно начинает надоедать эта игра в прятки в непроходимом лесу, и, если вы не дадите мне убедительного доказательства, я не сделаю дальше ни одного шага.

Курумилла нагнулся и, показывая ему небольшого размера вещицу, которую он держал в руке, сказал:

— Посмотрите.

— Э-э! — с удивлением проговорил Валентин, тщательно осмотрев вещь, которую ему передал ему спутник. — Что это за штука? Ба-а! Да как же я сразу не узнал? Это портсигар, и даже очень красивый, честное слово!.. В нем осталась одна сигара.

Охотник с минуту молча рассматривал портсигар, а затем продолжал:

— Правда, я уже давно не видел этих предметов роскоши, от которой я отрекся, чтобы вести жизнь вольного охотника. Где вы нашли это, Курумилла?

— Здесь, — отвечал индеец, указывая рукой на то место, где он обнаружил находку.

— Отлично! Владелец портсигара не должен быть особенно далеко от нас, а поэтому едем дальше.

Валентин Гилуа спрятал портсигар, и оба всадника продолжали путь.

Миновав прогалину, они свернули на тропинку, которая, постепенно сужаясь, тянулась почти на целую милю. Затем она стала понемногу расширяться, и вскоре, благодаря пробившемуся сквозь поредевшую листву лунному свету, они увидели на тропинке массу свежих следов, оставленных большими животными с раздвоенными копытами, которые, проходя, сильно помяли кусты и поломали ветви.

— Вперед! — весело крикнул Валентин Гилуа. — Я ошибался, Курумилла. Мы, оказывается, все время были на верной дороге, и теперь скоро нагоним тех, кого так давно ищем.

Нечто вроде улыбки готово было промелькнуть на угрюмом лице индейца, но попытка эта не удалась, и вместо улыбки получилась только



grimаса. Вдруг Курумилла схватил за узду лошадь своего спутника и, нагнувшись вперед, сказал ему:

— Слушайте!

Валентин Гилуа стал внимательно прислушиваться, но прошло несколько минут, прежде чем он стал в состоянии различить что-либо другое, кроме тех смутных, таинственных звуков, которые никогда не прекращаются в лесу. Наконец ветер донес до него некий новый слабый звук.

Охотник удивленно выпрямился.

— *Pardieu!* — вскричал он. — Этот музыкант выбрал самое подходящее время для концерта. Мне очень интересно поближе взглянуть на этого чудака. Вперед! Вперед!

Проехав еще около четверти мили, они смогли разглядеть сквозь деревья свет костра и отчетливо услышали звучный мужской голос, который пел под аккомпанемент хараны.

Охотники в удивлении остановились и стали слушать.

— Клянусь Богом! — прошептал француз. — Да ведь это романсеро про короля Родриго!.. Незнакомец поет его ночью в чаще американского девственного леса!.. Никогда еще в жизни моей пение не действовало так на мое сердце! Кто бы ни был этот певец, я непременно хочу видеть человека, который, сам того не зная, доставляет мне такое большое удовольствие... Будь это хотя бы сам черт, но я пожму ему руку раньше, чем последние аккорды перестанут звучать на струнах его хараны.

И не раздумывая больше, Валентин, сделав Курумилле знак следовать за собой, решительно направился к тому месту, где виднелся свет костра.

Заслышав топот лошадиных копыт, незнакомец моментально перебрисил за спину свою харану и поднялся во весь рост, со шпагой в правой руке и револьвером в левой.

— Ола! — смело крикнул он. — Остановитесь, пожалуйста, *caballero*, или я буду стрелять.

— Сохрани вас Бог от этого, *senor caballero*, — отвечал Валентин Гилуа, считая, однако, необходимым исполнить приказание, отданное таким решительным тоном. — Вы рискуете убить друга, а они так редки в глуши, что их никогда не следует приветствовать с пистолетом в руке.

— Гм! Мне очень приятно слышать это, если только вы говорите правду, *caballero*, — продолжал незнакомец, все еще держась настороже. — Я был бы премного обязан, если бы вы сказали мне, кто вы такой и что вам здесь нужно... И тогда нам можно будет и познакомиться поближе.

— За этим дело не станет, сударь... Я не вижу никаких затруднений

для исполнения вашего желания, тем более что осторожность есть одна из самых главных добродетелей, обязательных в тех местах, где мы находимся.

— Клянусь Богом! Вы и в самом деле, должно быть, хороший человек! Надеюсь, что мы с вами станем настоящими друзьями. Я представлюсь первым, это займет не много времени.

— Говорите, пожалуйста.

Незнакомец заткнул револьвер за пояс, сделал два или три шага вперед, снял левой рукой свою широкую шляпу, длинное перо которой коснулось земли, и, почтительно кланяясь своему собеседнику, сказал:

— *Senor caballero*, меня зовут дон Корнелио Мендоса-и-Аррисабаль, я астурийский дворянин, благородный, как король, и бедный в настоящую минуту, как церковная мышь...

— Вот эти *novillos*<sup>42</sup>, которые лежат здесь вокруг меня, составляют все имущество, как мое, так и моего отсутствующего компаньона. Он сейчас разыскивает нескольких затерявшихся голов нашего общего стада, но я жду его с минуты на минуту. Быков этих мы купили в Лос-Анжелесе и гоним их в Сан-Франциско, с намерением продать их как можно дороже золотоискателям и разным авантюристам, как говорят, заполнившим этот город.

Произнеся эту маленькую речь, молодой человек снова поклонился, надел на голову шляпу и стал ждать ответа.

Валентин внимательно слушал рассказ, и в то время, когда незнакомец упомянул о своем компаньоне, молния радости сверкнула у него в глазах.

— *Caballero*, — отвечал он, в свою очередь обнажая голову, — мой друг и я, мы двое лесных бродяг, охотники или следопыты, смотря по тому, как вам угодно будет нас назвать... Завидев издали огонь и услышав пение, — должен заметить, вы прекрасно поете, — мы направились в вашу сторону с тем, чтобы попросить у вас того гостеприимства, в котором никогда не отказывают в прерии... При этом мы предлагаем вам, если нужно, имеющийся у нас запас провизии и обещаем быть верными товарищами все то время, пока мы будем наслаждаться вашим приятным обществом.

— Добро пожаловать, *senores caballeros*, — пригласил их дон Корнелио, — прошу вас, пожалуйста, считать своей собственностью то немного, что нам здесь принадлежит.

Охотники поклонились и слезли с лошадей.

## ГЛАВА II. Встреча через пятнадцать лет

Дон Корнелио оказал гостеприимство совершенно незнакомым ему охотникам с тем оттенком непринужденной любезности, которая так характеризует испанцев.

Хотя, по словам дона Корнелио, у него и у самого ничего не было, он так добросердечно предложил своим гостям то небольшое, чем обладал, что последние не знали, как и благодарить его за оказанное внимание.

За ужином гости с аппетитом ели куски вяленого мяса и лепешки из маиса, которые запивали пультке<sup>43</sup> и мескалем<sup>44</sup>, а затем, завернувшись в свои сарапе, улеглись на земле, ногами к огню, и вскоре уже казались погруженными в глубокий сон.

Дон Корнелио опять взялся за свою харану. Прислонившись к стволу листовенницы, он тихим голосом начал петь один из бесконечных куплетов испанского романсеро и, бодрствуя таким образом, поджидал возвращения своего компаньона.

При бледном свете луны и смутном отблеске огня виднелось стадо бычков, голов в сто или сто пятьдесят, сбившихся в кучу, и несколько лошадей, которые, фыркая и стуча копытами, доедали свою порцию корма. Испанец не переставая брэнчал на своей гитаре, а оба охотника мирно спали.

Так прошло часа два, и ничто не нарушало царствовавшего на биваке покоя. Луна все более и более склонялась к горизонту. Пальцы дона Корнелио костенели, глаза его смыкались, и время от времени, несмотря на все его усилия не заснуть, голова клонилась на грудь. Победенный усталостью, испанец готов был уже поддаться сну, как вдруг внезапный шум пробудил его от дремоты.

Мало-помалу этот шум, сначала отдаленный и неясный, становился все сильнее — и на прогалине показался всадник, вооруженный длинным копьем, который гнал впереди себя с дюжину полудиких быков и *novillos*.

Устроив с помощью дона Корнелио быков, вновь прибывший — а это был не кто иной как граф Луи де Пребуа-Крансе — спрыгнул с лошади и присел к огню.

— А! — проговорил он, бросая косо́й взгляд на лежавших у огня незнакомцев; несмотря на шум, произведенный его появлением, они все еще спали или казались спящими. — У нас гости?

— Да, — ответил дон Корнелио. — Два охотника из прерий. Мне

казалось, что неловко отказывать им, раз они просят позволения провести ночь у нашего костра.

— Вы хорошо сделали, дон Корнелио. В прерии никто не только не имеет права отказывать чужестранцу, который просит у вас позволения присесть у огня, но даже обязан разделить с ним свой ужин.

— Я и сам так думал.

— А теперь, дорогой мой, ложитесь рядом с нашими гостями и отдохните. Продолжительное бодрствование после тяжелого вчерашнего дня должно было сильно утомить вас.

— А как же вы сами, дон Луи?.. Неужели вы так и не ляжете в эту ночь? Отдых вам необходим еще больше, чем мне.

— Позвольте мне покараулить до утра, друг мой, — отвечал граф, грустно улыбаясь. — Сон бежит от моих глаз.

Дон Корнелио не стал настаивать, он уже давно успел привыкнуть к характеру своего компаньона и считал совершенно бесполезным спорить с ним в подобных случаях. Несколько минут спустя, закутавшись в свой сарапе и положив под голову харану вместо подушки, испанец уже спал, как убитый.

Дон Луи подбросил несколько охапок хвороста в костер, грозивший угаснуть, скрестил руки на груди и, прислонившись спиной к дереву и устремив глаза куда-то вдаль, погрузился в свои думы. Думы эти, по всей вероятности, были не очень веселые, потому что слезы показались у него на глазах и медленно покатались по бледным щекам, в то время как сдавленные вздохи вырывались у него из груди, а с губ срывались отрывистые слова.

Едва только успел заснуть дон Корнелио, как охотник из прерий, спавший, по-видимому, до сих пор, крепко, вдруг поднялся и крадучись подошел к сидевшему под деревом графу.

Так прошло несколько часов. Луи сидел все еще погруженный в свои грустные думы, а Валентин Гилуа стоял за его спиной, опершись на ружье.

Звезды гасли одна за другой в глубинах неба, опалового цвета полоска показалась на горизонте; птицы пробуждались в листве. Близился восход солнца.

Дон Луи опустил голову на грудь.

— Зачем дальше бороться? — прошептал он грустно. — Чего мне еще ждать?

— Недостойные слова в устах такого мужественного человека, как граф Луи де Пребуа-Крансе, — тихо, но твердо, с упреком проговорил мягкий и мелодичный голос над самым ухом графа.

Граф вздрогнул, словно от электрической искры, нервная дрожь сотрясла все его тело, и он вскочил одним прыжком, глядя блуждающим взором на того человека, который так неожиданно ответил на слова, вырванные у него страданием.

Охотник не изменил позы. Глаза его упорно смотрели на графа с выражением жалости и отцовской доброты.

— О! — прошептал граф, в страхе проводя рукой по вспотевшему лбу. — Это не он! Это не может быть он! Валентин, брат мой! Неужели это ты? А я уж не надеялся еще раз увидеть тебя! Отвечай же, ради самого неба! Ты это или нет?

— Это я, брат, — мягко ответил охотник. — Бог снова ставит меня на твоём пути в ту самую минуту, когда ты приходишь в полное отчаяние.

— О! — простонал граф с тем выражением, передать которое невозможно. — Я тебя давно уже ищу! Я давно зову тебя!

— И я пришел!

— Да, ты пришел, Валентин!.. Но — увы! — уже слишком поздно. Теперь во мне все умерло: и вера, и надежда, и храбрость... Мне остается только одно — лечь в могилу, где похоронены мои надежды и мое исчезнувшее счастье!

Валентин молча смотрел на своего друга... Волна воспоминаний подкатила к сердцу охотника.

Затем он обнял графа и, целуя его в лоб, сказал:

— Ты много страдал, мой бедный Луи, и меня не было здесь, чтобы тебя поддержать и защитить. Но, — добавил он, смотря на небо глазами, полными грусти и покорности воле Провидения, — я тоже испытал, Луи, много горя в глубине этих прерий, где я искал покоя и забвения... Сколько раз казалось мне, что я погибну от отчаяния, сколько раз казалось мне, что я не только близок к сумасшествию, но и совсем схожу с ума, и, несмотря на это, брат мой, я все-таки до сих пор живу, борюсь и надеюсь! — закончил он так тихо, что граф едва мог расслышать последние слова.

— О! Если бы ты знал, как я рад, что случай соединил нас в то самое время, когда я уже потерял всякую надежду увидеть тебя, Валентин.

— Это произошло не случайно, брат!.. Это устроил Господь!.. Я искал тебя.

— Ты меня искал... здесь?

— А почему же и нет? Да разве ты сам приехал в Мексику не затем, чтобы меня разыскать?

— Да, но каким же образом ты это узнал? Валентин улыбнулся.

— В этом нет ничего необыкновенного. Я в нескольких словах докажу

тебе, что знаю о тебе гораздо больше, чем ты думаешь. Мне известно почти все, что случилось с тобой с самой нашей разлуки на асиенде Палома.

— Это странно.

— Почему? Разве три месяца тому назад тебя не было на асиенде дель-Милагро?

— Да, я был там.

— Ты оказался на ней на обратном пути с Дикого Запада, куда ты ездил в поисках богатых золотоносных россыпей.

— Это правда.

— В этой экспедиции тебя сопровождали два человека?

— Да, канадский охотник и вождь команчей.

— Верно. Охотника звали Весельчак, а индейского вождя — Орлиная Голова. Разве это не так?

— Так.

— Ты сообщил Весельчаку причину снедающей тебя грусти, добавив, что не питаешь почти никакой надежды на успех, а прибыл в Мексику для того, чтобы разыскать твоего самого дорогого друга, с которым уже много лет разлучен.

— Да, помню, все это я ему говорил.

— Остальное, кажется, понять не трудно. Я давно уже дружу с Весельчаком, и вот однажды Бог свел нас с ним лицом к лицу во время одной охоты на Рио-Колорадо. Вечером мы, по обыкновению, беседовали у костра, на котором готовился ужин, и Весельчак между прочим рассказал мне, что расстался с тобой всего несколько дней назад. В первый момент, поглощенный собственными мыслями, я не обратил особого внимания на его рассказ. Когда же он стал рассказывать о вашей встрече в пустыне с графом де Лорайль, имя твое, произнесенное Весельчаком, заставило меня внезапно вздрогнуть. Тогда я начал подробно расспрашивать, заставляя его двадцать раз повторять одно и то же. Решив, что мне надо делать дальше, я через два дня отправился разыскивать тебя. Вот уже целых три месяца я иду по твоим следам и только сегодня, наконец, тебя нагнал и, надеюсь, больше уже не расстанусь с тобой никогда, — проговорил Валентин, подавляя вздох. — Но я не знаю, что с тобой было в эти три месяца. Расскажи, что ты делал все это время. Я тебя слушаю.

— Да, я все скажу. Я хотел встретить тебя не только потому, что это доставляет мне большую радость, но я собирался при этом еще потребовать исполнения данной тобой клятвы.

Охотник нахмурил лоб и сдвинул брови.

— Говори, — сказал он затем, — я тебя слушаю. Что же касается моей

клятвы, то на этот счет можешь быть совершенно спокоен. Я сдержу ее, когда настанет время.

— Однако солнце уже восходит, — заметил Луи с грустной улыбкой, — и прежде, чем исполнить твоё желание, я должен заняться скотиной, — этого ведь нельзя откладывать.

— Ты совершенно прав, я буду помогать тебе.

В эти минуты мрак рассеялся, точно по мановению волшебного жезла, лучезарное солнце показалось на горизонте, и тысяча всевозможных пород птиц, скрывавшихся в зелёной листве, приветствовали появление дневного светила пением веселого утреннего гимна.

Дон Корнелио и Курумилла стряхнули с себя оцепенение сна и открыли глаза.

Индийский вождь поднялся и своим обычным, медленным и величественным шагом направился к Валентину.

— Брат, — сказал последний, беря за руку араукана, — я не один тебя искал, со мной был ещё друг. Сердце и рука его всегда были к моим услугам, он всегда являлся ко мне в минуту радости и в минуту горя.

Дон Луи несколько мгновений с удивлением смотрел на индейца, на которого ему указывал охотник и который неподвижно, как мраморное изваяние, стоял перед ним; затем мало-помалу лицо его прояснилось и он, протягивая руку индейцу, сказал ему взволнованным голосом:

— Курумилла, брат мой!

Такое доказательство дружбы после стольких лет разлуки, такое искреннее волнение со стороны человека, которому Курумилла некогда столько раз доказывал свою преданность, моментально растопило лёд, сковывавший сердце индейца. Он побледнел — если только это выражение применимо к краснокожим, лица которых в минуту сильного волнения принимают землистый оттенок — и судорога сотрясла все тело.

— О! Брат мой Луи! — вскричал он, будучи не в силах сдержать волновавшие его чувства.

Рыдание, похожее на рычание льва, вырвалось из его груди, и вождь, стыдясь, что таким образом обнаружил слабость, быстро отвернулся и спрятал лицо в складках плаща.

Подобно всем первобытным и энергичным натурам, человек этот, которого не могли сломить никакие бедствия, был разбит, как слабое дитя, радостью при виде донна Луи. Валентин любил его больше, чем брата, и его потерю так долго оплакивал.

— Ты не покинешь меня больше, брат мой? — спросил Луи с беспокойством.

— Нет, теперь ничто нас уже не разлучит.

— Спасибо, — просто сказал граф.

— Ну, а теперь довольно об этом, — заговорил Валентин веселым тоном, желая дать разговору другое направление. — Займемся лучше скотиной.

Вскоре на биваке уже все пришло в движение.

Дон Корнелио отказывался верить своим глазам — так странно было то, что он видел. Эти охотники, приехавшие всего несколько часов тому назад и уже успевшие так подружиться с его компаньоном, казались ему, если не подозрительными, то очень странными, и сильно интересовали его. Но дон Корнелио был философ, хотя и очень любопытный. Уверенный, что все рано или поздно выяснится к общему удовольствию, он весело принялся за свое дело, решив не задавать пока никаких вопросов и не требовать объяснений. Эти два помощника, которых ему послал случай, были как нельзя более кстати: ему и графу предстояло гнать большое стадо полудиких животных еще довольно далеко, и путешествие, наверное, займет немало времени.

Надо самому изучить тяжелые обязанности вакуро<sup>45</sup> великих американских саванн, чтобы составить понятие о бесчисленных затруднениях, которые приходится преодолевать, пробираясь целые сотни миль через девственные леса и бесплодные песчаные степи со стадом *novillos*, защищая их от хищных зверей, идущих за ними следом и нападающих на них у вас на глазах, подобно евангельскому рыкающему льву, постоянно блуждающему вокруг стада в поисках добычи. Кроме того, не меньшей опасностью грозит еще и внезапное умопомешательство, или *estampido*, вызванное недостатком воды или влиянием солнечных лучей, когда обезумевшие животные бегут во все стороны и рогами отбиваются от вакуро, если он вздумает преградить им дорогу.

Надо быть отчаянным человеком, как дон Луи, и беспечным философом, как дон Корнелио, чтобы решиться заняться таким делом, потому что, кроме этих опасностей, гуртовщики должны помнить еще о *temporales*, или о бурях, которые в несколько минут изменяют поверхность почвы, образуют озера и вздымают горы там, где была равнина и открытая дорога. Они должны помнить об *IndiosBravos*<sup>46</sup>, подстерегающих караван, грабящих товары и убивающих погонщиков и торговцев.

Долго ломал себе голову Валентин Гилуа, чтобы объяснить, каким образом его друг, который всегда был таким изнеженным и слабым, вдруг решил вести подобный образ жизни.



Но его удивление перешло почти в восторг, когда он увидел своего друга на деле. Увидел холодную энергию, которая заменила собой беспечную слабость знатного дворянина и его прежнюю нерешительность.

Валентин Гилуа молча изучал его в течение всего времени, пока они занимались восстановлением порядка в стаде и готовились к продолжению путешествия.

— О! — проговорил он про себя. — Какое, однако, хорошее влияние оказало несчастье на этого человека! В глубине этого разбитого горем сердца еще не все замерло, и я сумею заставить его пробудиться, когда настанет время.

И тут впервые за время долгой разлуки чувство тайной радости проникло в сердце Искателя Следов.

## ГЛАВА III. Месть француза

Прошло несколько дней, но друзья почему-то не думали возобновлять прерванной беседы. Они благополучно продолжали свой путь к Сан-Франциско.

Хотя Валентин и Курумилла впервые путешествовали так далеко от областей, где обыкновенно странствовали, их опытность хорошо заменяла знание местности. Путники всегда вовремя и всегда удачно избегали препятствий, грозивших их путешествию, и умели предвидеть опасности, хотя и отдаленные, но которые привычка к жизни в прерии заставляла их угадывать, как будто они руководствовались инстинктом.

Оба старых друга наблюдали или, лучше сказать, изучали один другого. Им это было необходимо после длительной разлуки, слишком долго они жили каждый в своей среде, и эта среда могла не только изменить их характеры, но и оттолкнуть их друг от друга.

Но, очевидно, воспоминание о дружбе было так живо, доверие так велико, а преданность так истинна, что через пятнадцать дней, в продолжение которых они поочередно касались самых разнообразных вопросов, в то же время не затрагивая того, который им так необходимо было исчерпать до самого дна, они убедились, что остались такими же друзьями, какими были и до расставания.

В течение этих пятнадцати дней граф Луи, счастливый тем, что снова увидел друга детства, потому, что сознавал его превосходство над собой, ни разу не обнаружил желаний занять независимое положение по отношению к бывшему спаги<sup>47</sup> и незаметно для самого себя снова попал под нравственную опеку, которую последний так долго имел над ним.

Другие два лица тоже жили в наилучшем согласии, — дон Корнелио, может быть, по беспечности, а Курумилла из гордости.

Испанец, влюбленный в свободу, счастливый возможностью жить в открытом воздухе, не заботясь ни о чем, весело погонял своих *novillos*, брэнчал на своей харане и без усталости пел бесконечный *romanserodelreyRodrigo*<sup>48</sup>, несмотря на многократные замечания Валентина о необходимости как можно меньше шуметь, странствуя по прериям. Нужно заботиться о том, чтобы не попасть в западни, которые, как паутину, беспрестанно расставляют индейцы на пути неосторожных путешественников. Испанец каждый раз с сокрушенным видом выслушивал замечание охотника и... затем тотчас же принимался брэнчать

на гитаре и петь ро-мансеро, и этим вызывал новые замечания со стороны Валентина. Но Валентину в душе, надо заметить, очень нравилась эта беспечная храбрость певца-вакero.

Курумилла, следуя своей натуре, был все так же осторожен, как и пятнадцать лет тому назад, если не больше. Он, казалось, все гкдел и слышал даже в то время, когда спал, а днем бдгтелький арауканский вождь то и дело метался, не говоря кн слова, от одного конца стада к другому и так хорошо охранял общую безопасность, что не произошло никакой несчастной случайности за все время путешествия. Не произошло, но до того момента, с которого мы станем продолжать каш рассказ.

Они спустились с лесистых откосов Сьерры-Невады и вступили в бесплодные песчаные степи, простирающиеся до самого моря. Здесь на своем пути, за исключением Сан-Хосе и Монтеррея, двух полуразрушенных городов, путешественник встречает только низкорослые деревья и колючие кустарники, которые покрывают громадные пространства.

За три дня до прибытия в Сан-Хосе, собственно не город, а жалкое пуэбло, где находят себе временный приют охотники и погонщики, посещающие эти места, и где население, вымирающее от изнурительной лихорадки, не в состоянии оказать какую-либо помощь путешественникам (те, наоборот, сами должны его одевать и кормить), караван расположился лагерем на берегу небольшого ручья, где росло несколько деревьев и чахлых меските<sup>49</sup>. Морской ветер беспрестанно тряс их и покрывал тем мелким песком американских побережий, который набивается в глаза, в нос и в уши, и от которого нет никакого спасения.

Громадный огненный шар солнца погружался в море, дул очень свежий ветер, вдали на лазури неба виднелось несколько белых парусов. Подобно зимородкам перед бурей, они спешили добраться до Сан-Франциско. В степи слышался вой койотов, а сидевшие там и здесь на ветках птицы спрятали головки под крылья и готовились ко сну.

Путешественники загнали скот в наскоро устроенную загородку, зажгли костры, и после ужина каждый поспешил вознаградить себя несколькими часами отдыха после утомительного дневного перехода под жгучим солнцем.

— Ложитесь спать, — сказал Луи, — я буду стеречь в первую очередь, которую так любят лентяи, — добавил он, улыбаясь.

— Значит, я беру себе вторую очередь, — сказал Валентин.

— Нет, — вмешался Курумилла, — вторую возьму я себе. Глаза индейца хорошо видят ночью.

— Гм! — возразил охотник. — Но мне кажется, что и у меня зрение недурное.

Курумилла молча приложил палец к губам.

— Хорошо, хорошо, — продолжал охотник, — можете караулить за меня, вождь, раз вы этого хотите. Но только если вы устанете и захотите спать, разбудите.

Индеец в знак согласия молча кивнул головой.

Трое мужчин завернулись в свои сарапе и растянулись на земле, и только один Луи остался сторожить.

Ночь была великолепная, темно-голубое небо сияло бесчисленным множеством звезд, сверкавших как брильянты, полная луна лила свой бледный и фантастический свет; чистый прозрачный воздух давал возможность далеко видеть окрестности. Немного спустя поднялся легкий ветер, освежавший атмосферу, от земли поднимались острые и душистые благоухания; волны е таинственным рокотом выбрасывались на берег и тут замирали, а там, в прерии, в неясной дали, виднелись черные силуэты койотов, привлеченных стадом *novillos* и бродивших со зловещими завываниями.

Луи, очарованный чудным вечером, и невольно поддаваясь той неге саванн, которой поддаются даже самые закаленные люди, незаметно для самого себя отдался мечтам.

Он дошел уже до того состояния дремоты, где наступает граница бодрствования и на смену ему идет сон, — но тут его пробудило от грез прикосновения руки, тяжело опустившейся ему на плечо, и чей-то голос чуть слышно прошептал над ухом:

— Берегись!

Луи, так неожиданно возвращенный из мира грез к действительности, раскрыл глаза и обернулся.

Над ним, согнувшись, стоял Курумилла. Индеец еще раз повторил то же самое слово, дополняя значение его красноречивым жестом.

Граф схватил карабин, лежавший возле него на земле.

— Что случилось? — глухо спросил он.

— Пойдемте, только хорошенько пригнитесь, чтобы вас не было видно, — отвечал тем же шепотом Курумилла.

Луи беспрекословно повиновался этому совету, всю важность которого он отлично понимал, и, чуть не ползком, стал пробираться в ту сторону, куда указывал индеец.

Вскоре они достигли большого раскидистого куста, где нашли дону Корнелио и Валентина. Те сидели в засаде и полными тревоги глазами

старались взглянуть в ночной мрак.

— Бога ради! Скажите мне, друзья мои, что это значит? — спросил граф. — Кругом все тихо и спокойно... Скажите же мне, что, именно, вас так тревожит?

— Курумилла обнаружил сегодня вечером, за час до остановки, следы индейцев племени яки, а ты знаешь, брат, что эти демоны самые отчаянные разбойники и, очевидно, хотят попытаться счастья отбить у нас быков.

— Но я все-таки не понимаю, что дает вам повод предполагать это? Следы могли быть оставлены и мирными путешественниками, и бродягами. Ничто не дает нам основания предполагать, будто эти люди, которых мы даже не видели, желают нам зла.

Мрачная улыбка скривила тонкие губы вождя, и, дотронувшись пальцем до руки графа и в то же время приподнимая свой плащ, он показал ему окровавленный скальп, висевший у него на поясе.

— О-о! — с удивлением сказал дон Луи. — Неужели эти демоны уже так близко подошли к нам?

— Да, и без Курумиллы, глаза которого всегда открыты, а ум постоянно бодрствует, ваши быки, по всей вероятности, были бы уже похищены более часа тому назад.

— В таком случае мне остается поблагодарить его, — проговорил граф с выражением досады, которой он не мог полностью скрыть. — Но, как вам известно, друзья, стоит только индейцам узнать, что они открыты, и их уже нечего больше бояться. Я думаю, что теперь, после полученного ими урока, мы можем считать себя в полной безопасности и не думать больше о них.

— Вовсе нет, брат, ты ошибаешься. Посмотри на твою *novillos*, они беспокойны: они каждую минуту поднимают голову и не жуют, как раньше, свою жвачку. Бог дал животным инстинкт самосохранения, который их никогда не обманывает. Поверь мне, они предчувствуют опасность и чувствуют близость врагов.

— Очень может быть, поэтому надо держаться настороже и нам.

Затем все четверо молча стали прислушиваться к тому, что происходило в прерии.

Так прошло около часа. Кругом все было спокойно, и ничто не указывало на близкую опасность.

Между тем быки жались друг к другу и совсем перестали есть, их беспокойство все росло.

Положение становилось тем более опасным, что в степи продолжала царить самая глубокая тишина, не показывалось ни одного индейца. Ни малейший признак не указывал, откуда нагрянут враги, которых все теперь

ожидали с минуты на минуту.

Вдруг Курумилла протянул руку к северо-востоку и отрывисто произнес глухим голосом:

— Не шевелитесь!

Затем он передал Валентину Гилуа свою винтовку, растянулся на земле и, прежде чем его друзья могли догадаться, куда он хочет отправиться, индеец уже исчез в темноте.

Три охотника обменялись взглядами и молча взвели курки, чтобы быть готовыми стрелять в любую минуту.

Трудно представить себе положение более тяжелое, чем положение храброго человека, который вынужден в незнакомой стране темной ночью ограждать себя от опасности, величины которой он не знает даже приблизительно. Снедаемый беспокойством, усугубленным молчаливой торжественностью прерии, он воображает, что ему грозит опасность гораздо более серьезная, чем она есть на самом деле, и чувствует, как храбрость его понемногу улетучивается под тяжестью напрасного ожидания.

Таково было положение, в котором находились трое белых охотников, а между тем, это были три львиных сердца, вполне освоившихся с манерой индейцев вести войну. Никакая опасность, как бы ужасна и велика она ни была, не могла бы заставить их содрогнуться, случись это днем. Но в темноте, ночью, воображение рисует такие ужасные призраки, что самым отважным людям становится страшно — не опасность страшна сама по себе, а боязнь этой опасности.

Вдруг ужасный крик раздался невдалеке, сопровождаемый шелестом ветвей, падением тела на землю и бегством нескольких человек, черные силуэты которых промелькнули как тени.

Охотники произвели залп, стреляя наугад, и, вскочив на ноги, бегом поспешили в ту сторону, где, как им казалось, происходила борьба.

Когда они подбежали к месту битвы, Курумилла давил правой коленкой грудь человека, лежащего под ним, а левой рукой сжимал ему горло.

— О-о-а! — проговорил араукан, поворачиваясь к своим друзьям с выражением невыразимой ярости. — Вождь!

— Славная добыча! — сказал Валентин Гилуа. — Всадите нож в грудь этого негодяя, и конец.

Курумилла поднял нож, лезвие которого блеснуло голубоватым блеском.

— Одну минуту! — вскричал дон Луи. — Сначала узнаем, кто он

такой, мы всегда успеем убить его, если захотим.

Валентин Гилуа пожал плечами.

— Предоставь вождю одному покончить с этим делом, — сказал он. — Он лучше нашего знает в этом толк. Раз удалось захватить одну из этих ехидн, ее надо сейчас же убить, а не то она рано или поздно непременно тебя укусит.

— Нет, — твердым тоном возразил граф, — я ни за что не могу допустить, чтобы при мне убивали человека! Не забывайте, что этот несчастный — дикарь, и поэтому ему можно извинить его поступок. А ты не имеешь никакого права подражать ему. Курумилла, пожалуйста, освободите вашего пленника, дайте возможность подняться, но только наблюдайте за ним, чтобы не убежал.

— Ты нехорошо делаешь, брат, — продолжал стоять на своем охотник. — Ты не знаешь этих демонов так, как я. Впрочем, поступай как хочешь...

Граф не ответил ни слова и только жестом подтвердил приказание Курумилле.

Араукан повиновался с видимой неохотой и помог своему полузадохнувшемуся пленнику приподняться, а затем, не спуская с него глаз, повел к огню, где уже собрались охотники.

Граф испытующим взором окинул пленного индейца.

Это был человек высокого роста, крепко сложенный, и еще молодой, с гордым и в то же время суровым лицом. В общем, несмотря на то, что он обладал наружностью человека скорее красивого, чем безобразного, во всех его манерах было столько низкого лукавства и свирепости, что все это не располагало в его пользу.

На нем было надето нечто вроде охотничьей блузы, без рукавов, из полосатого миткаля<sup>50</sup>. Она была стянута у бедер широким поясом из недубленной ланьей кожи, шаровары из такой же материи, как и блуза, спускались немного ниже колен, дальше шли гетры и мокасины<sup>51</sup>, украшенные волчьими хвостами, как знак отличия для прославившихся воинов. Его волосы, заплетенные в косички, были приподняты с обеих сторон головы, а на затылке они ниспадали до самой поясницы; на шее у него висело несколько штук медалей, из которых одна, самая большая, была украшена не особенно искусным изображением генерала Эндрью Джексона, бывшего президента североамериканских Соединенных Штатов. Лицо индейца было раскрашено синей, черной, белой и красной красками.

Подойдя к костру, возле которого сидели охотники, индеец скрестил

руки на груди, гордо приподнял голову и стал спокойно ждать, пока они соблаговолят с ним заговорить.

— Кто ты такой? — спросил его дон Луи по-испански.

— Микскоатцин.

— Гм! — пробормотал себе под нос Валентин. — У этого негодяя кличка-то как раз по шерстке<sup>52</sup>, никогда еще в жизни не видал я такой отвратительной физиономии.

— Зачем пришел Микскоатцин в мой лагерь? — продолжал спрашивать Луи.

— Разве йори<sup>53</sup> этого не знает? — отвечал невозмутимый индеец. — Микскоатцин считается вождем яки.

— Ты хотел украсть моих быков, да?

— Яки не воры. Все, что находится на их земле, принадлежит им. Бледнолицые могут отправляться к себе по ту сторону великого соленого озера.

— Если я приговорю тебя к смерти, что ты на это скажешь?

— Ничего, это закон войны. Бледнолицый увидит, как вождь яки будет переносить пытки.

— Значит, ты сознаешься, что заслуживаешь смерти?

— Нет. Бледнолицый сильнее меня, и потому он может меня убить.

— А если я тебя отпущу, что ты будешь думать обо мне? Индеец пожал плечами.

— Бледнолицый не сумасшедший, — отвечал он.

— Ну, а если я все-таки поступлю таким образом?

— Я тогда скажу, что бледнолицый боится.

— Боюсь? Чего же я могу бояться?

— Мести воинов моего племени.

Теперь настала очередь дона Луи пожать плечами.

— Итак, — продолжал он спрашивать, — если я прикажу возвратить тебе свободу, ты даже и не поблагодаришь меня за это?

— А за что же мне благодарить? Воин должен убивать своего врага, когда тот попадается ему в руки. Если же он этого не делает, значит, он трус.

Охотники не могли сдержать невольного удивления, услышав такое странное мнение. Дон Луи встал.

— Послушай, — сказал он пленнику, — я тебя не боюсь и сейчас покажу тебе это.

Быстрым, как молния, движением он схватил длинную прядь волос,



висевшую за спиной вождя, и перерезал ее своим ножом.

— Теперь, — добавил он, ударяя его по лицу только что отрезанными волосами, — можешь уходить, негодяй. Ты свободен! Я слишком тебя презираю, чтобы подвергнуть другому наказанию, кроме того, которое ты получил сейчас... Отправляйся к своему племени и расскажи своим друзьям, как белые мстят таким презренным врагам как ты.

При этом смертельном оскорблении черты лица индейца, искривившиеся от ярости, стали просто отвратительны. На минуту он точно окаменел от стыда и гнева, но сверхъестественным усилием поборол волнение и, схватив дона Луи за руку, приблизил свое лицо к его лицу, глухим голосом прошептал:

— Микскоатцин — знаменитый вождь. Пусть йори хорошенько запомнит его имя, потому что скоро он опять с ним свидится.

И, подпрыгнув, как тигр, он в одно мгновение скрылся из глаз.

— Стойте! — крикнул Луи своим друзьям, бросившимся было в погоню за индейцем. — Пускай он бежит... Что мне за дело до ненависти этого негодяя! Он ничего не сможет сделать.

Охотники неохотно вернулись назад и снова заняли свои места у огня.

— Гм! — добавил Луи после минутного молчания. — Я, может быть, сделал большую глупость.

Валентин посмотрел на него.

— Больше чем глупость, брат, — сказал он. — Ты поступил очень неблагоприятно... Берегись этого человека и помни, что в один «прекрасный» день он жестоко отомстит тебе.

— Ну, это еще вопрос, — беспечно проговорил граф. — С каких это пор ты стал так бояться индейцев, брат?

— С тех пор, как поближе их узнал, — холодно отвечал охотник. — Ты нанес этому человеку одно из тех оскорблений, которые требуют кровавой мести, и можешь быть уверен, что он сумеет заставить тебя об этом пожалеть.

— Э-э! Бог милостив! Пускай себе мстит сколько угодно!.. На этом разговор окончился, и охотники улеглись спать. С восходом солнца тронулись в путь и вечером, после крайне утомительного перехода по бесплодным пескам прерии, они достигли, наконец, пуэбло Сан-Хосе. Жители встретили их громкими криками радости, так как были убеждены, что чужестранцы не покинут их без того, чтобы не снабдить кое-какими предметами первой необходимости, которых они не имели возможности раздобыть иначе.

Пуэбло Сан-Хосе представляет собой перевалочный пункт для

караванов, направляющихся из прерий в Сан-Франциско. Путешественники преодолели около ста восьмидесяти миль меньше чем в три недели, — с такой быстротой до сих пор не удавалось совершить путешествие еще ни одному каравану.

## ГЛАВА IV. Объяснение друзей

Охотники загнали скотину в обширный корраль, а сами отправились искать себе пристанища в месон, хозяин которого, вылитый портрет знаменитого рыцаря Дон Кихота Ламанчского, принял их очень любезно. После такого тяжелого и утомительного путешествия охотникам доставила большую радость возможность провести ночь не под открытым небом и хоть на несколько часов оказаться не в пустыне, а среди подобных себе людей, хотя и в жалкой деревушке.

Дон Луи и Валентин поместились в одном кварто, а дон Корнелио и Курумилла выбрали для себя кварто как раз напротив. После сытного ужина все поспешили разойтись по своим комнатам отдохнуть после перенесенных трудов и лишений.

Дон Луи, прежде чем лечь на скамью, покрытую бычьей кожей, должную служить ему постелью, подошел к Валентину, который, полуразвалившись на бутаке<sup>54</sup>, курил сигаретку, выпуская кольцами голубоватый дым.

— О чем ты задумался? — спросил он друга, облачиваясь о спинку бутакки.

— Я думаю о тебе, — отвечал Валентин, повертываясь к нему с улыбкой.

— Обо мне?

— Да. О чем же другом могу я думать теперь, как не о том, чтобы видеть тебя счастливым?

Граф опустил глаза и вздохнул:

— Это невозможно. Валентин посмотрел на него.

— Невозможно! — повторил он. — О-о! Неужели дело дошло до этого? Давай-ка подумаем, нельзя ли что-нибудь сделать?

— Ты прав! Теперь как раз настало время. Потолкуем по душам.

Граф притянул к себе бутаку, сел перед Валентином, взял сигару из портсигара, который протянул ему молочный брат, и закурил.

Охотник внимательно следил за всеми его движениями и, когда граф, наконец, уселся удобно, коротко сказал ему:

— Говори.

— Увы! Рассказ о моей жизни не включает в себе ничего особенно интересного. Она похожа на жизнь всех искателей приключений. То богатый, то бедный, я бродил с места на место... Я исходил всю Мексику

вдоль и поперек, таская постоянно с собой, точно цепи каторжника, воспоминание об утерянном счастье. Одно время, или, лучше сказать, одну минуту мне казалось, что для меня еще не все потеряно, что я сумею завоевать прежнее положение в обществе. Я отправился в Сан-Франциско, в это Эльдorado, о котором стоустая молва рассказывала столько чудес. Там я смешался с толпой жадных и необузданных авантюристов, жизнь которых была сплошной оргией, а золото — единственной страстью. Там я прожил несколько месяцев и был свидетелем самых необыкновенных метаморфоз. Я видел, как создавались и неожиданно становились прахом колоссальные состояния и, погрузившись в эту бездну, я тоже стал требовать у судьбы мою долю лихорадочных радостей и опьяняющих волнений. Но мне не везло, мне ничто не удавалось. Я перепробовал все, что только было возможно, и что бы я ни задумывал, какое бы дело ни начинал, несчастье всюду преследовало меня, как неумолимый рок, и я, буквально, только что не умирал с голоду... Кем только я не был!.. Одно время я был даже носильщиком, но все мои усилия не привели ни к чему... Я погибал в этом новом Вавилоне, где царило отребье цивилизованного общества, преследовавшее только одну цель — наживу... Там одни разоряли других, чтобы на этих развалинах соорудить себе пьедестал из слитков золота и затем сейчас же потерять его. Наконец, мне опротивела эта жизнь среди крови, грязи, лохмотьев и золота, и я уехал разочарованный, решившись сделаться погонщиком. Не правда ли, какое благородное занятие для графа де Пребуа, предки которого участвовали в трех Крестовых походах! — добавил он с горьким смехом. — Но я знал генералов, которые зарабатывали себе на хлеб чисткой сапог, и маркизов, служивших гарсонами в кафе, поэтому, значит, и я мог, не унижая своего достоинства, сделаться скотопромышленником. Кроме того, у меня была еще и другая цель при выборе этой профессии. С самого моего приезда в Северную Америку я искал тебя и надеялся, что, в конце концов, непременно найду. Сегодня счастье мне улыбнулось, как видишь. Я или, лучше сказать, ты нашел меня. Вот все, что я хотел рассказать. Теперь ты знаешь о моей жизни ровно столько же, сколько и я сам. Не спрашивай у меня ничего больше.

Последние слова граф произнес сухим, отрывистым тоном и, откинувшись на спинку бутак, опять закурил свою сигару, успевшую уже потухнуть. Скрестив на груди руки, он, по-видимому, твердо решил не говорить больше ни слова.

Валентин долго смотрел на своего друга, по временам покачивая головой и с неудовольствием хмурия брови.

Наконец, он решился возобновить прерванную беседу.

— Гм! — проговорил он. — Я теперь знаю, как ты жил здесь все это время, согласен... Судя по твоему рассказу, тебе не пришлось пережить ничего необычного, и поэтому ты, по-моему, не имеешь никакого права жаловаться.

— Я и не жалуясь, — перебил его граф, — я только констатирую факты, вот и все.

— Совершенно верно, — сказал Валентин, — но из всего того, что ты мне рассказал, для меня остается неясным один пункт.

— Какой?

— Ты рассказал мне все о том, что ты тут делаешь, это правда. Но как бы ни была велика связывающая нас братская дружба, она не может, по моему мнению, служить достаточным основанием для того, чтобы объяснить причину, почему ты так упорно хотел меня найти.

Граф выпрямился, глаза его сверкнули.

— Разве ты еще не отгадал этого, Валентин?

— Нет.

Граф опустил голову, и на несколько секунд беседа снова была прервана.

— Ты прав, Валентин, лучше сразу с этим покончить и больше уже не возвращаться. Впрочем, ты знаешь так же хорошо, как и я, что я хочу тебе сказать, — продолжал граф.

— Может быть, — лаконично ответил охотник.

— Э-э, полно! Я ведь не дурак, и утром в тот день, когда ты явился в мой лагерь просить пристанища, ты меня должен был понять с первых слов, невольно вырвавшихся у меня.

— Очень возможно, — невозмутимо проговорил Валентин — но так как я не заявляю никаких претензий на умение отгадывать загадки, будь так добр, объясни мне все, пожалуйста.

— Ты этого требуешь?

Охотник утвердительно кивнул головой.

— Ну ладно! — продолжал граф. — Ты все такой же, каким был и пятнадцать лет тому назад.

— А разве мы будем говорить в настоящую минуту не о тех временах? — улыбаясь, спросил Валентин.

— А! — вскричал граф, ударяя рукой по ручке бутаки. — Я же говорил, что ты и сам отлично знаешь, в чем тут дело.

— А разве я говорил тебе «нет»?

— Зачем же ты требуешь?..

— Затем, что так надо, — сухо ответил охотник.

— Хорошо, ты останешься доволен, потому что я повторю тебе твои же собственные слова.

— Я слушаю... Кстати, ты помнишь, это было в холодную зимнюю ночь... в спальне...

— Да, дождь хлестал в окна, ветер завывал в длинных коридорах отеля, и я с нетерпением ждал тебя... Наконец ты пришел... Мне грозило полное разорение... Я хотел умереть, но ты мне помешал.

— Это правда. Разве я поступил плохо?

— Может быть, — отвечал граф глухим голосом, — но только я приведу тебе твои собственные слова...

— Позволь, Луи, мне самому их повторить. Несмотря на то, что прошло уже пятнадцать лет, все так живо сохранилось в моей памяти, как будто случилось только вчера... Я сначала доказал тебе, что ты напрасно отчаиваешься, — торжественно проговорил Валентин, — и что для тебя далеко не все еще потеряно, а в ответ на последнее возражение, которое ты попытался мне привести, сказал: «Будь спокоен, Луи, будь спокоен! Если я через два года не исполню своего обещания — я сам отдам тебе твои пистолеты и тогда...» — «Тогда?» — спросил ты. «Тогда, — продолжал я, — не ты один покончишь с собой». — «Согласен», — отвечал ты. Вот то, о чем говорили мы в ту памятную ночь, решившую твоё будущее и сделавшую из тебя человека... Верно ли это? Не забыл ли я чего-нибудь?

— Нет, ты ничего не забыл, Валентин.

— Ну?

— И вот после того, как я исполнил данное тебе обещание, я требую и от тебя, чтобы ты исполнил наш уговор.

— Я тебя не понимаю.

— Как! Ты меня не понимаешь? — вскричал граф, вскакивая со своей бутак и выпрямляясь во весь рост.

— Нет, — холодно отвечал Валентин. — Но если ты этого требуешь, клянусь Богом! — добавил он, в свою очередь оживляясь, — давай повторять старое, я ничего другого и не желаю... Что ты мне говоришь о выполнении договора? Разве я не исполнил моих обещаний? Разве я не помог тебе её разыскать, — ту женщину, которую ты уже не надеялся когда-либо увидеть? Разве ты не был женат на ней? Разве ты не наслаждался с ней десятью годами полного, безоблачного счастья? По какому праву клянешь ты свою судьбу, неблагодарный человек? И за что? За счастье, которое продолжалось целых десять лет, десять долгих веков на этой земле! Посмотри вокруг себя и покажи мне человека, который мог бы сказать, что

он хотя бы один год в своей жизни был так счастлив, как ты, и тогда я пожалею тебя, я поплачу с тобой, и если нужно, даже помогу тебе умереть! О-о! Все люди одинаковы, они слабы в радости, как и в горе, за несколько дней несчастья забывают целые годы счастья! Итак, ты опять, после пятнадцати лет, возвращаешься к тому же, с чего начал. Сумасшедший! Да знаешь ли ты, что значит вечно вести жизнь, полную страданий и ужасных мучений, чувствовать каждый час, каждую минуту, как разрывается твое сердце, без всякой надежды на лучшее, и при этом не только жить, но еще улыбаться и казаться веселым? Пришлось ли тебе терпеть хотя бы только один день эту ужасную пытку? И ты имеешь право так смело говорить о смерти?

Мало-помалу Валентин оживился, его лицо судорожно подергивалось, а глаза метали пламя.

Луи, испуганный тем возбужденным состоянием, в котором находился его друг, смотрел на него, не понимая, что это значит.

— Валентин! — вскричал он. — Валентин! Ради самого Бога, успокойся!

— А-а! — продолжал Валентин с пугающим смехом. — Ты говоришь, что ты страдаешь, ты несчастлив, — ну так слушай: женщина, которую ты любил, которую я разыскивал для тебя, на которой дал тебе, наконец, возможность жениться, ну... я... я... я... Нет! Я не любил ее!.. Я обожал ее!.. За то, чтобы иметь возможность сказать ей это, я с радостью отдал бы свою кровь каплю за каплей, а между тем я — человек, которому ты рассказываешь о своих страданиях... Я помог вам вступить в брак... Я даже улыбался... Понимаешь ты? Я улыбался!.. И никто не слышал от меня ни единой жалобы, ни единого слова, которое могло бы обнаружить страсть, сжигавшую мое сердце... Я убежал в пустыню!.. И там я страдал пятнадцать лет! О! Боже мой! Даже и теперь рана эта болит так же, как в первый день. Теперь и я сказал тебе все, что было у меня на сердце... Скажи же мне сам, Луи, что значат твои страдания в сравнении с моими? По какому праву смеешь ты искать смерти?

— О! Прости меня, прости, друг Валентин! — вскричал Луи, бросаясь к нему на грудь. — О да, ты прав!.. А я даже...

— Это и не нужно, Луи, — грустно отвечал Валентин, обнимая графа. — Это совсем не нужно... Ты поступил так, как поступил бы всякий на твоём месте... Я не могу, не имею права сердиться на тебя за это... Напротив, я должен просить у тебя прощения за то, что позволил себе увлечься и открыть тебе тайну, которую я поклялся навеки похоронить в своём сердце. Увы! Все мы на этом свете должны нести свой крест!.. Мне

достался тяжелый крест, но это, по всей вероятности, потому, что я силен, — добавил он, пытаясь улыбнуться. — Ну, а теперь поговорим о тебе. Время юности и радужных надежд для нас давно уже миновало, и теперь мы знаем, что впереди лишь тяжелые испытания... Я тоже устал жить, как и ты, жизнь тяготит меня. Видишь ли, мой друг, я совершенно согласен с тобой и не только не помешаю тебе умереть, но хочу даже сдержать мое обещание до конца и последовать за тобой в могилу.

— Ты, Валентин? О нет, это невозможно!

— Почему? Разве наше положение не одинаково?.. Разве оба мы с тобой не одинаково страдали? Неумолимый кредитор, ты явился требовать от меня уплаты долга... Я согласен заплатить, но только с одним условием.

Луи слишком хорошо знал твердый и решительный характер своего молочного брата и поэтому не стал спорить.

— С каким? — спросил он.

— Я сам выберу род смерти.

— Согласен.

— Подожди, Луи, не торопись соглашаться... Я имею в виду не простое самоубийство, и поэтому мне нужно честное слово дворянина, прежде чем я яснее выскажу свою мысль.

— Я даю тебе слово.

— Хорошо. Для мужчины на свете существуют только две трудные вещи: первая — уметь устроить свою жизнь, а вторая — уметь устроить свою смерть. Человек, который, запершись в спальне, пускает себе пулю в лоб, предварительно написав друзьям, что жизнь ему надоела и он решил покончить с собой, — такой человек — трус или сумасшедший. Нет! Я не хочу такого самоубийства, оно ничего не значит, ничего не доказывает и ни к чему не ведет. Но существует другой вид самоубийства, о котором я всегда мечтал, — это самоубийство человека, который, жертвует жизнью себе подобным и преследует одну цель — быть им полезным. Он умирает, выполнив свой долг!

— Я начинаю тебя понимать, Валентин.

— Может быть, но сначала дай мне закончить. Мы теперь в такой стране, где все, как бы нарочно, подготовлено для этой цели и где даже делались уже попытки в этом роде, хотя и неудачно. — Припомни историю графа де Лорайль с его колонией Гетцали. Сонора, богатейшая страна на свете, окончательно задыхается и умирает из-за неразумной и унижительной политики мексиканского правительства. Ну так вот! Вернем жизнь этой стране!.. Пойдем набирать французских эмигрантов в Калифорнии и вернемся сюда дать свободу народу, который, я уверен, нас



оценит и поймет. Нас ждет гибель в случае неудачи?.. Но ее-то мы и желаем! По крайней мере, когда мы падем, мы умрем со славой, как мученики, унося с собой всеобщие сожаления и симпатии... Вместо того, чтобы нам стреляться самим, как трусам, мы умрем как герои! Разве такая смерть, или такое самоубийство — не самое благородное, не самое высокое изо всех, какие только можно придумать?

— Да, Валентин, ты прав, ты всегда прав! О! Только таким образом могут и должны умирать люди, подобные нам.

— Отлично! — вскричал Валентин. — Ты меня понял.

— Я не только понял тебя, брат, но я еще, так сказать, предугадал это.

— Каким же образом?

— Когда я в последний раз виделся с графом де Лорайль в пустыне, я возвращался с Весельчаком и неким индейским вождем с осмотра одного богатейшего прииска, открытого этим индейцем. Он предоставил прииск в полное распоряжение Весельчака, а Весельчак уступил это право мне. После свидания я отправился в Мехико, где завязал отношения с несколькими знатными лицами, между прочим, с французским поверенным в делах. Ты, конечно, знаешь, как медленно все делается в этой несчастной стране. Однако, благодаря принесенным мной образчикам, которые я предусмотрительно захватил с собой и покровительству некоторых лиц, мне удалось основать общество (главой избрали меня), с правом сформировать из французов вооруженный отряд и с ним приступить к разработке прииска.

— Ну?

— Я отправился в Сан-Франциско, но у меня не хватило двух вещей — терпения и денег, чтобы нанять людей и запастись всем необходимым для путешествия, а главное, должен тебе сознаться, мне недоставало желания добиваться успеха!.. Но сейчас ты, Валентин, пробудил это желание, твое присутствие вернуло всю мою энергию. Хотя я не знаю еще, какими средствами удастся мне устранить препятствия, мешающие выполнению моего проекта, но я их устраню, клянусь тебе в этом.

— Зачем, именно, приехал ты в Сонору?

— Я не сумею объяснить этого тебе. Моя торговля быками была скорее бегством, чем деловой поездкой... Мне все опротивело, и я искал только случай так или иначе покончить со всем.

— Хорошо. Теперь слушай, что я тебе скажу. Завтра, с восходом солнца, ты уедешь отсюда и помчишься во весь дух в Сан-Франциско. Твоя поездка в Сонору была предпринята с целью произвести новые исследования... Наконец, ты можешь выдумать первый попавшийся

предлог и серьезно примешься за дело, станешь набирать людей, а я продам твоё стадо и устрою все таким образом, чтобы добыть средства, в которых ты нуждаешься... Не беспокойся ни о чем и смело устраивай свои дела.

— Но как же ты это сделаешь? Мне ведь нужно очень и очень много денег.

— Предоставь это мне, и в назначенный час я доставлю тебе даже больше, чем нужно. Итак, решено: с восходом солнца ты отправляешься.

— Хорошо. Согласен. Но только где же и когда я с тобой опять увижусь.

— Правда. Ровно через двадцать пять дней, считая с нынешнего, я войду к тебе в комнату перед вечером.

— Но я еще сам не знаю, где буду.

— Не заботься, пожалуйста, об этом, я сумею найти тебя.

— Итак, через двадцать пять дней вечером.

— Да, я явлюсь вместе с деньгами, — смеясь ответил Валентин.

— Спасибо, брат. Мой добрый гений! Если на мне и есть несколько пятен, то, в виде искупления за них, ты готовишь мне прекрасную смерть.

— Жаловаться тебе, во всяком случае, не на что! Я сделаю из тебя Франциска Писарро и Альмагро.

Пожав друг другу руки и обменявшись еще несколькими незначительными словами, они кинулись на свои постели, и вскоре сон смежил их усталые глаза.

## глава V. Удивительное действие музыки

В то время как молочные братья вели беседу, в кварто, куда удалились Курумилла и дон Корнелио, случилось нечто такое, о чем необходимо рассказать читателю.

Войдя в кварто, Курумилла вместо того, чтобы лечь на предназначавшуюся ему скамью, разостлал свой сарапе на полу и, улегшись на него, тотчас же закрыл глаза.

Дон Корнелио, наоборот, повесив лампу на гвоздь, вбитый в стену, и поправив в ней обуглившийся фитиль острием ножа, уселся на край своего ложа, опустив ноги, и громким голосом начал петь романсеро о короле Родриго.

Услышав пение в такую неурочную пору, Курумилла приоткрыл один глаз, ничем другим, однако, не выражая своего вполне законного протеста на такое нарушение его прав на отдых.

Заметил или не заметил дон Корнелио протест индейца, но, во всяком случае, он не обратил на это никакого внимания и продолжал себе петь во весь голос.

— О-о-а! — произнес индеец, поднимая голову.

— Я был уверен, — отвечал дон Корнелио с веселой улыбкой, — что эта музыка вам понравится.

И он принялся еще усерднее выделять фиоритуры.

Араукан встал, подошел к певцу и, слегка дотронувшись до плеча, сказал ему своим гортанным голосом с гримасой неудовольствия:

— Надо спать.

— Ба-а! Оставьте, вождь, музыка имеет волшебное действие, она заставляет забывать даже сон. Лучше послушайте-ка вот это:

Oh! Si yo naciera ciego! O!

Tu sin beldad nacieras!

Maldito sea el punto y... <sup>55</sup>

Индеец, подавшись всем телом вперед и уставив глаза на испанца, по-видимому, с большим интересом слушал пение. Дон Корнелио ликовал, наслаждаясь тем впечатлением, которое, как ему казалось, производит музыка на эту первобытную натуру. Вдруг Курумилла вскочил, сжал испанца в объятиях и, подняв его на воздух, как маленького ребенка, перенес, не обращая внимания на сопротивление, в патио и, поставив на верхнюю закраину колодца, сказал:

— О-о-а! Здесь музыка хороша, — и, не прибавив больше ни слова, отправился в свое кварто, улегся на сарапе и моментально заснул.

В первую минуту дон Корнелио был так изумлен и смущен этим неожиданным событием, что растерялся. Он не знал, сердиться ему или смеяться над тем, как легко и просто компаньон избавился от его общества. Но дон Корнелио был прежде всего философ, одаренный прекрасным характером. Происшедшее показалось ему таким смешным, что он разразился гомерическим хохотом, продолжавшимся несколько минут, и, конечно, не подумал сердиться на индейца.

— Вот курьезное приключение, — сказал он, когда ему наконец удалось совладать с собой и перестать смеяться. — Долго буду я над ним хохотать. Собственно говоря, этот человек поступил, пожалуй, даже остроумно, здесь отлично, и никто уже не станет мне запрещать петь и играть на харане. Здесь мне нечего бояться, что я помешаю кому-нибудь спать. Здесь я совершенно один.

Высказав это утешение, которое должно было успокоить его оскорбленную гордость певца, он решил снова продолжать серенаду.

Ночь была светлая и прозрачная, небо усеяно звездами, между которыми особенно ярко блистал ослепительный Южный Крест. Легкий ветерок, насыщенный благоуханиями прерий, освежал воздух. Глубочайшая тишина царила в Сан-Хосе, потому что в уединенных пуэблос Мексики жители рано возвращались домой; в месоне тоже, казалось, все спали, и только кое-где в окнах за занавесками еще мерцал слабый свет ночников.

Дон Корнелио, невольно поддаваясь влиянию этого чудного вечера, пропустил первые четыре строфы романсеро и пропел звучным голосом описание ночи:

A l'escaso resplendor  
De cualgue luciente estrella.  
Que en el medroso silencio  
Tristementecentellea.<sup>56</sup>

И он, устремив глаза вверх, продолжал петь до тех пор, пока не пропел все девяносто шесть строф, из которых состоит это трогательное стихотворение.

Мексиканцы, потомки андалузцев, музыкантов и плясунов, по самой своей природе в этом отношении не только не отставали от своих предков, но, напротив, если только возможно, даже превзошли их. Это превратилось у них в страсть, ради которой они всем жертвуют и все забывают.

В то время, когда дон Корнелио начинал петь, патио было совершенно

пусто, но мало-помалу, по мере того, как воодушевлялся музыкант, во всех углах двора открывались двери, появлялись женщины и мужчины, тихо подходили к певцу и становились рядом с ним... Кончив петь, испанец с гордостью оглянулся кругом и увидел целую толпу очарованных слушателей, которые принялись аплодировать ему как безумные.

Дон Корнелио поднялся, снял шляпу и грациозно поклонился собравшемуся обществу.

«Вот это, — подумал он, — заставило бы призадуматься то противное животное, индейца, который, очевидно, и понятия не имеет о хорошей музыке».

— *Sara de Dios!*<sup>57</sup> — вскричал один погонщик. — Как поет!.. Вот это я понимаю!..

— Бедный сеньор дон Родриго, как он должен был страдать! — заметила одна из молодых служанок, в коротенькой юбке и с большими лукавыми глазами.

— А этот *ricano*<sup>58</sup>, слуга графа Жюльена, который ввел мавров в католическую землю!.. — проговорил хозяин месона.

— Господь справедлив, — заговорили все разом, — и не мог оставить грешника без должного наказания, он теперь, наверное, жарится на самом дне ада.

Дон Корнелио был в полном восторге. Никогда еще в жизни не выпадало на его долю такого успеха.

Все слушатели благодарили за доставленное удовольствие с теми шумными овациями и криками радости, которыми отличаются южане. Испанец не знал, кого слушать и в какую сторону поворачиваться. Крики толпы принимали такой характер, что певец начинал бояться, что ему, пожалуй, за всю ночь не удастся отделаться от своих неистовых слушателей.

К счастью для него, в ту минуту, когда он готовился по общей просьбе снова начать пение своего романсеро, в толпе произошло движение, она расступилась направо и налево и пропустила вперед высокую и красивую молодую девушку.

Та смело подошла к певцу и, глядя на него с очаровательной улыбкой, сказала:

— Позвольте вас спросить, *senor caballero*, не вы ли благородный испанский идалго по имени дон Корнелио?

Тут необходимо заметить, что дон Корнелио был до такой степени ослеплен появлением очаровательной молодой девушки, что несколько

минут не мог придти в себя от изумления и молча стоял с раскрытым ртом и вытаращенными глазами, не зная, что ответить.

Девушка с нетерпением топнула ногой.

— Уж не превратились ли вы, чего доброго, в камень? — спросила она насмешливо.

— Сохрани меня Бог, сеньорита! — проговорил наконец испанец.

— В таком случае потрудитесь ответить на мой вопрос.

— Ничего не может быть легче, сеньорита. Я действительно тот самый кабаллеро, которого зовут дон Корнелио Мендоса-и-Аррисабаль, и я имею честь быть испанским дворянином.

— Вот совершенно ясный и определенный ответ, — заметила девушка. — В таком случае, *senor caballero*, я прошу вас следовать за мной.

— Хоть на край света! — вскричал молодой человек порывисто. — Клянусь Богом! Ни разу в жизни не приходилось мне путешествовать в более приятном обществе, да наверное и не придется.

— Благодарю вас за комплимент, *senor caballero*, но у меня нет намерения вести вас так далеко, — я только хочу проводить вас к моей госпоже, которая желает вас видеть и поговорить с вами не больше минуты.

— *Rayo del cielo!*<sup>59</sup> Если госпожа так же красива, как и ее камеристка, то я не буду жаловаться, даже если ради того, чтобы ее увидеть, мне придется идти целую неделю.

Девушка опять улыбнулась.

— Моя госпожа в настоящее время живет в этой гостинице, всего в нескольких шагах отсюда.

— Тем хуже, тем хуже! Мне было бы гораздо приятнее пройти несколько миль, прежде чем с ней встретиться.

— Довольно вам болтать о пустяках. Угодно вам следовать за мной?

— Сию минуту, сеньорита.

И, закинув за спину свою харану и в последний раз поклонившись слушателям, с уважением расступавшимся перед ним, певец сказал девушке:

— Як вашим услугам.

— Идемте, — проговорила она и быстро пошла вперед, испанец следовал за ней.

Дон Корнелио, подобно всем авантюристам, которых судьба забросила из Европы на американское побережье, питал в глубине души тайную надежду поправить с помощью богатой женитьбы свое более чем расстроенное состояние. Мысль эта крепко засела у него в голове, особенно после того, как он узнал, что подобные случаи уже бывали —

хотя не очень часто.

Дон Корнелио был дворянин, молодой, красивый, по крайней мере он считал себя таким, а значит, имел все, что нужно, чтобы добиться успеха, хотя до сих пор фортуна не улыбалась ему. Молоденькие девушки как будто не замечали его ухаживаний и не чувствовали на себе взглядов, красноречиво говоривших о замыслах, которые питал на их счет прибывший в Америку испанский дворянин. Но все эти неудачи нисколько не обескуражили его, а только что полученное через горничную приглашение усилило его надежды, тем более что произошло это в такую минуту, когда он меньше всего думал о такой возможности.

Одно только нарушало испытываемую им радость, — это печальное состояние его костюма, сильно истрепавшегося за время продолжительного путешествия по Соноре. Но и тут он вскоре утешился и с присущим всем испанцам фатовством решил, что его личные качества так велики, что заставят забыть о печальном состоянии костюма.

Занятый этими мыслями дон Корнелио вскоре остановился перед дверью кварто, к которому его подвела молодая девушка.

— Здесь, — сказала она, поворачиваясь к своему спутнику. Отлично, — отвечал дон Корнелио, горделиво выпрямляя свой стан, — мы войдем туда, как только вы пожелаете.

Молодая девушка улыбнулась, лукаво подмигнув своим черным глазом, и повернула ключ в замке. Дверь отворилась.

Сеньорита, — сказала камеристка, — я привела этого Господина.

Пусть он войдет, Виоланта, — отвечал нежный голос.

Молодая девушка отошла в сторону, чтобы пропустить дона Корнелио, который вошел, гордо подняв голову и победоносно подкручивая усы.

Комната, в которой теперь находился испанец, была маленькая, меблированная немного лучше, чем остальные кварто благодаря тому, что лицо, временно занимавшее это кварто, имело предосторожность привезти всю эту роскошь с собой. Несколько розовых свечей горело в серебряных подсвечниках, а на софе, закутавшись в кисею, как колибри в гнезде среди роз, полулежала молодая девушка лет шестнадцати — семнадцати, не больше, прекрасная как мечта. Завидя входящего испанца, она устремила на него взгляд больших черных глаз, в которых одновременно светились хитрость, лукавство и любопытство.

Несмотря на громадное самолюбие и сознание своей собственной неотразимости, дон Корнелио остановился в полной нерешительности на пороге и отвесил глубокий поклон, не смея сделать больше ни шага вперед. Кварто в эту минуту казалось ему святилищем.

Очаровательная молодая девушка грациозным жестом пригласила его подойти к ней и указала ему на бутак, стоявшую в двух шагах от софы, на которой она полулежала.

Молодой человек колебался. Тогда камеристка с веселым хохотом схватила его за плечи и заставила сесть.

Но и вмешательство камеристки нисколько не улучшило дело. Дон Корнелио находился в таком затруднении, какого ему не приходилось испытывать еще никогда в жизни, и со смущенным видом теребил край своей войлочной шляпы, бросая направо и налево вопросительные взгляды, а молодая девушка, не менее его смущенная, боязливо опускала глаза и, казалось, почти сожалела о своем необдуманном поступке.

Но, как известно, женщины даже в самые затруднительные моменты умеют гораздо скорее найтись, чем мужчины, поэтому молодая хозяйка кварто первой вернула себе необходимое хладнокровие и начала разговор.

— Узнаете вы меня, дон Корнелио? — спросила она таким смелым тоном, от которого испанец вздрогнул.

— Увы, сеньорита, — отвечал он, стараясь изобразить из себя светского кавалера. — Я даже и представить себе не могу, где мог бы я иметь счастье видеть вас раньше, до сих пор я все время жил точно в аду.

— Будем говорить серьезно, — остановила поток его красноречия девушка, слегка хмуря брови. — Посмотрите на меня хорошенько, *senor caballero*, и отвечайте мне откровенно: узнаете вы меня или нет?

— Нет, сеньорита, я не знаю вас... и мне кажется, что я ни разу не имел счастья встречаться с вами до сих пор.

— Вы ошибаетесь, — возразила она.

— Я? Нет, этого не может быть!

— Не говорите так, дон Корнелио, я сейчас докажу вам истинность моих слов.

Молодой человек отрицательно покачал головой.

— Если бы я имел счастье видеть вас хоть один раз... — прошептал он.

Она резко его перебила.

— Ваши комплименты неуместны. Прежде, чем отвергать мои слова, выслушайте то, что я хочу вам сказать.

Дон Корнелио снова запротестовал.

— Повторяю вам, — отчетливо проговорила молодая девушка, — что вы просто сумасшедший... Вы целых двое суток путешествовали со мной и моим отцом.

— Я?



— Да, вы.

— О!

— Это было три года назад. В то время я была еще девочкой четырнадцати лет, и потому нет ничего особенного в том, что вы меня забыли и не узнали. Вы и тогда распевали ваш излюбленный романсеро о короле Родриго, о котором, впрочем, я не могу сказать ничего дурного, — добавила она с очаровательной улыбкой, — потому что благодаря этому пению я теперь вас и узнала. Мой отец в то время был еще полковником, а теперь он губернатор Соноры.

Испанец ударил себя по лбу.

— Теперь вспоминаю! — вскричал он. — Вы ехали из Гвадалахары в Тепик, и я имел счастье встретиться с вами ночью.

— Да.

— Я все вспомнил!.. Вашего отца зовут дон Себастьян Гверреро, а вас...

— А меня? — проговорила она, вопросительно глядя на него.

— Вы, сеньорита, — галантно отвечал он, — вы донья Анжела. Какое иное имя могло бы к вам так подойти?<sup>60</sup>

— Отлично! — вскричала она со смехом, хлопая своими миниатюрными ручками. — Я с удовольствием вижу, что у вас память гораздо лучше, чем я думала.

— О! — с упреком прошептал испанец.

— У нас, как мне помнится, была даже стычка с бандитами, — продолжала молодая девушка.

— Да, и мне тогда пришлось очень плохо — злодеи ранили меня.

— Да, мне вспоминается что-то в этом роде. Вас, если я не ошибаюсь, взял на свое попечение какой-то охотник, лесной бродяга? Я, впрочем, это очень смутно помню.

— Он благородный дворянин, сеньорита, — с жаром возразил дон Корнелио, — и я ему обязан жизнью.

— А! — рассеяно проговорила молодая девушка. — Очень может быть. Значит, этот человек принял в вас участие, ухаживал за вами, а потом вы расстались?

— Вовсе нет.

— Как! Вы говорите, что вы не расставались с ним? — взволнованно вскричала она. — Вы жили с ним вместе?

— Да.

— Постоянно?

— Да.

- А теперь? — спросила она взволнованным голосом.
- Повторяю вам, сеньорита, что мы с ним не расставались с тех пор.
- Итак, значит... он тоже здесь?
- Да.
- В этой гостинице?
- Стоит только перейти через патио.
- А! — прошептала она, опуская голову на грудь.
- Что с ней такое? — с удивлением спрашивал испанец.

## ГЛАВА VI. Счастливым случаем

Положение собеседников было довольно странным. Оба они, казалось, всматривались один в другого и взаимно отыскивали слабое место в доспехах противника.

Но в этой борьбе мужчины с женщиной последняя непременно должна была победить.

Дон Корнелио был, пожалуй, слишком высокого мнения о себе, но это его и погубило, отдав во власть опасному сопернику.

Донья Анжела кокетливо оперлась на локоть и, погрузив подбородок в ладонь своей миниатюрной ручки, устремила на испанца глаза. Дон Корнелио, очарованный таинственной силой этого неодолимого взгляда, не сумел избежать очарования.

— Виоланта, — сказала молодая девушка мягким и чистым голосом, как пение американского соловья, — нет ли у тебя угощения для нашего гостя?

— Конечно есть! — отвечала шаловливая камеристка.

И она бросилась исполнять приказание своей госпожи.

Дон Корнелио, в глубине души польщенный этой любезностью, которой совсем не ожидал, начал, однако, рассыпаться в извинениях.

Но донья Анжела перебила его словами:

— Простите, пожалуйста, *senor caballero*, что я так дурно принимаю вас, но я не рассчитывала на то, что буду иметь честь видеть вас у себя. Я была так далека от мысли встретить вас в этом забытом пуэбло!

Нечего и говорить, что дон Корнелио, убежденный в своей воображаемой неотразимости, истолковал эту фразу по-своему и принял ее за комплимент.

Анжела лукаво прикусила свою розовую губку и, слегка наклонив голову, продолжала:

— Но теперь, когда мне посчастливилось отыскать старого друга... Надеюсь, вы позволите считать вас в числе моих друзей?

— О сеньорита! — мог только проговорить молодой человек, сердце которого трепетало от радости.

— Я хотела сказать, что теперь, по всей вероятности, буду иметь удовольствие часто наслаждаться вашим обществом.

— Сеньорита, поверьте, я был бы так счастлив...

— Я знаю, как вы любезны, дон Корнелио, — перебила его молодая

девушка, улыбаясь, — я знаю, что вы будете пользоваться каждым удобным случаем доставить мне удовольствие своим посещением.

— Клянусь Богом, сеньорита, это правда. Но, к несчастью, судьба преследует меня, и кто знает, когда еще мы с вами увидимся вновь.

— А почему?

— Если я не ошибаюсь, вы в этой несчастной гостинице только проездом?

— Да... Отец едет в Тепик, где он будет жить постоянно, как губернатор.

— Но это, сеньорита, служит еще большим препятствием для нас, и я опять-таки повторяю: одному Богу известно, когда мы с вами увидимся.

— Вы думаете? — спросила она.

— Увы! Я ужасно этого боюсь.

— Почему же? — спросила она, даже не стараясь скрыть своего любопытства.

— Потому что, вероятно, завтра же рано утром мы разъедемся в противоположные стороны, сеньорита.

— О! Этого не может быть.

— К несчастью, я говорю сущую правду.

— Простите, но я вас не совсем понимаю.

— А между тем, сеньорита, ничего не может быть проще этого.

— Повторяю, я вас не совсем понимаю.

— Я вам сейчас все объясню.

— Говорите. Я слушаю.

— Завтра утром вы вместе с вашим отцом поедете в Тепик, а мы, то есть я и мой друг, в это самое время поедем по дороге в Сан-Франциско.

— В Сан-Франциско?

— Увы! Да.

— А зачем вам нужно непременно ехать в Сан-Франциско?

— Мне совершенно незачем.

— Ну тогда, значит...

Дон Корнелио, не зная, что ему ответить в эту минуту, последовал примеру всех людей, находящихся в затруднительном положении, то есть попросту почесал голову.

— Дело в том, — сказал он наконец, — что я не могу покинуть друзей.

— Каких друзей?

— Да тех самых, с которыми я сюда прибыл.

— Значит, им тоже нужно ехать в Сан-Франциско?

— Да.

— А зачем?

— Ах! В этом-то и заключается весь вопрос, — отвечал испанец, видимо, не желавший признаться, что он занимается таким промыслом. Подобное занятие, по его мнению, должно было чрезвычайно унижить его в глазах молодой девушки, сердце которой, как ему казалось, он успел затронуть.

— Я жду, — повелительным тоном произнесла донья Анжела, хмуря черные брови.

Дон Корнелио, прижатый к стене, решился, наконец, откровенно ответить на вопрос.

— Я должен прежде всего вам сказать, — начал он изысканно слащавым тоном, — что мои друзья — охотники.

— Ну, а что же дальше?

— Черт возьми, значит, они охотятся, — продолжал он, сбитый с толку тоном своей собеседницы.

— Это очень интересно, — продолжала она, весело улыбаясь. — А на каких зверей они охотятся?

— Гм! Понемножку на всех.

— Например?

— Например, на диких быков.

— Прекрасно. Значит, они охотятся на диких быков.

— Да.

— Почему же они охотятся на них больше, чем на других?

— Я вам сейчас объясню.

— Вы мне доставите этим большое удовольствие. Дон Корнелио поклонился.

— Вы должны знать, что в Сан-Франциско...

— Опять Сан-Франциско!

— Увы, да.

— Ну, хорошо, продолжайте.

— Так вот, я хотел сказать, что там очень дорого ценятся волы, быки и вообще все животные, мясо которых идет в пищу.

— А!

— Но тут нет ничего удивительного... В этой стране все поголовно занимаются тем, что ищут золото, и почти никто не хочет заботиться о поставках мяса.

— Это правда.

— Мой друг тоже пришел к этому заключению.

— Какой друг?

— Охотник, дон Луи.

— Дон Луи?

— Да, тот самый, который во время нападения бандитов три года тому назад так удачно явился к нам на помощь и которого я с тех пор не покидал.

Донья Анжела почувствовала такое сильное волнение, что внезапная бледность покрыла все ее лицо. Дон Корнелио, целиком погруженный в свой рассказ, не заметил эффекта, какой произвело на его собеседницу случайно произнесенное имя, и продолжал:

— И вот ему пришло в голову, что быки, стоящие так Дорого в Калифорнии, почти даром обходятся в Мексике, и он сейчас же решил отправиться за быками в Мексику.

— Ну?

— Ну, мы и отправились.

— Значит, вы были в Калифорнии?

— В Сан-Франциско вместе с доном Луи.

— А теперь?

— У нас великолепное стадо *novillos*, которое мы ведем издалека и которое надеемся с очень хорошей прибылью продать в Сан-Франциско.

— От души вам этого желаю.

— Благодарю вас, сеньорита, тем более что нам стоило больших трудов собрать такое стадо.

— Но все это нисколько не объясняет мне, почему вы не можете расстаться с вашими друзьями.

— Я не могу их покинуть, во всяком случае, до тех пор, пока мы не развяжемся со стадом... Надеюсь, вы и сами понимаете, сеньорита, что поступить иначе — значит отказаться от дальнейшего участия в деле.

— Это правда, но почему вы так упрямо хотите продать ваш скот именно в Сан-Франциско?

— Это вовсе не простое упрямство с нашей стороны.

— Ну а если бы вам дали и здесь за него хорошую цену, продали бы вы свой скот?

— Нам это было бы решительно все равно.

Донья Анжела сделала радостное движение, которое дон Корнелио решил истолковать в свою пользу.

— Это можно устроить, — сказала она затем.

— Вы думаете?

— Да, если вы не будете сильно торговаться.

— Этого бояться нечего, сеньорита.

— У моего отца в нескольких милях отсюда есть асиенда. Я знаю, что

он намерен увеличить свои стада, и он остановился здесь для того, чтобы увидеться со своим мажордомом<sup>61</sup>.

— О! Но ведь это такая счастливая случайность, на которую мы, конечно, рассчитывать не могли.

— Не правда ли?

— Да. А что, мажордом уже приехал?

— Нет еще. Мы ждем его сюда завтра, и я думаю, что один лишний день не причинит вам слишком большого убытка.

— Ни малейшего.

— Ну так вот, если вы согласны, мы можем здесь же покончить с этим делом, то есть, — добавила она, поправляясь, — вы скажете мне цену, а я передам ее моему отцу.

— А! — проговорил он, запинаясь. — К несчастью, сейчас я не могу сказать вам ничего определенного.

— Как же так? Разве вы не хозяин этого стада?

— Дело в том... — Это стадо принадлежит не мне одному.

— у вас есть компаньоны?

— Да, у меня есть компаньон.

— А этот компаньон?

— Видите ли, сеньорита, я хочу быть с вами откровенным и сказать вам все, как есть.

— Я вас слушаю, *senor caballero*.

— Я и хозяин, и в то же время не хозяин.

— Теперь я вас уже совсем не понимаю.

— А между тем, это очень просто, как вы сейчас увидите.

— Объясните мне, пожалуйста, эту загадку.

— Дон Луи, который ухаживал за мной в то время, когда я лежал больной из-за полученных ран, выказал по отношению ко мне такую искреннюю дружбу охотника, о которой даже и понятия не могут иметь жители городов... Он не только не хотел расставаться со мной, когда я выздоровел, но, узнав, что вследствие неудач, — рассказывать о них слишком долго, — я очутился почти без всяких средств, настоял, чтобы я принимал участие, и, заметьте, не внося денег, во всех операциях, которые он будет осуществлять... Словом, я сделался его полноправным компаньоном и владею половиной стада, не затратив на приобретение не одной унции... Теперь вам понятно, почему я ничего не могу предпринять, не посоветовавшись с ним и не заручившись предварительно его поддержкой.

— Мне кажется, что именно так и должно быть.

— И мне тоже так кажется, сеньорита, и потому, несмотря на желание покончить дело с вами сейчас же, я, к несчастью, не могу этого сделать.

Донья Анжела на минуту призадумалась, а затем сказала с сильно бьющимся сердцем и дрожью в голосе, которую ей не удалось полностью скрыть:

— Но это, по моему мнению, такие пустяки, это легко устроить.

— Я и сам ничего лучшего не желал бы, но только со стыдом должен признаться вам, что даже и представить себе не могу, как можно это устроить.

— Это сущие пустяки. Завтра утром, еще до приезда мажордома, я переговорю с отцом, и уверена, что он будет очень рад, если удастся доставить удовольствие человеку, который оказал ему такую громадную услугу. Вы, со своей стороны, предупредите вашего друга, он зайдет к нам сторговаться с отцом, и все будет кончено.

— И в самом деле, сеньорита. Но как странно, что мне не пришло в голову, что все это можно устроить таким образом.

— Разве только ваш друг... Его ведь, кажется, зовут дон Луи, не так ли?

— Дон Луи, сеньорита. Он принадлежит к одной из самых знатных и старинных фамилий Франции.

— А! Тем лучше! Так вот, я хотела сказать, что, может быть, ваш друг не пожелает иметь дело с моим отцом.

— Я не понимаю, сеньорита, что он может иметь против этого?

— Ах! Откуда я знаю!.. Но еще и тогда, когда он спас жизнь моему отцу и мне самой, этот caballero держал себя с нами так странно, что я боюсь...

— Вы ошибаетесь, сеньорита, предполагая, что дон Луи станет отказываться от такого выгодного предложения...

— Ах, Бог мой! — небрежно проговорила она. — В сущности, все это интересует меня очень мало, и, признаюсь вам, мне вовсе не хотелось бы, чтобы мой проект вызвал хотя бы малейшее разногласие между вами и вашим компаньоном... Предлагая это, я имела в виду исключительно ваши интересы, дон Корнелио.

— Я в этом убежден, сеньорита, и почтительнейше вас за это благодарю, — ответил он растроганным голосом.

— Я знаю только вас одного. Хотя ваш компаньон и оказал мне очень большую услугу, но для меня он, все-таки, только незнакомец, в особенности после того решительного отказа моему отцу, предлагавшему ему свою дружбу.



— Вы совершенно правы, сеньорита, и поверьте, что я по достоинству сумею оценить всю деликатность ваших поступков.

— А между тем, — продолжала она голосом вкрадчивым и слегка насмешливым, — признаюсь вам, мне даже доставит некоторое удовольствие встретиться лицом к лицу с этим странным человеком, хотя бы только за тем, чтобы убедиться, насколько правильно было то мнение, которое я составила о нем.

— Дон Луи, сеньорита, — любезно отвечал испанец, — настоящий кабаллеро, добрый, благородный и великодушный, всегда готовый помочь своим кошельком или шпагой тому, кому требуется его поддержка... С тех пор, как я имею честь жить вместе с ним, я много раз убеждался в величии и благородстве его характера.

— Я очень рада слышать это от вас, сеньор, потому что этот кабаллеро произвел на меня тогда очень дурное впечатление своим более чем диким поступком.

— Это дурное впечатление ошибочно, сеньорита. Что касается дикости, в которой вы его упрекаете, — увы! — это вовсе не дикость, а грусть.

— Как! — вскричала она, причем краска внезапно залила ее лицо. — Вы говорите, что это грусть? Неужели кабаллеро несчастлив?

— Кто же не бывает несчастлив? — отвечал дон Корнелио, вздохнув.

— Но вы, может быть, ошибаетесь?

— Дону Луи пришлось пережить ряд ужасных несчастий... Судите сами: он обожал женщину, сделавшую его отцом очаровательных детей, однажды ночью индейцы напали на его асиенду, подожгли ее, убили его жену и детей, и сам он уцелел каким-то чудом.

— О! Это ужасно! — вскричала она, закрывая лицо руками. — Несчастный человек! Теперь я от всего сердца прощаю ему все, что казалось мне таким странным в нем. Увы! Общество людей должно быть ему в тягость.

— Да, сеньорита, оно тяготит его. Он перенес такое горе, что его ничто и никто не в состоянии утешить, а между тем, когда он узнает, что есть несчастные, судьбу которых можно облегчить, и ему по силам сделать добро, он забывает о себе.

— Да, вы правы, *senor caballero*, у этого человека благородное сердце.

— Да, сеньорита, сколько бы я вам ни говорил о нем, я все-таки не смогу рассказать вам всего. Надо жить его жизнью, быть постоянно вместе с ним, чтобы суметь его понять и оценить по заслугам.

Ночь уже подходила к концу, свет от свечей начинал тускнеть.

Камеристка, которую очень мало интересовал этот разговор, запрокинула голову на спинку будыаки и закрыла глаза. Она спала, — но она спала тем сном, каким умеют спать только женщины да представители кошачьей породы и который им не мешает быть постоянно настороже.

— Скажите мне, дон Корнелио, — продолжала донья Анжела, улыбаясь, — за то долгое время со дня нашей встречи, вы никогда не разговаривали о ней с доном Луи?

— Никогда, сеньорита.

— А!

— Один раз я, помнится мне, хотел было сам навести разговор на эту тему.

— Ну?

— Дон Луи перебил меня и не допускающим возражения тоном попросил никогда больше не говорить об этом... Затем он сказал мне, что считал себя обязанным так поступить, и случись опять что-нибудь подобное, он поступит точно так же. Все дело не стоит того, чтобы им занимались, тем более что судьба не сведет нас с людьми, которым нам посчастливилось оказать эту небольшую услугу.

Молодая девушка нахмурила брови.

— Благодарю вас, — сказала она слегка взволнованным голосом, — благодарю вас, дон Корнелио, за ту любезность, с которой вы согласились исполнить каприз незнакомой вам особы.

— О, сеньорита! — вскричал он, протестуя. — Я уже давно ваш смиренный раб!

— Я знаю, как вы любезны, но я не считаю себя вправе больше злоупотреблять вашей любезностью. Поверьте мне, что я сохраню добрую память о нашем разговоре. Не забудьте же, пожалуйста, исполнить мою просьбу и сообщить дону Луи о моем предложении.

— Завтра, сеньорита, мы с другом будем иметь честь представиться генералу, и я попрошу дать нам знать, когда мы должны будем явиться.

— Не беспокойтесь, *senor caballero*; отец пришлет слугу.

— Имею честь кланяться, сеньорита, — сказал дон Корнелио, почтительно склоняясь перед молодой девушкой, ответившей ему грациозным жестом.

Испанец вышел с переполненным радостью сердцем.

— О! — прошептала донья Анжела, как только осталась одна. — Я люблю его!

О ком это она говорила?

## ГЛАВА VII. Взгляд на прошедшее

Прежде чем продолжать наш рассказ, необходимо сообщить читателю некоторые подробности о семье и прежней жизни дона Себастьяна Гверреро, которому суждено играть важную роль в этой истории.

Семья дона Себастьяна была богата, он происходил по прямой линии от одного из первых мексиканских королей, кровь ацтеков текла незапятнанной в его жилах. Подобно многим знаменитым мексиканским семьям, предки его не были лишены завоевателями своих владений. Однако они вынуждены были прибавить испанское имя к своему мексиканскому, и оно неприятно щекотало кастильские уши.

Между тем семейство Гверреро всегда с гордостью говорило о своем происхождении от ацтеков и, если официально и играло роль преданной Испании фамилии, в тайне питало надежду, что рано или поздно настанет-таки день, когда Мексика вернет себе свободу.

Вот почему, когда герой Идальго, скромный кюре маленькой деревушки Долорес, неожиданно поднял знамя восстания против притеснителей его родины<sup>62</sup>, дон Эустакио Гверреро, женатый на женщине, которую он обожал, и бывший отцом ребенка лет пяти или шести, одним из первых отозвался на призыв повстанцев и присоединился к Идальго. Он отправился во главе четырехсот решительных людей, набранных в его огромных владениях.

Странная это была революция, почти все деятели и герои которой были священниками. Мексика — единственная в мире страна, где католическое духовенство всегда шло во главе прогресса и проявляло свои симпатии к свободе народа.

Дон Эустакио Гверреро был поочередно товарищем этих скромных героев, имена которых история почти забыла. Они звались Идальго, Морелос, Эрменегильдо, братья Галеано, Альенде, Абасола, Алдама, Валерио Труяно, Торрес, Район, Сотомайер, Мануэль Мьер-и-Теран и многие другие, которые с честью прослужив делу освобождения своей страны, покоятся теперь в своих могилах.

Более счастливый, чем большинство его храбрых товарищей по оружию либо ставших жертвами испанского варварства, либо побежденных изменой, — дон Эустакио чудом избежал бесчисленных опасностей войны, продолжавшейся десять лет, и дожил до полного изгнания испанцев и провозглашения независимости.

Храбрый солдат, состарившийся раньше времени и покрытый ранами, он был возмущен неблагодарностью своих соотечественников, которые, едва став свободными, тут же принялись преследовать друг друга, положив этим начало роковой эры бесконечных *пронунсиаментос*<sup>63</sup>. Он удалился, печальный и озабоченный, в свою асиенду дель-Пальмар, расположенную в провинции Вальядолид, и здесь отдался радостям семейной жизни с женой и сыном.

Но тут судьба отнеслась к нему немилостиво: жена умерла у него на руках через два года, сраженная неизвестной болезнью, которая в несколько недель свела ее в могилу.

После смерти жены, которую он любил всеми силами своей души, дон Эустакио, разбитый горем, только прозябал и тянул несчастное существование, прекратившееся ровно через год, день в день и час в час, после смерти его любимой жены. И имя ее слетело с его уст при последнем вздохе.

Дон Себастьян, едва достигший двадцатилетнего возраста, остался, таким образом, сиротой. Один, без родственников и без друзей, молодой человек заперся на своей асиенде, где он безмолвно оплакивал две души, которые он потерял и на которых он сосредоточил все свои привязанности.

Дон Себастьян, может быть, провел бы так многие годы в своих владениях, не видя людей и не помышляя даже о том, как они живут, ведя беспечную и ленивую жизнь богатых землевладельцев, которых никакая мысль об улучшении или прогрессе не побуждает заниматься своими землями. Застенчивый и боязливый, как и все люди, живущие одиноко, он все свободное время, (а его было много), проводил на охоте; как вдруг случай или, лучше сказать, счастливая звезда позаботилась привести в Пальмар бывшего командира повстанцев, который долго воевал вместе с доном Эустакио. Однажды, проезжая в нескольких милях от асиенды, он почувствовал, как в нем пробудились старые воспоминания, и свернул с дороги, чтобы пожать руку своему старому товарищу, — о смерти его он ничего не знал.

Человека этого звали доном Исидро Варгас. Он был высокого роста, широкоплечий, с сильно развитыми мускулами, черты его лица дышали редкой энергией, словом, тип той сильной и храброй породы людей, которая ежедневно гибнет в Мексике и от которой не останется скоро ни одного отпрыска.

Неожиданный приезд гостя, тяжелые шпоры и длинная, в стальных ножнах сабля которого гремели по устланным плитами полам комнат, внес жизнь в это жилище, где уже так давно царило безмолвие и угрюмое

спокойствие монастыря.

Как и все старые солдаты, капитан дон Исидро говорил грубым голосом, отрывисто и громко, но под грубой оболочкой скрывался веселый и откровенный характер.

Когда он приехал, дон Себастьян был на охоте и асиенда казалась необитаемой.

Наконец, после долгих розысков, капитану удалось найти под верандой полусонного пеона, который как умел ответил на интересовавшие его вопросы.

Но так или иначе, дон Исидро узнал от своего довольно-таки бестолкового собеседника все, что ему было нужно.

Известие о смерти дона Эустакио, надо заметить, совсем не удивило старого солдата, он был готов это услышать, как только ему сообщили о смерти сеньоры Гверреро. Ему было известно, как его старый товарищ любил свою жену. Но узнав о той праздной и бесполезной жизни, которую вел дон Себастьян со времени смерти своего отца, капитан пришел в ярость и поклялся всеми святыми испанского календаря, что это не долго будет продолжаться.

Капитан видел молодого человека еще ребенком и не раз качал его на коленях, поэтому он считал себя обязанным заставить сына своего старинного друга изменить то бесцельное существование, которое дон Себастьян вел до сих пор.

В результате, старый солдат своей властью водворился на асиенде и стал дожидаться возвращения молодого хозяина, на которого он давно привык смотреть, как на своего сына.

День прошел спокойно. Пеоны-индейцы, издавна привыкшие относиться с величайшим почтением к обшитым галуном шляпам и большим саблям, предоставили капитану полную свободу делать, что ему угодно. Но старый солдат этой свободой не злоупотреблял и ограничился тем, что приказал подать себе громадную бутылку тамариндовой настойки. Поставил ее на стол, а сам с комфортом расположился на бутаке, откинувшись назад и вытянув ноги, и, потягивая тамариндовую настойку, принялся курить сигаретки из маисовой соломы, которые он тут же вертел с ловкостью, присущей одним только испанцам.

Приблизительно около *oration*, то есть часов около шести вечера, капитан, все время не перестававший пить и курить, кончил тем, что спокойно уснул. Вдруг его разбудил сильный шум, крики людей, лай собак и ржание лошадей.

— А-а! — проговорил он, покручивая усы. — Это, должно быть,

явился, наконец, сам мучачо<sup>64</sup>.

Старый повстанец, стоя у окна, мог всласть насмотреться на сына своего друга, не будучи им замеченным. Он не мог сдержать улыбки удовольствия при виде сильного молодого человека с гордыми чертами лица, с отпечатком в них смелости, дикости и застенчивости.

— Какое будет несчастье, — прошептал он, — если такая чудная натура пропадет здесь без пользы для других и себя! Не моя будет вина, если мне не удастся вывести этого мальчика из того состояния летаргии, в которое он погружен... Я это обязан сделать в память о его бедном отце.

Рассуждая таким образом, он слышал вдруг звон шпор в зале, соседней с той, где находился. Капитан снова опустился на бутак и принял свой прежний невозмутимый и равнодушный вид.

Дон Себастьян вошел и, несмотря на то, что уже много лет не видел капитана, сразу узнал его и сердечно приветствовал старинного друга своего отца.

— Ну, мучачо, — сказал капитан после обмена обычными приветствиями. — Признайся, тебе ведь и в голову не приходило, что я могу когда-нибудь заехать в гости?

— Признаюсь вам, капитан, я и в самом деле был далек от мысли, что вы сегодня пожалуете ко мне. Какой счастливой случайности обязан я удовольствию видеть вас у себя?

— *Cuervo de Dios!*<sup>65</sup> Собираясь заехать сюда, я хотел повидать твоего отца, храброго генерала, *voto a brios!*<sup>66</sup> Известие о его смерти совсем сбilo меня с толку, и я еще не совсем пришел в себя.

— Я вам очень благодарен, капитан, за добрую память об отце.

— *Sara de Dios!* — проговорил капитан, имевший, между прочим, привычку пересыпать свою речь подобными фразами. — Ты благодаришь меня за то, что я сохранил добрую память о человеке, рядом с которым сражался десять лет и которому обязан всем! Да, я сохранил добрую память о нем и надеюсь, *sanagios!*<sup>67</sup> скоро доказать это его сыну.

— Благодарю вас, капитан, хотя и представить себе не могу, зачем доказывать очевидное.

— Ладно, ладно! — отвечал капитан, кусая свои усы. — Зато я отлично понимаю, и с меня этого вполне достаточно. Всему свое время.

— Как вам угодно. Во всяком случае, я прошу вас помнить, что вы у себя дома и чем дольше здесь пробудите, тем больше удовольствия мне доставите.

— Хорошо, мучачо, я ждал от тебя этих слов и очень благодарен тебе

за них, но только можешь быть спокоен, я не стану злоупотреблять своими правами.

— Бывшему товарищу моего отца по оружию нечего бояться, что его обвинят в чем-нибудь подобном в этом доме. Но, — добавил он, увидя входящего пеона, — слуга пришел сказать нам, что обед уже на столе... Признаюсь вам, я целый день охотился и буквально умираю с голоду. Если вы окажете мне честь отобедать со мной, мы со стаканами в руках возобновим старое знакомство.

— Это как раз то, что надо, *rayo de Dios!*<sup>68</sup> — ответил капитан вставая. — Я хоть и не охотился сегодня, но думаю, что это мне не помешает воздать честь твоему обеду.

И без дальнейших разговоров они перешли в столовую, где их ожидал роскошно и обильно сервированный стол.

По старинному патриархальному обычаю, который, к несчастью, как и все хорошее, начинает исчезать в Мексике, хозяин и слуги обедали все вместе за одним столом. Этот обычай, соблюдавшийся в семействе дона Себастьяна с незапамятных времен, продолжался и при нем, сначала из уважения к памяти отца, а затем потому, что обслуга асиенды состояла из старых, преданных слуг, заменявших своему хозяину недостававшую ему семью.

Капитан дон Исидро Варгас был опытен и хитер, как католический монах. Он отлично понимал, что на молодого человека нельзя нападать сразу. Поэтому решил сначала испытать его хорошенько, узнать слабые стороны его характера, а уж затем приняться за него как следует и заставить переменить ту праздную и бесцельную жизнь, которую он вел до сих пор у себя на асиенде. Следуя этой тактике, капитан прогуливался с ним, ездил на охоту и вообще принимал участие во всех развлечениях, не одним словом не заикаясь о цели своего пребывания на асиенде. Все, что он позволял себе — это осторожно намекать на прелести столичной жизни, на то, как легко там сделать блестящую карьеру такому молодцу, как дон Себастьян, стоит только поехать в Мехико. Но молодой человек пропускал эти намеки мимо ушей и как будто даже не понимал их.

— Терпение! — шептал капитан. — Я все-таки кончу тем, что найду слабое место в его доспехах, и если мне не удастся его убедить, значит я уже очень плохой дипломат.

И он снова принимался вести атаку, действуя все так же намеками и не обескураживаясь невозмутимым равнодушием молодого человека.

Дон Себастьян исполнял свои обязанности гостеприимного хозяина с чисто мексиканским радушием и не жалел ничего, чтобы только доставить

удовольствие гостю, старому другу его отца. Капитан с видимым удовольствием наслаждался развлечениями, которые устраивал для него молодой человек, и, с нескрываемым восторгом следя за той кипучей деятельностью, какую проявлял молодой Гверреро, все больше приходил к убеждению, что не ошибся. Если пробудить в сердце юноши честолюбие и жажду развлечений, тогда не трудно будет заставить его переменить это бесцельное существование селянина.

Во время охоты в прерии, в окрестностях асиенды, капитан не имел случай любоваться, как мастерски ездил молодой человек верхом и какого совершенства он достиг во всех упражнениях, требующих силы, гибкости и, в особенности, ловкости.

Один раз, когда охотники, сломя голову, летели вдогонку за великолепным семилетним оленем, которого только что согнали с места, они очутились лицом к лицу с кугуаром. Зверь вырос перед ними точно из-под земли и, видимо, не расположен был уступить дорогу.

Кугуар — это американский лев, у него нет гривы. Подобно всем остальным хищникам Нового Света, он редко нападает на человека, и только доведенный до последней крайности кидается на него, но тогда он нападает с такой яростью, что борьба с ним представляется очень опасной.

В тот раз кугуар, по-видимому, твердо решил сразиться со своими смертельными врагами. Капитан невольно ощутил ту внутреннюю нервную дрожь, которая пробирает самого храброго человека, когда он подвергается серьезной опасности. Однако он быстро оправился и, сжимая в руке ружье, хотел уже прицелиться в страшного зверя, который, присев на задние лапы и съжившись, устремил на него глаза, сверкавшие как раскаленные угольки.

— Не стреляйте, капитан, — сказал дон Себастьян совершенно спокойным голосом. — Вы ведь наверняка не привыкли к такой охоте и, сами не желая того, можете испортить шкуру, а это было бы очень жаль, потому что нам попался редкий экземпляр.

Затем дон Себастьян опустил свое ружье, достал из кобуры пистолет и, прищпорив своего коня и натянув узду, заставил его подняться на дыбы.

Лошадь поднялась почти перпендикулярно на задние ноги. Вдруг кугуар, испуская страшный рев, прыгнул вперед. Молодой человек сжал в шенкеля бока лошади, кинувшейся в сторону, и одновременно в упор выстрелил в зверя. Тот повалился на землю в предсмертных судорогах.

— *Cuerpo de Cristo!*<sup>69</sup> — вскричал капитан. — Ты убил его сразу. Но только знаешь, мучачо, ты играл в опасную игру!

— Ба-а! — отвечал дон Себастьян, соскакивая с лошади. — Это вовсе



не так трудно, как вы думаете. Нужна только привычка.

— Гм! И ловкость, чтобы убить налету такого зверя. Пуля попала ему прямо в глаз!

— Да. Охотники всегда стараются попасть в глаз, чтобы не портить шкуры.

— Я считаюсь хорошим стрелком, а между тем, я не стану держать пари, что обязательно проделаю эту штуку.

— Вы сами на себя клеветеете.

— Вряд ли.

— Мой тигреро, бедняга Пенэ, лишится обычной премии в десять пиастров<sup>70</sup>, ну что делать!.. Он сам виноват... Надо будет вернуться на асиенду и прислать кого-нибудь сюда забрать кугуара... Вы ничего не имеете против?

— Ровно ничего. Они вернулись назад.

— Гм! — бормотал про себя капитан, несясь галопом. — Сегодня же вечером я должен поговорить с ним начистоту.

## ГЛАВА VIII. Продолжение следует

Испано-американцы, обыкновенно, ничего не пьют ни во время обеда, ни за ужином, и только уже после того, как *dulces*, то есть пирожки и сласти, заменяющие десерт, убраны, хозяин и гости выпили по стакану воды, — на стол подают ликеры, и каталонское рефино<sup>71</sup> начинает ходить по рукам. Тогда закуриваются сигары и пахитоски, а разговор, всегда несколько натянутый во все продолжение обеда, становится интимнее и дружественнее.

Капитан предусмотрительно выбрал эту минуту для того, чтобы начать свою атаку. Он не предполагал, что молодого человека в конце обеда убедить легче, — трезвость южноамериканцев вошла в поговорку, — но на сытый желудок человек делается уступчивее и скорее поддается влиянию.

Капитан подлил себе рефино в большой стакан с водой, закурил сигару, положил локти на стол и, устремив вопросительный взор на молодого человека, сказал ему:

— Мучачо, неужели жизнь, которую ты ведешь в этой глухомани, тебе нравится?

Удивленный этим вопросом, которого он совсем не ожидал, дон Себастьян не ответил ни слова.

— Да, — продолжал капитан, опорожняя свой стакан, — тебе здесь очень весело? Отвечай мне откровенно.

— Как вам сказать, капитан, мне до сих пор не приходилось не только самому жить иначе, но даже видеть, как иначе живут другие, поэтому я не могу дать определенного ответа на ваш вопрос... Но по временам меня как будто тяготит моя довольно праздная жизнь.

Капитан прищелкнул языком с видимым удовольствием.

— А-а! — проговорил он. — Ты не согласишься, как я рад слышать это от тебя.

— Почему?

— Это подает мне надежду, что ты согласишься на предложение, которое я хочу тебе сделать.

— Говорите, — с беспечным видом отвечал молодой человек, — я вас слушаю.

Капитан бросил свою сигару, раза два крякнул и наконец сказал грубым тоном.

— Себастьян, как ты думаешь, что если бы твой храбрый отец мог

вернуться на этот свет и взглянуть на тебя?.. Что бы он сказал, видя, как ты безумно тратишь драгоценные годы своей юности?

— Я не совсем понимаю, чего вы от меня хотите, дорогой капитан.

— Очень возможно; я не оратор, но постараюсь изложить тебе все как можно яснее, и если ты меня не поймешь, сагау, значит, просто не хочешь понимать!

— Твой отец, мучачо, о жизни которого ты, вероятно, знаешь мало, был храбрым солдатом и хорошим офицером. Он был одним из первых борцов за нашу свободу, и имя его для всех мексиканцев является символом честности и преданности. В течение десяти лет твой отец сражался с врагами своей родины и терпел — богатый и знатный дворянин — самые тяжелые лишения, переносил голод, жажду, зной и холод весело и безропотно... А между тем он, если бы только пожелал, мог вести благодаря своему громадному состоянию самую беззаботную жизнь... Ведь ты любил своего отца?

— Увы, капитан, я до сих пор все еще оплакиваю потерю... Разве я могу забыть его?

— Забудешь. Ты скоро научишься как этому, так и многому другому. Бедный мальчик, на этом свете нет ничего вечного — ни радости, ни горя, ни удовольствия... Но вернемся к тому, о чем я тебе говорил. Если бы твоему отцу можно было покинуть жилище праведников, где, без сомнения, он почивает, он стал бы говорить с тобой так, как это делаю я в настоящую минуту. Он потребовал бы от тебя отчета в той бесполезной праздности, в которой ты проводишь свою молодость, не думая о своей стране, а ты можешь и должен ей служить. Неужели для того, чтобы создать тебе подобное существование, отец твой принес столько жертв?.. Ответь мне, пожалуйста, мучачо?

Достойный капитан, по всей вероятности, никогда в жизни еще не произносивший такой длинной речи, остановился, ожидая ответа, но ответа не последовало. Молодой человек, скрестив руки на груди, откинув назад голову и устремив неподвижный взор вперед, казался погруженным в глубокие думы.

Капитан после довольно продолжительного ожидания начал снова:

— Мы, — сказал он, — мы разрушали. Вам, молодым людям, нужно теперь созидать. Мы живем в такое время, когда никто не имеет права отказываться служить государству. Каждый обязан, из страха прослыть дурным гражданином, усиленно трудиться на пользу государства, а ты больше, чем всякий другой, мучачо, сагау! Ты сын одного из самых знаменитых героев войны за независимость. Родина призывает тебя, она

тебя требует, и ты не можешь, не смеешь оставаться дольше глухим к ее голосу! Что ты здесь делаешь, среди собак, лошадей, проявляя без всякой пользы для своей чести твою храбрость и бессмысленно растрачивая силы и энергию? *Suero de Cristo!* Я понимаю, когда человек много лет оплакивает своего отца. Это доказывает, что ты хороший сын, и, кроме того, твой отец заслуживает священную память, которую хранишь о нем. Но из этой скорби создавать себе повод потешать и удовлетворять свой эгоизм, — это хуже чем дурной поступок, это уже подлость!

При таких словах молния гнева блеснула в карих глазах молодого человека.

— Капитан! — крикнул он, стукнув кулаком по столу.

— *Rayo de Dios!* — тем же тоном продолжал старый солдат. — Слово сказано, и я не возьму его назад. Твой отец, если он меня слышит, наверное, одобряет меня. Теперь, мучачо, на сердце у меня легче, я поговорил с тобой откровенно и честно, как и должен был. Если тебе непонятно чувство, продиктовавшее мои грубые слова, — значит сердце твое умерло для всякого великодушного порыва. Как должен я любить тебя, чтобы иметь храбрость говорить с тобой таким образом! Теперь поступай по своему усмотрению, по крайней мере, мне нельзя будет упрекнуть себя в том, что я не заставил тебя хоть один раз выслушать правду. Теперь поздно, прощай, мучачо, я иду спать, потому что хочу уехать завтра рано утром. Подумай о том, что я тебе сказал; ночь самое лучшее время, если человек хочет чистосердечно слушать голоса, шепчущие ему на ухо в ночные часы.

И капитан встал, допив предварительно свой стакан. Дон Себастьян сделал то же самое, подошел к полковнику и, взял его за руку.

— Выслушайте же и меня, в свою очередь, — мрачно проговорил молодой человек. — Вы были жестоки ко мне, капитан... всю ту правду, которую вы считали себя обязанным бросить мне в лицо, надо было сказать не так грубо, приняв во внимание не только мои лета, но и те условия, в каких я жил и живу до сих пор... Но я не сержусь на вас за вашу грубую откровенность, напротив, я вам за это даже благодарен, потому что знаю, что вы меня любите и что только одно участие, которое вы ко мне питаете, заставило вас отнестись ко мне так строго. Вы хотите завтра уехать?

— Да.

— Куда вы намерены отправиться?

— В Мехико.

— Хорошо, капитан, вы поедете туда не один, я поеду вместе с вами.

Старый солдат с минуту растроганно смотрел на молодого человека, а потом энергично пожимая руку, сказал:

— Отлично, мучачо, отлично! Я не ошибся, у тебя храброе сердце, сагау! Я доволен тобой.

Затем хозяин и гость простились на ночь и разошлись по своим комнатам.

На следующий день, с восходом солнца, они вместе покинули Пальмар и весело направились по дороге в Мехико, куда и прибыли после десятидневного путешествия.

Но в течение этих десяти дней, проведенных с глазу на глаз с капитаном, мысли молодого человека совершенно изменились, и вместе с тем полная перемена произошла и в стремлениях дон Себастьяна.

Сын генерала Гверреро принадлежал, сам не подозревая, к многочисленной категории людей, которые совершенно не знают сами себя и лениво влачат свою жизнь до той минуты, пока им не напомнят, какие на них лежат обязанности. Тогда происходит реакция: воображение их воспламеняется, самолюбие просыпается, и они становятся такими же деятельными и честолюбивыми, как перед этим были беззаботны и равнодушны к своей будущности.

Капитан дон Исидро Варгас мог только радоваться, как быстро молодой человек, которого он называл своим воспитанником, усвоил себе уроки относительно роли, какую он должен играть в обществе.

Дон Себастьян, благодаря своему имени и репутации отца, без всякого затруднения получил чин лейтенанта в армии.

Этот чин для молодого человека был первой ступенью лестницы, по ней с этого момента он должен был быстро взбираться вверх.

В то время в Мексике умному человеку было удобно ловить рыбу в мутной воде, и несмотря на долгие годы, протекшие со времени провозглашения независимости, ничто еще не изменилось в несчастной стране, где анархия возведена в систему.

Если какая-нибудь страна и могла бы обойтись без армии, то это именно Мексика после признания ее независимости и полного изгнания испанцев, чему способствовало и ее положение среди других государств, и ее географическое положение, обеспечивавшее ей полную безопасность.

К несчастью, война за независимость продолжалась десять лет. За сей долгий промежуток времени мирное и тихое население этой страны, находившееся под гнетом притеснителей, преобразилось: воинственный пыл охватил все классы общества, и нечто вроде военной лихорадки загло во всех любовь к оружию.

Вот причина, почему армия, не видя перед собой врагов, с которыми она могла бы сражаться, повернула оружие против своих сограждан.

Правительство, вместо того, чтобы распустить эту буйную армию или, по крайней мере, сократить ее до минимальных размеров, сочло гораздо более выгодным для себя опереться на нее и организовать военную олигархию, легшую нестерпимым гнетом на страну.

Благодаря этому армия после войны и приобрела такое влияние. Оно увеличивалось по мере того, как люди, стоявшие во главе правления, все более и более сознавали, что только одна вооруженная сила в состоянии сохранить их власть или же свергнуть.

Итак, армия производила *пронунсиаментос* с целью доставить власть своим любимым полководцам, и все офицеры, начиная с последнего альфереса<sup>72</sup> и до дивизионного генерала, только и рассчитывали на беспорядки, чтобы получить повышение в чинах. Альферес — чин лейтенанта, полковник — сменить свой красный пояс и шарф на зеленые цвета бригадного генерала, а дивизионный генерал — чтобы его провозгласили президентом республики.

Вот причина, почему *пронунсиаментос* повторяются то и дело, вот почему всякий офицер, которого начинает тяготить его подчиненное положение, с помощью кучки таких же недовольных, как и он сам (в них никогда нет недостатка), устраивает заговор, отказываясь повиноваться правительству. И это тем легче, что, какая бы участь не постигла его затем, он сохраняет за собой самовластно присвоенный себе следующий высший чин.

Поэтому военная карьера носит в Мексике характер настоящей скачки с препятствиями.

Мы знаем одного мексиканского генерала, достигшего поста президента республики, прыжками от *пронунсиаментос* к *пронунсиаментос*, никогда не видавшего огня и даже не получившего не только военного, но и какого бы то ни было образования, что не удивительно в стране, где самый младший из европейских сержантов, обучающий рекрутов, мог бы легко достигнуть чина генерала.

Дон Себастьян оценил свое положение непогрешимым оком честолюбца и решил воспользоваться общей анархией, чтобы завоевать себе положение.

Он, так сказать, галопом пролетел первые чины и с головокружительной быстротой достиг звания полковника.

Добившись этого, он женился, чтобы закрепить свое положение и придать себе известную солидность, необходимую для игры, которую в воображении своем хотел закончить избранием в президенты.

Дон Себастьян и сам по себе был достаточно богат, а женитьба еще

округлила его состояние. Тем не менее, он старался его увеличить еще всеми доступными средствами.

По странной прихоти судьбы, все складывалось именно так, как хотелось этому человеку, и он во всем, что бы ни предпринимал, имел удачу. Его жена, доброе и прелестное создание, любви и преданности которой он никогда не умел ценить, умерла после непродолжительной болезни и оставила ему дочь, такую же добрую и прелестную — ту самую красавицу Анжелу, с которой мы уже много раз встречались на страницах этого рассказа.

Дон Себастьян, если бы захотел, мог бы жениться во второй раз, но так как первый брак дал ему уже все, что было нужно, он предпочел остаться свободным.

В то время, к которому относится наше повествование, дон Себастьян Гверреро достиг чина генерала и заставил назначить себя губернатором штата Соноры, — это была первая ступень, через нее ему необходимо было перешагнуть для исполнения честолюбивых замыслов.

Обладая колоссальным богатством, он так или иначе принимал участие во всех промышленных предприятиях и состоял акционером в большей части фирм, занимающихся разработкой рудников.

Чтобы наблюдать за всеми этими операциями, он и выпросил себе место губернатора Соноры. В новой, почти неизвестной стране ему будет легче ловить рыбу в мутной воде. Сонора слишком удалена от столицы, и можно совсем не бояться надзора со стороны правительства Мексики, где у него, впрочем, были могущественные покровители.

Словом, генерал Гверреро был одним из тех мрачных лиц, которые под самой располагающей наружностью, самыми ласковыми манерами и приветливыми улыбками скрывают грубые инстинкты, холодную и черствую душу.

А между тем в сердце это человека было чувство, которое искупало многие его недостатки.

Он любил свою дочь.

Он любил ее страстно. Но эта отеческая любовь несла в себе нечто хищное и ужасное, он любил свою дочь, как ягуар или пантера любит своих детенышей.

Донья Анжела, никогда не старавшаяся выведать, что таится на сердце у отца, с врожденным у молодых девушек инстинктом угадала ту бесконтрольную власть, которую она имела над этой надменной натурой, гнувшей все, но в ее присутствии становившейся слабой и почти робкой. Прелестный ребенок деспотически пользовался своей властью, но всегда с

целью сделать доброе дело: смягчить наказание осужденному, помочь несчастным, — словом сделать менее тяжелым железное иго, под которым генерал, при всех своих кошачьих манерах, держал своих подчиненных.

Вот почему те, кому приходилось иметь дело с Анжелой, настолько же любили и обожали ее, насколько боялись и ненавидели генерала. Люди говорили, что это Бог в своей неизреченной милости поместил ангела возле демона для того, чтобы первый излечивал раны, наносимые последним.



## ГЛАВА IX. На другой день

Утренний рассвет приближался, и, несмотря на то, что на небе там и здесь еще мерцали звезды, на восточной стороне горизонта облака уже начинали светлеть и принимали тот опаловый оттенок, который служит предвестником близкого утра. Было около трех с половиной часов пополуночи.

В месоне люди и животные еще спали тем спокойным сном, который наступает, обыкновенно, перед утром. Ни малейший шум, если не считать раздававшегося через известные интервалы лая собаки, не нарушал безмолвия, царившего в пуэбло Сан-Хосе.

Дверь кварто, где ночевали молочные братья, осторожно отворилась, и Валентин с графом вышли.

Дон Луи, собственно говоря, не имел никаких оснований покидать месон незамеченным, — ему не от кого и незачем было скрываться. Если же он принимал столько предосторожностей, то только из боязни нарушить покой остальных посетителей месона, у которых не было таких основательных причин вставать до рассвета, а следовательно их не стоило и будить.

Добравшись до патио, дон Луи с помощью Валентина вывел лошадь из корраля, вычистил ее, напоил и затем оседлал.

Валентин отворил ворота, мужчины пожали в последний раз друг другу руки, и дон Луи скрылся во мраке единственной в пуэбло улицы, где его встретил и проводил дружный лай бродячих собак.

Валентин с минуту постоял задумавшись и в то же время почти машинально прислушиваясь к затихающему стуку лошадиных подков по окаменелой земле.

— Хорошо ли я делаю, что толкаю его на этот опасный путь? — прошептал он. — Кто знает, что ждет его в будущем? — И тяжелый вздох вылетел из его груди. — Ба-а! — добавил он минуту спустя. — Что это мне пришло в голову горевать? Или я забыл, что все дороги ведут к одному — к смерти! Зачем же мучить себя заранее глупыми предчувствиями? Поживем — увидим!

И охотник, несколько утешенный такими философскими размышлениями, запер ворота и счел себя вправе отправиться снова в свой кварто поспать еще часа два, остающихся до наступления дня.

В то время, когда он, затворив ворота, собрался идти в свою комнату,

за его спиной раздался шум приближающихся шагов. Валентин обернулся и увидел дона Корнелио.

— А-а! Дорогой друг, — весело сказал француз, протягивая ему руку, — раненько же вы поднялись сегодня!

— Э! — смеясь ответил испанец. — Мне очень нравится слышать это именно от вас. Если я встал рано, то вы, по-видимому, и совсем не ложились спать.

Валентин в свою очередь весело расхохотался:

— Черт возьми! Вы совершенно правы... в пуэбло, должно быть, все спят, кроме вас и меня... ну, теперь ворота заперты и с вашего позволения я тоже пойду, займусь этим же самым...

— Неужели вы хотите опять лечь в постель?

— Да.

— Это зачем?

— Затем, чтобы заснуть.

— Виноват, я совсем не то хотел сказать! Я хотел поговорить с вами, то есть, собственно не с вами...

— А с кем же?

— С доном Луи.

— Гм! А вы не можете сказать все мне? — Даге!<sup>73</sup> И сам не знаю, хотя все-таки, мне кажется, было бы гораздо лучше поговорить с ним самим.

— Черт возьми!

Дон Корнелио сделал такое движение плечами, которое во всех странах света и на всех языках означает, что человек не виноват в сложившихся обстоятельствах.

— И вы, по всей вероятности, хотите сообщить дону Луи что-нибудь важное? — продолжал допрашивать Валентин.

— Очень.

— Это обидно, потому что с ним вам нельзя будет поговорить.

— Почему?

— Тут есть маленькая помеха.

— Для меня?

— Для вас и для всех.

— О-о! А какая же это помеха, дон Валентин, скажите, пожалуйста.

— Ах, Боже мой! Мне вовсе нет никакой надобности скрывать это от вас, мне и самому очень досадно, что все так случилось... Дело в том, что дон Луи уехал.

— Дон Луи уехал?! — вскричал испанец с нескрываемым

удивлением. — Почему же он уехал так неожиданно-негаданно, не сказав никому ни слова?

— Что он уехал, не сказав ни слова, я согласен. Но что он уехал неожиданно — это не совсем верно. Его заставили ускорить отъезд очень важные причины... Представьте себе, я запираю за ним ворота, когда вы появились... явись вы минутой раньше, и вы бы его еще застали.

— Какая незадача!

— Правда... Но поздно говорить об этом, и несчастье вовсе не так уж велико, как кажется... Через несколько дней мы его снова увидим.

— Вы в этом уверены?

— *Pardieu!* Конечно, раз мы с ним так условились... Как только мне удастся продать быков, мы сейчас же отправимся к нашему другу... Потерпите немного, дон Корнелио, разлука будет недолгой. А потому утешьтесь — и спокойной ночи.

Валентин повернулся и сделал несколько шагов. Испанец остановил его.

— Одно слово.

— Говорите, только скорей, мне смертельно хочется спать.

— Вы сейчас сказали нечто, что меня страшно поразило.

— А именно?

— Вы сказали, что дон Луи поручил вам продать быков?

— Да. Что же тут особенного?

— Ну так вот, я как раз об этом и хотел говорить с ним.

— Ба-а!

— Да, я нашел покупателя.

— Он хочет купить все стадо целиком?

— Да, все оптом.

— Ну и дела! — проговорил Валентин, устремляя на него пронзительный взор. — А знаете, это значительно упростило бы все дело.

— Вы думаете?

— *Pardieu!* Где же вы со вчерашнего вечера могли найти этого фантастического покупателя?

— Он вовсе не фантастический, уверяю вас, я нашел его здесь.

— Здесь? В этой гостинице?

— Да.

— А! — сказал Валентин. — Я слишком хорошо успел изучить ваш характер и не допускаю даже и мысли, что вы говорили это с целью посмеяться надо мной. Но все до такой степени необыкновенно и странно.

— Я и сам удивлен этим не меньше вашего.

— В самом деле?

— Тем более, что я даже и не подозревал, что дон Луи согласится продать здесь свое стадо.

— Это правда. Итак, вам предлагают...

— Сегодня же продать всех быков.

— Вот это странно... Расскажите-ка мне в чем тут дело, дорогой друг... как жаль, что дон Луи уехал!

— Позвольте... а не пойти ли нам лучше в ваш кварто, где будет гораздо удобнее толковать.

— Конечно, тем более, что в доме уже начинает просыпаться народ.

В самом деле, прислуга гостиницы и погонщики почти все поднялись и, проходя мимо испанца и француза, с любопытством приостанавливались около них.

Валентин и дон Корнелио покинули патио и направились в кварто, занимаемое охотником.

Теперь, — сказал француз, войдя в комнату, — я весь внимание. Говорите, мой милый, вы себе представить не можете, как мне хочется узнать все подробности.

Дон Корнелио знал, как дружен Валентин с доном Луи, и поэтому он, не задумываясь ни на минуту, рассказал охотнику до малейших подробностей все, что случилось с ним в эту ночь.

— Это все? — Валентин выслушал его с величайшим вниманием.

— Решительно все. Что вы об этом думаете?

— Да-а! — проговорил охотник задумчиво. — Вы хотите, чтобы я высказал вам откровенно свое мнение. Теперь это дело кажется мне еще туманнее, чем вначале. Так мне кажется, но это ничего не значит, и нам не следует упускать такой благоприятный случай выгодно продать наше стадо.

— Я и сам так думаю.

— Отлично. В таком случае ни слова не говорите им об отъезде дона Луи.

— Вы так хотите?

— Да. Это очень важно.

— Как вам угодно.

— Затем, когда вас позовут...

— Я пойду.

— Нет, мы пойдем вдвоем, это будет гораздо приличнее. Согласны?

— Согласен.

— В таком случае спокойной ночи, я хочу немного вздремнуть. Если случится что-нибудь новенькое, сообщите мне.

— Хорошо.

Дон Корнелио ушел.

Валентину совсем не хотелось спать, он просто хотел остаться один и хорошенько обдумать все. Он прекрасно понимал, что молодая девушка играла с испанцем, как кошка с мышкой, и хотя она уверяла, что интересуется только им одним, на самом деле даже и не думала о нем. Но какую цель она преследовала в этом случае? Может быть, она любила, дон Луи? Может быть, молодая девушка сохранила в своем сердце слишком живое воспоминание о приключении, случившемся в то время, когда она была еще ребенком? Может, чувство благодарности незаметно для нее самой перешло в любовь?

Вот что интересовало охотника и чего он не мог отгадать! Валентин никогда не был знатоком женского характера, их сердца были для него закрытой книгой.

Жизнь, которую француз вел в прерии в постоянной борьбе то с индейцами, то с хищными зверями, не могла, конечно, помочь в изучении женского сердца, а первая и единственная любовь, воспоминание о которой вечно жила в его сердце, не позволила даже думать о других женщинах, с которыми ему приходилось встречаться и которые для него всегда были существами слабыми и беззащитными, требовавшими помощи.

Вот почему охотник был в большом затруднении и не мог уяснить себе, чем вызван интерес молодой девушки. Он отлично понимал, что донья Анжела преследует какую-то тайную цель и что покупка *novillos* служит лишь предлогом увидеться с доном Луи. Но какая у нее цель? Зачем хотела она видеть его друга? Вот что он тщетно старался отгадать, над чем ломал себе голову.

«В конце концов, — подумал он, — кто знает? Может быть, еще лучше, что все случилось именно так и что она не видела Луи... Отец этой сеньориты — губернатор Соноры. Постараемся с ним не ссориться: кто знает, может быть, он еще и понадобится нам впоследствии. Странно, не знаю где, но я слышал имя этого человека... Гверреро, дон Себастьян Гверреро... Кто мне говорил о нем?»

В эту минуту дверь тихонько отворилась, и в комнату вошел человек.

Это был Курумилла.

Валентин обрадовался, увидев своего краснокожего друга.

— Милости просим, вождь, — приветствовал он индейца. Араукан пожал ему руку и молча сел.

— Ну, вождь, — продолжал Валентин через минуту, — вот и вы встали, наверное, уже прогулялись по пуэбло?

Индеец презрительно улыбнулся.

— Нет, — отвечал он.

У охотника внезапно блеснула мысль.

— Моему брату следовало бы пройти в патио, — сказал он, — потому что в гостинице есть, кажется, и другие путешественники, кроме нас, и он увидел бы их.

— Курумилла их видел.

— А!

— Он их знает.

— Вы знаете их? — спросил он удивленно.

— Только одного мужчину. Курумилла — вождь, у него хорошая память.

— А-а! — продолжал охотник. — Неужели я наконец-то узнаю, что меня так интересует и чего я никак не могу припомнить!

Индеец улыбнулся и опустил голову.

— Кто этот мужчина, вождь? Это друг?

— Нет. Это враг.

Враг? Боже праведный! Недаром, значит, мне казалось, что я уже раньше слышал его имя.

— Пусть мой брат слушает, — продолжал вождь. — Курумилла видел бледнолицего. Он убьет его.

— Не очень-то торопитесь, вождь. Сначала скажите мне, кто он такой, а уж потом мы решим, что делать. К несчастью, мы здесь не в прериях, смерть человека, кто бы он ни был, может нам дорого стоить!

— Бледнолицые — настоящие бабы! — с презрением возразил индеец.

— Может быть, вождь, но только не надо торопиться... завтра еще не пришло, как говорят индейцы, всему свое время, и надо уметь ждать... Не забывайте, что пока сила не на нашей стороне.

Курумилла пожал плечами, как бы говоря, что ему совсем не нравится эта излишняя осторожность и медлительность, но не возразил ни единым словом.

— Послушайте, вождь, скажите мне, кто этот человек и когда нам приходилось с ним ссориться?

Вождь подошел к Валентину.

— Разве мой брат не помнит?

— Нет.

— О-о-а!.. Пусть он вспомнит *пронунсиаменто* в Пасо-дель-Норте, где Курумилла убил Собачью Голову.

— А! — вскричал Валентин, хлопая себя полбу. — Теперь я вспомнил!

Этот человек — тот генерал, который командовал мексиканскими войсками и которому сдался дон Мигель Сарате?

— Да.

— Так ведь он хотя и грубый, но честный солдат. Он сдержал слово, данное нашему другу, я не могу сердиться на него за это.

— Это изменник!

— С вашей точки зрения, вождь, может быть, но только не с моей. Теперь я прекрасно вспоминаю генерала Гверреро, *pardieu!* Бедный генерал Ибаньес не раз говорил мне о нем; он тоже не любил его. Странное совпадение! Но не опасайтесь, вождь, я буду за ним следить... Друг он нам или враг, но меня он никогда не видел. Значит, я имею большое преимущество над ним, потому что я его знаю... Спасибо, вождь.

— Мой брат доволен?

— Вы оказали мне громадную услугу и поэтому можете судить сами, доволен я или нет.

Курумилла улыбнулся.

— О-о-а! — произнес он. — Тем лучше.

— Да, а теперь давайте завтракать... Мне страшно захотелось есть после того, как с вашей помощью я немного разобрался в этой кутерьме.

Курумилла и дон Корнелио приготовили в своем кварто обычный завтрак, состоящий из красных бобов с индейским перцем, нескольких ломтей вяленой говядины и маисовых лепешек, — все это они запили пультке из алоэ и несколькими глотками превосходного каталонского рефино.

Трое друзей поели с большим аппетитом и уже собирались закурить сигары, непременно заключавшие всякую американскую трапезу, когда услышали стук в дверь.

Появившийся на пороге слуга вежливо поклонившись присутствующим, доложил:

— Мой господин, его превосходительство генерал Себастьян Гверреро свидетельствует свое почтение *senores caballeros* и просит сеньора дона Корнелио и сеньора дона Луи, если только они свободны, пожаловать к нему для переговоров по очень важному делу.

— Скажите его превосходительству, — ответил Валентин, — что мы считаем для себя большой честью исполнить его желание.

Слуга поклонился и ушел.

— Но, сеньор Валентин, — заметил дон Корнелио, — ведь дон Луи здесь нет.

— Ну так и что?.. Я-то здесь.

— Правда, но...

— Это мое дело, — перебил его охотник, — я за все отвечаю.

— Тем лучше! Делайте как хотите.

— Положитесь на меня. Не все ли равно этому человеку, явится к нему сам дон Луи или кто-нибудь другой для переговоров? Ему ведь нужны не мы с вами, а *novillos*.

— Действительно, ему это должно быть, безразлично.

— *Pardieu!* Ну, пойдете, увидите, как быстро я покончу с этим делом.

И он вышел.

Дон Корнелио последовал за ним немного смущенный, потому что он далеко не был в этом уверен.



## ГЛАВА X. В которой говорится о продаже скота

Донья Анжела сказала правду своему собеседнику. Ее отец, генерал Гверреро, и в самом деле ожидал к себе в этот день утром своего мажордома, чтобы договориться с ним о новых улучшениях на одной из своих асиенд и кстати побеседовать о покупке скота: во время последних опустошительных набегов апачей и команчей почти весь скот был частью вырезан, а частью угнан краснокожими грабителями.

Но донья Анжела, как настоящая креолка, до сих пор никогда не вмешивалась в дела своего отца и время всецело посвящала туалетам и удовольствиям. Поэтому теперь она и сама хорошенько не знала, как приняться за дело, чтобы участие ее не слишком бросилось в глаза и не обратило на себя всеобщее внимание. Но недаром существует поговорка, что если женщина захочет, то всегда сумеет настоять на своем и добиться желаемой цели. После ухода испанца девушка сидела несколько минут задумавшись, потом вдруг улыбка мелькнула на ее розовых губках, она весело ударила в ладоши и, засыпая, тихо прошептала:

— Нашла!

Мексиканцы любят вставать рано, чтобы насладиться свежестью утра. Донья Анжела проснулась в половине восьмого, прочла обычные утренние молитвы, причем особенно усердно молилась Пресвятой Деве, и затем с помощью своей камеристки Виоланты принялась совершать сложный туалет молодой и красивой мексиканки.

Сон ее был тих и спокоен, как у птички, и она встала с постели свежая и прекрасная, как Божий день.

Когда Виоланта втыкала последнюю шпильку в великолепные, длинные, густые волосы своей госпожи, в дверь постучали.

Виоланта, заслышав стук, бросилась отворять двери.

Вошел генерал.

На доне Себастьяне в это утро был богатый костюм жителя Соноры, но мужественное и выразительное лицо, высокомерный взгляд, длинные усы и твердая, уверенная поступь с первого же взгляда обнаруживали в нем военного, несмотря на то что, по известным ему соображениям, он переоделся в костюм мирного гражданина.

Генерал уже несколько лет подряд имел обыкновение приходить

каждое утро здороваться со дочерью. Открытая и простодушная улыбка девушки проникала ему в сердце, как солнечный луч, и казалось, что это облегчит ему в течение всего дня исполнение скучных и тяжелых обязанностей видного общественного деятеля.

Донья Анжела, бросив украдкой взгляд на отца, была очень обрадована тем, что увидела. Лицо генерала было веселым и довольным, хотя он и старался придать своим чертам угрюмую суровость.

Дон Себастьян нежно поцеловал дочь и сел на бутак, поспешно пододвинутую Виолантой.

— Девочка моя, — сказал он, — какая ты сегодня свеженькая и веселая. Сразу видно, что превосходно провела ночь.

— Не по своей вине, отец, — отвечала девушка с лукавой усмешкой, — но боюсь, что не могла хорошо выспаться этой ночью, хотя вечером мне ужасно хотелось спать.

— Что ты хочешь сказать, дитя мое? Тебе не давали спать?

— Да, меня будили несколько раз.

— *Saramba!*<sup>74</sup> Не одной тебе пришлось так мучиться, дорогая малютка, мне тоже не давали всю ночь спать... не знаю, какому это дураку пришло в голову тренькать всю ночь на гитаре и распевать чувствительные романсы... Из-за его музыки, которая могла бы привести в бешенство даже кошек... Будь проклят и этот музыкант, и его дурацкий инструмент.

— Нет, отец, совсем не поэтому. Я даже не слышала музыки, о которой вы говорите.

— Что же в таком случае? Кто кроме него мог помешать тебе?

— Ах, Господи Боже мой! Я и сама не знаю, что это такое, и не могу поэтому объяснить вам... Но вот Виоланта тоже просыпалась несколько раз ночью.

— Правда, малютка? — спросил генерал, поворачиваясь к хорошенькой камеристке, которая вдруг особенно усердно принялась за уборку кварто и, казалось, ничего не видела и не слышала.

— О, сеньор генерал! — отвечала горничная, складывая руки. — Это был такой адский шум, что мог разбудить даже мертвых.

— Черт возьми, что же это было?

— Не знаю, — отвечала лукавая Виоланта, принимая самый невинный вид.

— И шум продолжался долго?

— Всю ночь, — отвечала служанка, еще более преувеличивая слова своей госпожи.

— Но, — обратился генерал к дочери — ты можешь мне объяснить,

что это за шум?

— Конечно, отец, но мне не приходит в голову, с чем его можно сравнить.

— А ты, шалунья, может быть, скажешь, что это было?

— Думаю, что могу, сеньор генерал.

— А! Прекрасно! Так говори же поскорее, не заставляй меня теряться попусту в догадках.

— Вот в чем дело, ваша милость. Утром, пока сеньорита еще спала, я тихонько прошла в патио, чтобы узнать причину шума, не дававшего нам спать всю ночь.

— И узнала?

— Да, мне кажется.

— Очень хорошо, продолжай свой рассказ.

— Мне сказали, что вчера из прерий прибыли охотники с огромным стадом *novillos* и *toros*<sup>75</sup>, которых они ведут, кажется, в Калифорнию. И вот это-то стадо и не давало нам спать с сеньоритой, тем более, что корраль, куда их загнали, приходится как раз рядом с нашим кварталом.

— А каким образом ты разузнала все это, плутовка?

— О! Очень просто, ваша милость... Я случайно встретила с одним из хозяев этого стада.

— Знаю я тебя, плутовка! Знаю и эти счастливые случаи... Виоланта покраснела, но генерал не заметил и продолжал:

— А ты уверена, что это не вакерос с какой-нибудь асиенды?

— О нет, ваша милость, это охотники.

— Отлично! И они хотят продать свой скот?

— Так, по крайней мере, говорил человек, с которым я вчера виделась.

— Наверное, он запросит очень высокую цену?

— Об этом я ничего не знаю.

— Верно. Ну, дитя мое, — прибавил генерал, вставая и обращаясь к дочери, — когда ты будешь готова, мы позавтракаем, и я тебя избавлю от адского шума.

Генерал поцеловал свою дочь и вышел.

Как только за ним захлопнулась дверь, девушки принялись хохотать, как сумасшедшие.

Справедливость требует заметить, что обе они мастерски сыграли свои роли — так правдоподобно, что заставили ничего не подозревавшего генерала сделать то, что им хотелось, причем он был убежден, что поступает так по своему желанию.

В утешение, впрочем, можно сказать, что с тех пор, как существует

наш мир, везде и во все времена самый сильный мужчина становится игрушкой в руках слабейшей из женщин, стоило ей пожелать этого.

Через несколько минут донья Анжела закончила свой туалет и явилась в кварто, отведенное под столовую.

Мажордом уже приехал, и генерал дожидался только дочери, чтобы сесть за стол.

Мажордомом у генерала был не кто иной, как дон Исидро Варгас, исполнявший эту работу, чтобы иметь пристанище под старость.

Мексиканские асиенды, в особенности в Соноре, занимают иногда пространство в восемь или десять квадратных миль. Для управления таким большим участком земли, где на свободе пасутся громадные стада диких лошадей и рогатого скота, нанимают обычно молодого человека, сильного и энергичного, который носит титул *hombre de a caballo*<sup>76</sup>. И служба мажордома очень тяжела: нужно скакать верхом и день и ночь, в холод и в жару, все делать самому и наблюдать за всем, заставляя работать пеонов, самых ленивых и самых вороватых работников.

У дона Исидро был один недостаток: он был далеко не молод. Ко времени нашего рассказа ему исполнилось семьдесят лет. Но этот длинный и худой человек с желтой и высохшей, как пергамент, кожей, как бы присохшей к костям, держался так прямо и отличался такой силой, как будто ему было только тридцать. Годы не оказали никакого влияния на его могучий организм, казалось, он состоит только из одних мускулов и нервов. Благодаря неусыпной бдительности, неутомимости и редкой энергии, он приводил в отчаяние несчастных пеонов, которых судьба-мачеха отдала под его начало. Они даже пресерьезно уверяли, что их мажордому помогает дьявол — так умел он уследить за ними и так хорошо знал их сокровенные делишки.

Мажордом носил сапоги-вакеры и громадные шпоры с такими же громадными колесиками, отчего принужден был ходить на кончиках пальцев. Свои сарапе и шляпу из вигони он небрежно бросил на бутак; на левом боку у него висел мачете без ножен, продетый в железное кольцо.

Увидев молодую девушку, он сделал несколько шагов ей навстречу, и, пожелав доброго утра, нежно поцеловал.

Донья Анжела детство провела на глазах у капитана, и он любил ее, как свою родную дочь. Она же, в свою очередь, питала искреннюю привязанность к старому солдату, с которым играла ребенком. Ей и теперь еще доставляло удовольствие дразнить его — что достойный мажордом переносил не только без гнева, но даже с видимым удовольствием.

Все трое сели за стол.

Слова «сели за стол», правда, совсем не следовало бы говорить при описании мексиканского завтрака.

Мы уже не раз замечали, что испано-американцы — самый умеренный народ на свете, они довольствуются очень малым. Поэтому завтрак состоял из маленькой чашечки, или *jicara*, превосходного шоколада, который умеют готовить только испанцы, нескольких маисовых лепешек и большого стакана воды.

И эти завтраки, если их можно так назвать, всегда одинаковы во всех слоях мексиканского общества.

Итак, все уселись за стол, донья Анжела прочла молитву, а затем подали шоколад.

За столом разговаривали почти исключительно генерал и капитан. Предметом беседы служили главным образом события, происшедшие на асиенде со времени посещения ее генералом. Затем незаметно собеседники коснулись вопроса о похищенном скоте.

— Кстати, — заметил дон Себастьян, — удалось вам разыскать хоть что-нибудь из похищенного этими дьяволами апачами?

— Ничего, генерал. *Valgame Dios!*<sup>77</sup> Скорее можно нагнать ветер или грозу, чем настигнуть краснокожих демонов.

— Итак, мы потеряли...

— Все, что только они могли захватить, то есть около двух тысяч пятисот голов.

— Досадно... А каким образом вы собираетесь пополнить убыль?

— Пока удалось найти только тысячу пятьсот голов, и если помните, вы сами назначили здесь свидание, чтобы обсудить этот вопрос.

— Я отлично помню и не вижу иного выхода, чем купить скот. Это и нужно сделать во что бы то ни стало.

— Похоже, это единственный способ, которым мы можем пополнить наши стада.

— А вы знаете, где можно его сейчас купить?

— Нет. Скот страшно поднялся в цене, открытие золотых россыпей в Калифорнии привлекло туда огромное количество авантюристов из всех стран. Вы ведь знаете этих гринго<sup>78</sup> — им непременно нужно мясо. Эти презренные еретики такие обжоры, что не могут обойтись без него и дня... они давным-давно съели всю живность в окрестностях, и теперь гонят стада за сто и даже двести миль. Вы понимаете, что такой сильный спрос не мог не повлиять на цены, в настоящее время за скот просят прямо-таки безумные деньги.

— Досадно.

— Но представьте себе, генерал, минуту назад, когда я ставил свою лошадь в корраль, мне бросилось в глаза великолепнейшее стадо *novillos*, — просто на удивление, хотя животные и выглядят страшно изнуренными, — должно быть, им пришлось пройти не меньше ста миль.

Донья Анжела украдкой взглянула на свою камеристку, скромно стоявшую позади ее кресла.

— Мне уже говорили о нем, — отозвался генерал. — Кажется, это стадо тоже гонят в Калифорнию.

— Ну, что я вам говорил? — вскричал капитан, ударяя кулаком по столу. — Сагау! Если и дальше дело будет идти так, то эти дьяволы гринго меньше чем за десять лет сожрут весь наш скот.

— А знаете что? Не купить ли нам это стадо?

— Что и говорить — было бы очень хорошо, если бы даже и пришлось дорого заплатить за него, но только владельцы стада едва ли согласятся продать его.

— Кто знает, может быть, они будут даже рады отделаться от него.

— *Rayo de Dios!* В таком случае надо покупать.

— Да, но по какой цене?

— Я уже вам говорил, скота становится все меньше и меньше. Дадим им здесь за каждую голову цену, какую им дали бы в Сан-Франциско.

— А какая сейчас там цена?

— Около восемнадцати пиастров.

— О-о! Значит, за шестьсот голов...

— Придется заплатить десять тысяч восемьсот пиастров. Ну, может быть, сторгуемся с ними за десять тысяч.

— Дорого!

— *Dame!* Что же поделаешь, раз нельзя достать дешевле... придется согласиться и на эту цену...

— Верно, но все-таки слишком дорого.

Генерал подумал с минуту, а затем обернулся к дочери.

— Анжела, — сказал он, — кто эти охотники, которым принадлежит стадо?

Молодая девушка вздрогнула.

— Отец! — отвечала она с притворным удивлением. — Я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете, и вообще не знаю, есть ли на этом постоялом дворе какое-нибудь стадо.

— Правда, — проговорил генерал, опомнившись. — Куда девалась моя голова? Помнится, твоя камеристка что-то говорила об одном этом.

— Да, отец.

— Прости меня. Ну, Виоланта, дитя мое, ты можешь сообщить нам имя этого человека?

Молодая девушка подошла с опущенными глазами и смущенно теребила пальцами концы своего батистового фартука. Плутовка разыгрывала из себя сконфуженную особу и тщетно старалась покраснеть.

Генерал некоторое время терпеливо ждал ее ответа. Наконец его терпение лопнуло.

— Ну что же ты, маленькая дурочка, — вскричал он, — будешь когда-нибудь говорить или нет? Я ведь, кажется, не спрашиваю у тебя ничего, на что молодая девушка не могла бы отвечать без запинки, глядя прямо в глаза.

— Я и не думаю этого, сеньор генерал, — отвечала камеристка нерешительно.

— Ну, так перестань же ломаться и скажи, как зовут хозяина этого стада?

— Их двое, сеньор генерал.

— В таком случае, как зовут их обоих?

— Один француз, другой испанец, ваша милость.

— Какое мне дело до того, французы они или испанцы, — мне нужно знать, как их зовут?

— Первого зовут дон Корнелио.

— А другого? — нетерпеливо спросил генерал.

— Дон Луи.

— Но у них, наверное, существуют также и фамилии?

— Больше я ничего не знаю, — отвечала лукавая камеристка.

— По-видимому, — заметил насмешливо генерал. — ты знаешь этих людей только по их крестным именам... это очень хорошо.

На этот раз молодая девушка покраснела на самом деле и отскочила на свое место в полном смущении.

Дон Себастьян сделал знак пеону, почтительно стоявшему в некотором отдалении от стола.

— Грегорио, — сказал он, — отправляйтесь к сеньорам дону Луи и дону Корнелио, кланяйтесь им от дона Себастьяна Гверреро и попросите оказать мне честь пожаловать сюда. Вы меня поняли?

Пеон молча поклонился и вышел.

— С этими господами необходимо соблюдать все правила этикета, — заметил генерал, — кто знает, с кем нам придется сейчас разговаривать. Золотая лихорадка привлекла в Калифорнию людей из всевозможных слоев

общества.

Ироническая улыбка, которой он сопровождал это замечание, вызвала шумное одобрение со стороны капитана.

Мы уже заметили мимоходом, что генерал Гверреро, как и большая часть его соотечественников, питал непримиримую ненависть к европейцам, ничем, впрочем, не оправданную, кроме того, что креолы должны были признать превосходство европейцев над собой и, так сказать, склонить перед ними головы.

Через несколько минут пеон вернулся с ответом.

— Ну! — спросил генерал.

— Ваша милость, — почтительным тоном доложил пеон, — эти кабаллерос сейчас будут иметь честь представиться вашему превосходительству. Они идут следом за мной.

— Прекрасно! Приготовьте бутылку каталонского рефино и стаканы. Я по опыту знаю, что этот народ не очень-то любит чистую воду.

После этой остроты генерал взял сигаретку, закурил ее и стал ждать.

Не прошло и пяти минут, как в коридоре послышались шаги. Дверь отворилась, и двое незнакомцев вошли в комнату.

— Это не он, — прошептала донья Анжела, глаза которой устремились на дверь, когда в столовую вошли Валентин и Дон Корнелио.



## ГЛАВА XI. Торговая сделка

Читатель уже знает, почему Валентин заменил дона Луи: ему хотелось узнать, зачем донья Анжела желала видеть Луи, хотя дон Корнелио и уверял, что молодая девушка заинтересовалась его особой и хотела во что бы то ни стало быть поближе к нему.

Кроме того, Валентин, которому Курумилла напомнил давно забытое событие, был совсем не прочь собственными глазами увидеть человека, с которым однажды ему уже пришлось иметь дело, хотя и через других лиц. Может быть, в недалеком будущем им придется вступить в более тесные отношения благодаря общественному положению генерала и целям, которые преследует дон Луи.

Оба незнакомца смело вошли в комнату. Они держали себя без всякого высокомерия, но не униженно, а как люди, много видавшие на своем веку и знающие себе цену.

Генерал ожидал встретиться с людьми самыми заурядными, может быть, даже вышедшими из низов общества, но увидев незнакомцев с мужественными и честными лицами, он встал, вежливо поклонился и попросил их сесть.

Донья Анжела не знала, что и подумать. Отсутствие дона Луи и появление неизвестным ей лица было для нее совершенно необъяснимым, и, не отдавая отчета в волновавших ее чувствах, она почти инстинктивно угадывала, что тут скрывается какая-то тайна, в которую она тщетно старалась проникнуть.

Виоланта тоже была смущена и удивлена не меньше своей госпожи.

Только капитан ничему не удивился и спокойно рассматривал вновь прибывших.

Старый солдат, пользуясь тем, что бутылка рефино стояла как раз перед ним, налил себе большой стакан вина и пил, терпеливо ожидая, когда генералу заблагорассудится начать разговор.

Ответив на приветствие, охотники заняли предназначенные для них места, и генерал сейчас же заговорил.

— Прежде всего, señores caballeros, я хочу извиниться, — сказал он, — что причинил вам беспокойство, попросив пожаловать сюда, тогда как сам должен был бы явиться в ваше кварто, потому что не я вам нужен, а вы нужны мне.

— Генерал, — отвечал Валентин, почтительно поклонившись, — мы с

моим другом были бы в отчаянии, если бы причинили вам хоть какую-нибудь неприятность. Поверьте, что мы сочтем за большую честь для себя оказать вам услугу.

После взаимного обмена любезностями собеседники снова поклонились.

Ни один народ в мире, кроме мексиканцев, не злоупотребляет в разговоре подобными ничего не значащими любезностями, которые скорее приторны, чем приятны.

— Кто из вас, господа, сеньор дон Корнелио, — продолжал все так же любезно генерал.

— Я, *senor caballero*, — отвечал, кланяясь, испанец.

— В таком случае, — сказал дон Себастьян, обращаясь с любезной улыбкой к охотнику, — этот кабаллеро — дон Луи.

— Извините, генерал, — отвечал француз, — мое имя Валентин.

Генерал выпрямился.

— Как? — проговорил он с удивлением. — А где же сеньор дон Луи?

— Он, к сожалению, не может исполнить вашей просьбы и явиться к вам, генерал.

— А почему?

— Да потому, — отвечал Валентин, бросив украдкой взгляд на молодую девушку, которая казалась всецело поглощенной болтовней с камеристкой, однако не пропускала ни одного слова из разговора, — что дон Луи, не зная, что сегодня утром его ожидала честь явиться к вашему превосходительству, с восходом солнца отправился верхом в Сан-Франциско.

Донья Анжела побледнела как смерть, и готова была упасть в обморок, услышав это, но, поборов свое волнение, осталась внешне совершенно спокойной: ей хотелось все знать.

От Валентина не ускользнуло смущение девушки, несмотря на то, что оно продолжалось всего мгновение. Генерал сидел боком к дочери и не мог заметить ее волнения.

— Досадно, — отвечал он. — Надеюсь, он скоро вернется.

— Нет. Он совсем не вернется. Ответ Валентина прозвучал сухо.

Донья Анжела была уже не в силах совладать с собой, и с ее губ сорвался стон.

— Что с тобой, нянька? — спросил отец, резко обернувшись. — Почему ты так вскрикнула?

— Я порезала палец, — отвечала она с простодушным видом.

— О-о! — воскликнул с беспокойством отец. — И серьезно?

— Нет, простая царапина. Извините меня, отец, я очень неловкая.

Генерал удовольствовался этим объяснением и продолжил свой разговор с французом.

— Мне крайне неприятно, что так вышло, — сказал он, — мне нужно было поговорить с вашим другом об очень серьезном деле.

— Но его отсутствие несколько не мешает этому! Мой друг, уезжая, предоставил мне полное право вести все его дела, поэтому вы можете переговорить со мной, генерал, если только считаете меня достойным вашего доверия.

— Подобное предположение было бы оскорбительно для меня, *senor caballero*.

Валентин поклонился.

— Видите ли, *senor caballero*, — продолжал генерал, — я хотел переговорить с вашим другом по очень важному делу, но если дон Луи поручил вам вести в его отсутствие и коммерческие дела, мне кажется, мы могли бы точно так же столкнуться и с вами.

— Можете говорить смело, генерал, я являюсь компаньоном дона Луи.

— Я вам объясню все в двух словах.

— Подождите, — вмешалась вдруг донья Анжела с решительным видом, обманувшим самого генерала. — Прежде, чем вы, отец, станете говорить с этим сеньором о коммерческих делах, я хотела бы задать ему несколько вопросов.

Генерал обернулся удивленно.

— Какие вопросы ты можешь задать этому кабаллеро? — заметил он ей.

— Сейчас узнаете, дорогой отец, — с легкой иронией в голосе ответила девушка, — если позволите мне задать этому кабаллеро несколько вопросов, на которые, я надеюсь, он сможет ответить.

— В таком случае говори, глупенькая девочка, — разрешил генерал, пожимая плечами, — говори, но только, пожалуйста, покороче.

— Благодарю вас, отец, и хотя вы не особенно охотно согласились исполнить мою просьбу, я не сержусь на вас.

— Спрашивайте, сеньорита, я весь к вашим услугам, если генерал не возражает.

— Прежде всего, сеньор, дайте мне честное слово.

— В чем, сеньорита?

— Дайте мне слово, что вы будете отвечать на мои вопросы откровенно.

— Что значат эти глупости, Анжела? — раздраженно спросил

генерал. — Здесь и не время и не место... Наконец, это даже неприлично...

— Отец, — перебила его дочь, — вы ведь позволили мне говорить.

— Согласен. Но не так, как ты начала.

— Потерпите немного, отец, вы все узнаете.

— Ба-а! — вмешался капитан. — Предоставьте ей говорить, как она хочет... Говорите, дитя мое, говорите.

— Я жду ответа этого сеньора, — сказала она.

— Даю вам слово исполнить ваше желание, сеньорита, — отвечал Валентин.

— Помните же ваше обещание, сеньор... Как зовут вашего друга?

— Какого, сеньорита?

— Того, которого вы теперь заменяете.

— Его зовут граф Луи-Эдуард-Максим де Пребуа-Крансе.

— Он француз?

— Он родился в Париже.

— Вы давно знаете его?

— Со дня его рождения, сеньорита, моя мать была его кормилицей.

— А! — проговорила она с удовольствием. — В таком случае вы действительно его друг.

— Я его молочный брат.

— Он, конечно, не имеет никаких тайн от вас, кабаллеро?

— Кажется, да.

— Хорошо.

— Но это становится просто невыносимым! — вскричал генерал. — Чего ради пришло тебе в голову устраивать подобный допрос этому кабаллеро, который так любезно исполняет твой каприз. Милостивый Боже! Нинья, я прошу за тебя прощенья у этого сеньора, ты ведешь себя непозволительно.

— Что же вы находите тут непростительного, отец?.. Я Делаю это с благими намерениями и уверена, что и вы согласитесь со мною, когда узнаете, почему я обратилась к этому кабаллеро с вопросами, которые кажутся вам необыкновенными.

— Ну хорошо, посмотрим. Продолжай и скорее добивайся до сути.

— Дело в следующем: вы, конечно, помните, что три года тому назад, когда мы ехали из Гвадалахары в Тепик, на вас напали сальтеадоры в ущелье дель-Маль-Пасо?

— Совершенно верно, но какое это может иметь отношение к...

— Подождите, — весело перебила его девушка, — тогда к нам на помощь явились двое неизвестных всадников.

— Да, и мне несколько не стыдно признаться, что без помощи бандиты не только ограбили бы меня, но, наверное, и убили бы. К сожалению, они упрямо отказались назвать свои имена... Все мои поиски до сих пор не привели ни к чему, я не мог их найти и доказать свою признательность. Это, клянусь, сильно огорчает меня.

— Разумеется, отец! Я тоже могу подтвердить, что вы очень часто вспоминали и вспоминаете о них и очень жалеете, что никак не встретите того человека, которому обязаны жизнью, а я... Хотя в то время я была еще ребенком, я, может быть, обязана ему больше чем жизнью...

Последние слова прозвучали так трогательно, что произвели сильное впечатление на слушателей.

— К несчастью, — продолжал генерал после непродолжительного молчания, — с тех пор прошло уже целых три года... кто знает, что случилось с этим человеком?

— Я это знаю, отец!

— Ты, Анжела? — спросил генерал с удивлением. — Но это невозможно!

— Отец, я задаю кабаллеро вопросы, на которые он так любезно отвечает, только с одной целью — убедиться в совпадении его ответов с некоторыми сведениями, полученными мною из другого источника.

— Итак?

— Вам спас тогда жизнь граф Луи де Пребуа-Крансе, тот самый, который сегодня утром уехал в Калифорнию.

— О! — вырвалось невольное восклицание у генерала. — Этого не может быть, ты ошибаешься, дочь моя.

— Простите, генерал, но мой друг несколько раз с самыми мельчайшими подробностями рассказывал мне об этом случае, — заметил Валентин, — о том, что теперь вам известно.

— А чтобы окончательно рассеять все сомнения, если только вы еще сомневаетесь в чем-нибудь, отец, хотя я и не допускаю этого после того, как этот кабаллеро так откровенно и правдиво подтвердил мои слова... Взгляните на этого человека, — прибавила она, указывая на испанца, — не узнаете ли вы дона Корнелио, нашего бывшего спутника, который все время пел, аккомпанируя себе на харане, романсеро короля Родриго?

Генерал пристально всматривался в молодого человека.

— Правда, — проговорил он через минуту, — теперь я узнаю кабаллеро, которого по его просьбе оставил на руках моего великодушного освободителя.

— С которым я уже не расставался с тех пор, — подтвердил дон

Корнелио.

— А! — продолжал генерал. — Но почему же, скажите мне, дон Луи так упрямо не хотел назвать мне свое имя? Или, может быть, он боялся, что чувство благодарности ляжет слишком тяжелым гнетом на мою совесть?

— Не приписывайте моему другу подобных мыслей, сеньор генерал, — торопливо перебил его Валентин, — дон Луи считал тогда и считает до сих пор, что услуга, которую он оказал вам, слишком ничтожна, чтобы придавать ей какое-нибудь значение...

— Caspita! И это говорит человек, спасший мне жизнь! Но теперь я знаю, кто он, и он больше не ускользнет от меня. Я сумею рано или поздно найти его и доказать, что мы, мексиканцы, так же долго помним добро, как и зло. Я его должник и, клянусь Богом, непременно заплачу свой долг!

— Хорошо, отец! — воскликнула молодая девушка, бросаясь в объятия генерала и пылко целуя его несколько раз.

— Довольно, дурочка, довольно!.. Черт! Ты задушишь меня... Но послушай-ка, плутовка... Я подозреваю, что во всем этом деле ты немножко дурачила меня?

— О, отец, — прошептала она, краснея.

— Не можете ли вы, сеньорита, объяснить мне, каким образом добыли вы все эти сведения? Признаюсь, это сильно интересует меня, и мне очень бы хотелось узнать источник, откуда вы почерпнули их.

Донья Анжела сначала старалась смехом скрыть свое замешательство, но затем вдруг изменила это решение.

— Я расскажу вам все без утайки, если только вы дадите мне слово не очень бранить меня за это, — проговорила она.

— Говори, а там увидим.

— Я солгала вам сегодня утром, отец, — начала она, опуская глаза.

— Не верю. Но продолжай.

— Если вы будете так хмурить брови и смотреть так сердито, я больше не скажу ни слова, уверяю вас.

И вы будете совершенно правы, нянька, — поддержал ее капитан.

Генерал улыбнулся.

— Ну хорошо, — сказал он, — вы опять на ее стороне.

— Caspita! Иначе и быть не может.

— Ну, ну, успокойтесь, я не стану сердиться, тем более что в этом я подозреваю вон ту хорошенькую вертушку, которая стоит себе со скромным видом, а на самом деле тоже участвовала в заговоре, — проговорил он, смотря на Виоланту, не знавшую, куда деваться от смущения.

— Вы угадали, отец, я прекрасно спала сегодня ночью, и ничто не тревожило мой сон.

— А, маленькая притворщица!

— Но вчера вечером я услышала романсеро короля Родриго с аккомпанементом хараны и вспомнила про нашего бывшего спутника, который все время пел только одну эту песню. Сама не знаю почему, я была уверена, что это именно он поет в патио, и послала Виоланту пригласить его к себе. Тогда...

— Тогда он и рассказал вам все?

— Да, отец, и так как мне известно ваше страстное желание разыскать своего спасителя, я хотела сделать вам сюрприз — притом в то время, когда вы меньше всего ожидали этого, но, к несчастью, случай нарушил все мои планы.

— Наоборот, это очень хорошо, нинья, это только доказывает, что нельзя иметь секреты от отца. Но успокойся, дитя мое, мы непременно его отыщем, и тогда ему нельзя будет уклониться от нашей благодарности, которая с течением времени не только не уменьшится, но еще более окрепнет.

Молодая девушка, не говоря ни слова и задумчиво опустив голову, возвратилась на место. Генерал повернулся к Валентину.

— Теперь потолкуем о деле, кабаллеро, — сказал он. — Вы — хозяин рогатого скота, который стоит здесь, в коррале?

— Да, генерал, только я не один.

— Кто же ваши компаньоны?

— Дон Луи и вот этот кабаллеро.

— Прекрасно. Хотите вы выгодно продать свое стадо?

— Само собой разумеется, сеньор генерал.

— Сколько у вас голов?

— Семьсот семьдесят.

— А куда вы их гоните, простите за нескромный вопрос?

— В Сан-Франциско.

— Сагамба! Это ведь дело не легкое.

— Мы хотим нанять пеонов.

— Ну, а если бы вы продали его здесь?

— Это было бы великолепно.

— Ну так вот, мне нужен рогатый скот, потому что разбойники-апачи угнали большую часть моего стада. Если вы согласны продать его, мы сейчас же покончим с этим делом. Ваше стадо подходит мне. Мой мажордом видел его, и я покупаю все гуртом.

- Я не желаю ничего лучшего.
- Вы говорите, что у вас семьсот семьдесят голов, так ведь?
- Да, сеньор генерал.
- По двадцать пять пиастров за голову — это составит девятнадцать тысяч двести пятьдесят пиастров, если я не ошибаюсь. Согласны вы на эту цену?
- Нет, генерал, — уверенно отвечал Валентин. Дон Себастьян удивленно посмотрел на него.
- Почему же? — спросил он.
- Потому что это значило бы ограбить вас.
- Гм!.. Это уж мое дело.
- Согласен с вами, генерал, но и я имею право поступать по-своему.
- Что хотите вы сказать?
- А вот что!.. В Сан-Франциско каждый бычок стоит восемнадцать пиастров, и поэтому я не могу продать скот по двадцать пять.
- Ба-а! Мне кажется, что я знаю толк в скотине не хуже кого-нибудь другого, и если я предлагаю вам эту цену, то только потому, что стадо этого стоит.
- Нет, генерал, этих денег оно не стоит, и вы знаете это так же хорошо, как и я, — твердым голосом возразил охотник, — благодарю вас за ваше великодушие, но я не могу принять его: мой друг будет недоволен, если я поступлю так.
- Итак, вы отказываетесь?
- Отказываюсь.
- Странно! Никогда в жизни не слышал я еще, чтобы купец отказывался выгодно продать свой товар.
- Простите меня, генерал, я вовсе не отказываюсь честно заработать деньги, а только не хочу грабить вас, вот и все.
- Честное слово, от вас первого я слышу, что можно так смотреть на коммерческие сделки.
- Вы, генерал, по всей вероятности, никогда не имели дела с французами?
- Ну, хорошо, пусть будет по-вашему. Сколько же вы хотите за свой скот?
- Девятнадцать пиастров за голову, что даст мне очень большую прибыль, уверяю вас.
- Хорошо! Это составит...
- Четырнадцать тысяч шестьсот тридцать пиастров.
- Отлично! Если вы позволите, я дам вам вексель на эту сумму на



банкирский дом *Торрибио, Деланорги и К°* в Гуаймасе.

— Хорошо.

— Слышите, капитан, стадо наше!

— Великолепно! Я не замедлю перегнать его на асиенду. Вечером оно уже отправится туда.

— Когда вы рассчитываете уехать, *senores caballeros*? — спросил генерал охотников.

— Как только мы закончим здесь со своими делами, генерал, мы поспешим к нашему другу.

— Вексель будет готов через час. Валентин поклонился.

— Но, — продолжал генерал, — передайте дону Луи, что! я считаю себя его должником, и если ему когда-нибудь придется побывать в Соноре, я докажу ему это.

— Очень возможно, что он скоро будет там, — отвечал французский охотник, бросая искоса взгляд на покрасневшую донью Анжелу. I

— Мне это доставило бы очень большое удовольствие... Теперь, *senores caballeros*, прошу вас, располагайте мною. Если я могу быть вам чем-нибудь полезен, вспомните обо! мне, я весь к вашим услугам.

— Примите нашу искреннюю благодарность, генерал. Обменявшись еще несколькими незначительными словами, собеседники расстались.

Проходя мимо доньи Анжелы, Валентин почтительно поклонился.

— Дон Луи всегда носит на шее вашу ладанку, — прошептал он так тихо, что она скорее угадала, чем услышала эти слова.

— Благодарю, — прошептала она, — как вы добры! «Она любит Луи», — сказал себе Валентин, возвращаясь в кварто в сопровождении дона Корнелио.

— Этот человек просто сумасшедший!.. Отказаться от пяти тысяч пиастров!.. — вскричал генерал, оставшись с глазу на глаз с доном Исидро.

— Может быть, — отвечал тот задумчиво, — хотя мне кажется, что это скорее враг ваш.

Генерал с пренебрежением пожал плечами, не придав никакого значения этому намеку.

В тот же день вечером Валентин и его спутники покинули Сан-Хосе и направились по дороге в Гуаймас, не повидавшись еще раз с генералом и доньей Анжелой.

Охотник увозил с собой совершенно законный вексель на четырнадцать тысяч шестьсот тридцать пиастров.

## ГЛАВА XII. Беседа

Ни один народ в мире не может сравниться с американцами в искусстве строить города. На том месте, где рос девственный лес, таинственный и мрачный, они в несколько недель воздвигают город, прокладывают улицы, строят дома, тротуары, проводят газ и нередко посреди улицы или на площади подобных городов, созданных как бы по мановению волшебника, торчат не засохшие еще пни, и старые дубы, почему-то забытые дровосеками, печально раскидывают свои зеленеющие ветви.

Нужно заметить, что множество подобных городов, возведенных на скорую руку, часто так же быстро и пустеют, потому что североамериканцы по преимуществу народ кочевой. Ничто не привязывает их к земле, лишь только выгода может удержать их на одном месте. У них нет ни привязанности, ни воспоминаний детства или юности, ради которых другие народы терпят всевозможные лишения, но не покидают родные места и не переселяются в другие страны, где жизнь, может быть, и сложилась бы для них гораздо лучше во всех отношениях. Наконец, в заключение нужно еще сказать, что у американца нет домашнего очага, которым так дорожит каждый европеец. Американец чувствует себя хорошо только там, где он может наиболее легким способом набивать карманы долларами.

Город Сан-Франциско, который насчитывает в настоящее время более шестидесяти тысяч жителей и в котором царит самая утонченная роскошь, служит наглядным доказательством того, с какой замечательной легкостью возникают американские города. Не прошло еще и пятнадцати лет с тех пор, как в местах, где построены теперь великолепные здания, под сенью двухсот — или трехсотлетних дубов происходила меновая торговля с индейцами, а китолов одиноко ловил китов в бухте, самой прекрасной во всем мире, где в настоящее время с трудом помещаются бесчисленные суда, приходящие со всего света.

В ту эпоху, к которой относится наше повествование, Сан-Франциско не был еще городом в полном смысле этого слова. Он представлял собой группу беспорядочно разбросанных хижин, где находили приют авантюристы всех наций, заброшенные сюда золотой лихорадкой. Они поселялись только на то небольшое время, какое им требовалось для сборов перед отправлением на рудники или же для того, чтобы проиграть в игорных домах золотой песок, добытый тяжелыми трудами и лишениями.

Полиции не существовало почти никакой, царило право сильного; нож и револьвер считались *ultima ratio*<sup>79</sup> и творили суд и расправу среди этого разнообразного населения, состоящего из отбросов общества всех пяти частей света.

Свежие толпы пришельцев, постоянно сменявших одна другую, жили здесь, как в чаду. Даже самые твердые характеры нередко становились жертвами золотой лихорадки, увлекавшей всех без исключения.

Но это продолжалось недолго, и скоро первая горячка наплыва на золотые россыпи несколько поулеглась. Благодаря некоторым решительным людям, одаренным высоким умом и великодушным сердцем, начала понемногу организовываться нормальная жизнь. Бандиты уже не так смело разгуливали по городским улицам, честные люди могли наконец вздохнуть свободно и ходить с поднятой головой. Все обещало лучшие дни; приближалось время рассвета, порядка, мира и тишины.

Прошло два месяца после событий, описанных нами в предыдущей главе. Мы поведем теперь читателя в очаровательный домик, построенный несколько в стороне, как будто его обитатели желали держаться как можно дальше от вихря, в котором они были вынуждены жить, введем его в низкую залу, скромно меблированную несколькими обыкновенными стульями и столом, на котором разложена подробная карта Мексики, и будем присутствовать при разговоре двух лиц, склонившихся над картой.

Одно из этих лиц — уже знакомый нам граф Луи де Пребуа-Крансе. Его собеседник — человек средних лет с худощавым и умным лицом, с открытыми, смелыми глазами и изящными манерами, по-видимому, тоже был французом, так как без малейшего акцента объяснялся с графом на этом языке.

Оба собеседника были заняты тем, что булавками отмечали что-то на разложенной перед ними карте.

— Я совершенно согласен с вами, дорогой граф, — проговорил, выпрямляясь, незнакомец, — эта дорога самая прямая и в то же время самая безопасная.

— Не правда ли? — спросил Луи.

— Вне всякого сомнения. Но скажите, пожалуйста, вы твердо решили высадиться именно в Гуаймасе?

— Это самое подходящее место.

— Я спрашиваю вас об этом потому, что, сообразуясь с вашими планами, я уже написал об этом нашему представителю в Гуаймасе.

— И что же? — перебил его с живостью граф, с видимым нетерпением слушая это объяснение.

— Все идет отлично, по крайней мере, если судить по тому, что наш представитель пишет мне.

— Разве он уже ответил вам?

— Да, сразу же, со специальным курьером. Мексиканские власти встретят вас с распростертыми объятиями, для ваших людей будут приготовлены отдельные казармы, и им будут поручены важнейшие пункты в городе — одним словом, вас ждут с нетерпением.

— Тем лучше! Признаюсь, я очень боялся встретить с этой стороны вражду и неприязнь... у мексиканцев такой странный характер, что не знаешь, как нужно обращаться с ними.

— Все это, в общем довольно верно, друг мой, но вы забываете, что положение ваше исключительное и со всех точек зрения не может не устраивать городские власти... Вы ведь концессионер баснословно богатой золотой россыпи, находящейся в стране, где каждую минуту можно ожидать нападения индейцев. И вы желаете всего только проехать через Гуаймас.

— Совершенно верно. Клянусь вам, что я отправлюсь как можно скорее туда, где находятся золотоносные россыпи.

— Кроме того, я хотел вам сказать следующее. Многие из тех, в ком вы можете подозревать ненависть и зависть, состоят акционерами общества, представителем которого являетесь вы. Если они будут проявлять неприязнь или вздумают вредить вам, они поплатятся прежде всего сами и первые же понесут наказание.

— Это правда.

— Далее, вы не преследуете никакой политической цели, ваши намерения ясны и определены. Вы едете добывать золото — вот ваша цель.

— Да, и, кроме того, я хочу обеспечить спокойное и независимое существование отправляющимся со мной людям.

— Что может быть благороднее и выше этой задачи?

— Итак, вы довольны, милостивый государь?

— Как нельзя более, любезный граф. Все идет как по маслу, наше общество окончательно обосновалось в Мехико.

— Я и сам прекрасно знаю все это. Во время моего пребывания в этом городе я положил начало этому делу и все подготовил; наконец, я могу рассчитывать на своих тамошних друзей.

— Я совершенно согласен с вами. Президент республики также, по-видимому, одобряет ваши планы...

— О! Он относится к ним очень сочувственно.

— Превосходно! В настоящее время губернатор Соноры, с которым вам придется иметь дело, — один из наших самых крупных акционеров, поэтому и с этой стороны вам нечего бояться.

— Скажите, пожалуйста, вы знаете нашего представителя в Гуаймасе?

При этом вопросе какое-то облачко тенью скользнуло по лицу незнакомца.

— Только по слухам, — отвечал он после минутного молчания.

— Значит, вы ничего мне не можете сообщить о нем? Вы понимаете — для меня очень важно знать, что представляет собой человек, с которым мне, по всей вероятности, придется иметь дело и у которого в тяжелую минуту, а это очень легко может случиться, я, возможно, буду вынужден просить помощи.

— Совершенно верно, дорогой граф. Вы даже и представить себе не можете, что вас там ожидает, и поэтому я должен сообщить вам все, что знаю... Выслушайте меня.

— Я вас слушаю с величайшим вниманием.

— Гуаймас, как вам это уже известно, в торговом отношении занимает второстепенное место для нашей родины. В течение года туда заглядывает не больше десяти кораблей, на мачте которых развивается наш флаг. Поэтому французское правительство сочло излишним посылать в этот город специального французского агента и по примеру многих других держав выбрало одного из среды самых знатных негоциантов Гуаймаса и назначило его своим представителем.

— А-а! — проговорил задумчиво граф. — Значит, наш консул в этом городе не француз?

— Нет, он мексиканец. Это большое несчастье для вас — многие жаловались на то, что этот консул не оказывает той поддержки, которую он по своему положению должен был бы им оказывать... Как я слышал, он делец и очень любит забирать в свои руки все выгодные дела.

— Ну, в этом отношении я могу быть совершенно спокоен.

— А остальное уж и совсем не должно вас беспокоить. Мексиканцы в общем-то не злы — это взрослые дети. Мне кажется, вы без особого труда добьетесь всего, что вам будет нужно от этого человека, стоит только держать себя с ним немножко свысока и не упускать ничего из того, что вы считаете своим по праву.

— В этом отношении можете положиться на меня, я сумею держать себя с ним как следует.

— Это-то и нужно.

— Благодарю вас за драгоценные сведения, которыми, поверьте, я

сумею воспользоваться... Кстати, как зовут этого представителя Франции?

— Дон Антонио Мендес Паво. Перед вашим отъездом я дам вам к нему рекомендательное письмо. Я уверен, оно поможет вам избежать многих неприятных стычек с этим господином.

— Буду очень и очень признателен.

— Теперь поговорим о другом.

— Хорошо.

— Вы окончили вербовку людей?

— Почти полностью. Мне не хватает всего каких-нибудь десяти человек.

— Вы ведь снаряжаете свою экспедицию по-военному?

— Мне хотелось бы избежать этого, но, оказывается, — это невозможно потому, что нам придется проходить через территории индейцев, с которыми, конечно, будут стычки, и не раз.

— Вы даже можете быть уверены в этом.

— Как видите, я принимаю все необходимые меры предосторожности.

— И вы поступаете вполне благоразумно. Сколько же человек берете вы с собой?

— Всего будет человек двести пятьдесят — во всяком случае, не больше трехсот.

— Да, больше брать не следует, иначе это может не понравиться мексиканцам и, чего доброго, у них, пожалуй, появится подозрение, что вы преследуете совсем другие цели.

— Я хочу избежать этого во что бы то ни стало.

— Ваши люди французы?

— Все. Я хочу иметь при себе таких людей, на которых я мог бы вполне рассчитывать... я очень боюсь приглашать иностранцев и смешивать их с нашими молодцами, чтобы не ослабить узы, связывающие людей одной нации, это важно для успеха предпринимаемой мной экспедиции...

— Совершенно справедливо.

— Затем, — продолжал граф, — я набираю только опытных солдат или людей, привыкших к военной дисциплине и умеющих владеть огнестрельным оружием.

— Значит, вы закончили организацию экспедиции?

— Почти, как я уже говорил вам.

— Тем лучше. Несмотря на удовольствие, которое мне доставляет разговор с вами, я желал бы знать, когда вы уезжаете отсюда.

— Благодарю вас за внимание, я и сам спешу уехать отсюда как можно

скорее... Судно нанято, и если не случится ничего особенного, то я прощусь с вами не позже, чем через неделю. Я отлично понимаю, что в таком деле самое важное — быстрота исполнения.

— Кому вы это говорите!.. В таких делах успех зависит главным образом от быстроты и смелости.

— Ни в том, ни в другом у меня нет недостатка, будьте уверены.

— Не забудьте взять с собой человек двух или трех, вполне вам преданных и хорошо знающих страну, куда вы намерены отправиться.

— Я беру с собой двух лесных бродяг, для которых нет тайн в прериях.

— А вы уверены, что можете положиться на них?

— Как на самого себя.

— Bravo! Не знаю почему, но я предчувствую, что нас ждет успех.

— Дай-то Бог!.. Во всяком случае я, со своей стороны, сделаю все, что будет от меня зависеть.

Незнакомец взял шляпу.

— Однако я слишком засиделся здесь и совсем забыл, что меня, по всей вероятности, ждут дома... я должен покинуть вас, дорогой граф.

— Уже?

— Что делать, это необходимо, но я, конечно, увижу вас сегодня вечером?

— Не могу вам этого обещать... Вы знаете, как мало у меня свободного времени, особенно сейчас.

— Конечно. Но если только представится возможность, не забудьте заглянуть вечерком.

— Постараюсь.

— Итак, до свидания.

Собеседники пожали друг другу руки, и незнакомец вышел.

Оставшись один, граф снова склонился над картой и принялся внимательно изучать ее.

Он отошел от стола, когда на землю уже спустилась глубокая ночь.

— Почему Валентин до сих пор еще не приехал? — прошептал он задумчиво. — Ему уже давным-давно пора бы быть здесь.

В то время, когда он произносил последние слова, послышался стук в дверь.

## ГЛАВА XIII. Сборы

Время, к которому относится наш рассказ, было самым подходящим для отчаянных предприятий и разбойничьих походов. Политические катаклизмы, сотрясавшие Западную Европу некоторое время тому назад, выбросили на поверхность массу людей смелых и решительных, но без всяких правил, единственной целью которых было ловить рыбу в мутной воде революций — положение если не совсем почетное, зато, по крайней мере, очень выгодное. Анархия для таких субъектов является единственным якорем спасения.

Но когда первое волнение и вызванные им народные смуты начали мало-помалу затихать, как входит в берега внезапно разлившийся поток, общество, уставшее вести бесполезную борьбу без всяких основательных мотивов, только для удовлетворения гнусных желаний нескольких ничтожных людишек, осознано наконец, что скорейшее восстановление порядка только и может спасти страну от окончательной гибели. Все темные личности, игравшие во время Революции более или менее видные роли, вдруг очутились как бы выброшенными за борт. Благодаря своей беспечности эти люди, пользовавшиеся сыпавшимися на них милостями слепой фортуны, ничего не припасли на черный день: они были искренне убеждены, что созданное ими фальшивое положение будет продолжаться бесконечно.

Первые несколько месяцев они упрямо боролись с постигшим их несчастьем и старались всеми способами снова захватить добычу, так глупо выскользнувшую из их рук.

Но скоро им пришлось убедиться, что времена переменялись и настал конец их беспечному житью, — они чувствовали, что почва ускользает из-под ног и грозит совершенно поглотить их.

Положение было критическим. Зажить тихой и скромной жизнью, вернуться к прежнему ничтожному состоянию, откуда их извлек слепой случай, — подобные мысли даже не приходили им в голову.

Пожив в роскоши и почете, они не могли, не хотели работать. Гордость и лень властно запрещали это.

История знает только одного Цинцината, и поэтому память о нем так свято чтится до сих пор.

Людям, о которых мы говорим, было так же далеко до Цинцината, как небу до земли, хотя сами они, подобно римскому диктатору, считали себя



способными руководить судьбами народов.

К счастью, на помощь им явилось провидение, пути которого неисповедимы.

Первое известие об открытии богатых золотых россыпей в Калифорнии пришло в Европу в самый разгар революций и вскоре заняло все умы. В обществе ходили самые невероятные слухи о неисчерпаемых богатствах этого нового Эльдорадо. Пылкое воображение создавало целые легенды, и скоро все только и говорили, что об Америке. Хищники с радостью устремились в эту неизвестную землю, где рассчитывали через несколько дней испить полную чашу наслаждений и утолить ненасытную жажду.

К сожалению, в Калифорнии, как и повсюду, благосостояние приобреталось только путем долгого и неутомимого труда. Нетрудно себе представить разочарование авантюристов с первого же дня их вступления на американскую землю. Золотые россыпи существовали на самом деле, попадались среди них и очень богатые, но добыть золото можно было только тяжелым трудом, перенеся немало лишений, а чтобы серьезно поставить дело, требовалось затратить огромные суммы — чем не обладали вновь прибывшие искатели золота.

Многие из них погибли — частью от нищеты, частью ужасной смертью во время драк в питейных заведениях, частью от перемены климата, к которому они не могли никак привыкнуть. Уцелевшие, исхудалые и оборванные, с голодными глазами, таскались по притонам Сан-Франциско, готовые на все за самую незначительную плату, лишь бы утолить снедавший их волчий аппетит.

За первыми поселенцами следовали новые и новые. Немногие баловни фортуны, которым удалось вернуться в Европу, разбогатев за несколько месяцев, естественно, возбудили алчность в других, и Сан-Франциско, благословенная земля с превосходным климатом и плодородной почвой, могла превратиться в громадное кладбище.

Тогда некоторые предприимчивые люди, видя, что иллюзии их разбиты и золото от них постоянно ускользает, решили силой с помощью шпаги и револьвера завладеть богатствами, раз уж они не давались иначе. Одним словом, они стремились воскресить похождения флибустьеров шестнадцатого и семнадцатого веков.

Это был новый путь для выхода из ужасной нищеты, и авантюристы с яростью устремились туда.

Все вылазки флибустьеров выполнялись по строго обдуманному плану, как будто речь шла о каких-то коммерческих или финансовых операциях.

Граф Луи прибыл в самое подходящее время для исполнения своих замыслов.

Граф принадлежал к одной из самых знатных и старинных французских фамилий. В Калифорнии он пользовался вполне заслуженной безупречной репутацией, причем был очень строг в выборе людей, с которыми завязывал более или менее дружеские отношения. Главное же, что привлекало к нему авантюристов всех мастей, заключалось в том, что поставленная цель льстила в то же время их честолюбию, и это заставляло бродяг стремиться под его знамена.

Среди этих субъектов было много довольно порядочных людей, не заслуживших постигшей их участи. Увлеченные неизвестным, они поддались на заманчивые обещания вербовщиков, которые в сущности принудили их к эмиграции.

Они с горделивым достоинством несли нужду и с терпением мужественных людей ждали случая вновь занять то положение в обществе, которого они лишились под влиянием бездумного увлечения и наивной доверчивости.

Граф благодаря своему опыту мог оценить толпу, ежедневно осаждавшую его дом, как только разнесся слух об формируемой им экспедиции, и подобрал отряд из людей преданных, привыкших к лишениям, мужественных, видящих в предприятии графа единственный выход из своего ужасного положения и ухватившихся за него с твердым намерением добиться успеха во что бы то ни стало, даже с риском для жизни.

Можно с уверенностью сказать, что из всех экспедиций, формировавшихся в то время в Калифорнии, предприятие графа Луи де Пребуа-Крансе считалось не только самым почетным, но и имевшим самые большие шансы на успех.

Уже через несколько дней, когда еще продолжалась вербовка и экспедиционный отряд только начинал формироваться, дух единства охватил людей, смотревших на себя как на единую семью.

В отряде все обожали графа.

Закоренелые авантюристы, жестоко потрепанные судьбой, с безошибочной проницательностью угадывали доброту, безупречную честность и светлый ум в своем вожде, и они не ошибались: сколько заботы и сочувствия к ним скрывало грустное выражение его лица. Он внушал им не только уважение, но поклонение и преданность, доходящие до фанатизма.

Организовать такую экспедицию было не легко, особенно с теми

ресурсами, которыми он располагал. Он не получал ниоткуда помощи и, выслушивая только неопределенные обещания своих компаньонов, должен был лично заботиться обо всем.

Богатая россыпь, открытая Весельчаком и Орлиной Головой, эксплуатировалась еще во времена испанского владычества, но с объявлением независимости Мексики везде воцарились беспечность и беспорядочность. Индейцы вскоре прогнали золотоискателей, и золотоносная россыпь оставалась полностью заброшенной. Апачи и команчи, убедившись, что белые слабее их, становились все смелее; они снова двинулись вперед, захватили громадные пространства земли и утвердились там окончательно, вполне уверенные, что мексиканцы никогда не осмелятся изгнать их. По этой причине упоминавшаяся выше золотая россыпь, прежде находившаяся во владениях Новой Испании, оказалась среди индейских территорий, и, чтобы достигнуть ее, нужно было вести ожесточенную борьбу с двумя самыми ужасными племенами обитателей прерий — апачами и команчами, которые ни за что не уступят своих земель белым и шаг за шагом будут защищать свои территории.

Губернатор Мехико охотно дал графу разрешение основать общество золотоискателей, но при этом потребовал, чтобы экспедиционный отряд был организован по образцу воинского соединения и окончательно изгнал бы индейцев с территорий, захваченных ими после объявления независимости.

Граф взял на себя трудную, почти невыполнимую миссию. На его месте любой другой отказался бы принять подобные условия, предпочтя бросить все дело. Но граф Луи был одарен редкой энергией, которая только увеличивалась, сталкиваясь со встречающимися на пути препятствиями. В экспедиции он искал не богатства, а смерти, но позволить себе умереть мог только после выполнения обещаний, данных своим спутникам.

Условия губернатора он принял как великодушный человек, жертвующий собой ради идеи и общего блага. Прекрасно сознавая, как велики препятствия и затруднения, которые ему необходимо преодолеть, чтобы добиться успеха, он тем не менее надеялся победить их мужеством, настойчивостью и самоотверженностью.

Он сам не мог бы сказать, сколько потратил энергии, терпения и в особенности слов в течение двух месяцев, прошедших со времени разлуки с Валентином в Сан-Хосе.

В одной из статей договора, заключенного им с мелочным и подозрительным губернатором Мехико, указывалось, что он имел право взять с собой не больше трехсот человек.

Президент республики — в то время президентом был генерал Аристид — боялся, как бы французы не отняли у него всю Мексику.

Подобные придирки могут показаться невероятными, но, к сожалению, все это истина. Мы могли бы привести здесь слова, сказанные в сенате в Мехико, где выражалось опасение захвата французами республики.

Граф, желая рассеять существовавшие на этот счет подозрения и успокоить мнительность президента, решил взять с собой вместо трехсот только двести шестьдесят человек.

Но отряд этот должен был состоять из отборных людей, способных проходить через территории, занятые жестоким врагом, и, может быть, ежедневно вести сражения, полагаясь только на себя и не надеясь ни на чью помощь.

Именно об этом граф и заботился прежде всего.

Люди, никогда не носившие военной амуниции, не могут себе представить всех бесчисленных затруднений, встречающихся на каждом шагу при формировании отряда и препятствующих правильному исполнению службы.

Граф был вынужден импровизировать. Он никогда не находился на военной службе и даже и не подозревал, насколько это сложная задача. Но он был дворянин и француз — два условия, достаточные, чтобы изобрести то, чего не знаешь, когда дело идет о войне. Военный дух так укоренился во французской нации, что мы с гордостью можем сказать: «У нас все солдаты». Граф Луи доказал это самым блестящим образом.

Он должен был все предвидеть и бороться с каждой случайностью и действовал при этом настолько верно, что опытные старые служаки и знатоки своего дела были убеждены, что их вождь не новичок в военной науке и наверняка долго служил в полку. На самом же деле только изобретательность подсказывала графу как действовать там, где не было опыта.

Из своего отряда он сформировал настоящую маленькую армию — с пехотой, кавалерией и артиллерией. Пехота была разделена на отряды под командой испытанных офицеров, выбранных самим графом. Несколько моряков, умеющих обращаться с пушками, были назначены в артиллерию, состоявшую из маленькой горной гаубицы, которую граф брал с собой скорее для устрашения индейцев, нежели рассчитывая воспользоваться ею всерьез.

Сорок человек, по большей части африканские стрелки, составили кавалерию под командованием давно известных графу офицеров, в чьих

способностях он был вполне уверен и к которым он питал глубокое уважение.

Но что все это в сравнении с тем, что предстояло еще сделать: закупить оружие, провизию, инструменты для разработки россыпей, боевые припасы и, наконец, сформировать обоз!

Граф не отчаивался: произведя себя в генералы, он оказался интендантом и провиантмейстером, и в одиночку, только на свои скромные средства, отклонив предложения американских банкиров стать акционерами, сделал все и ожидал только приезда своего молочного брата, чтобы покончить со всеми счетами, посадить отряд на корабль и распустить паруса.

## ГЛАВА XIV. Возвращение Валентина

Услышав стук в дверь, граф с удивлением прошептал:

— Кто бы это мог быть?.. Уже слишком поздно, и я никого не жду. Затем он отворил дверь. В комнату вошли двое людей, закутанные до самых глаз в плащи. Полумрак, царивший в комнате, не позволял дону Луи рассмотреть их лица, полузакрытые надвинутыми на лоб шляпами.

— Добрый вечер, господа, — приветствовал их граф, — кто вы такие и что вам угодно?

— Ну! — отвечал один из вновь прибывших, смеясь. — Вот как нас здесь принимают!

Дон Луи вздрогнул при звуке знакомого голоса.

— Валентин! — воскликнул он, почти не веря себе.

— Клянусь честью! — проговорил весело последний, сбрасывая плащ. — Да ты, должно быть, уже похоронил меня, а?

— А меня вы не узнаете, дон Луи? — сказал второй незнакомец, освобождаясь, в свою очередь, от плаща.

— Дон Корнелио! Как я рад вас видеть, друг мой!

— Славу Богу! — проговорил Валентин. — Мы опять вместе. Послушай, ты, кажется, собирался куда-то уходить?..

— Да, но это можно и отложить.

— Может быть, я тебя задерживаю?

— Наоборот, располагайся поудобнее и поболтаем.

— Это как раз то, о чем я мечтал.

— Ты ужинал?

— Нет еще, а ты?

— А я и того меньше. Тем лучше, мы поужинаем здесь втроем и сможем поговорить, не стесняясь и не боясь чужих ушей, конечно, в том случае, если ты пожелаешь ужинать здесь, а не пойдешь в месон.

— Я? За каким чертом, позвольте вас спросить!.. Поужинаем здесь, дружище, нам здесь удобнее всего.

— Я тоже так думаю... Позвольте мне распорядиться насчет ужина, а затем я весь к вашим услугам.

Луи вышел.

— Уф-ф! — проговорил Валентин, потягиваясь в кресле. ~~ Я начинаю чувствовать усталость. А вы, дон Корнелио?

Я? — отвечал тот со вздохом. — Я не могу шевельнуть ни рукой, ни

ногой, я хожу, как во сне.

— Ну! Вы такой здоровый молодец!

— Здоровый-то здоровый, правда, но только вы, наверное, забываете, что мы целых семь ночей не ложились спать.

— В самом деле? — процедил сквозь зубы француз.

— *Sara de Dios!* И вы еще спрашиваете?! Я убежден в этом!.. Доказательством служит то, что за семь дней мы сделали триста миль и загнали десять лошадей.

— Кажется, правда.

— Ага! Вот видите!..

— Согласен с вами. Но к чему вы это говорите?

— *Dame!* Я хотел только сказать, что мы очень торопились.

— А наш друг, несмотря на то, что мы так спешили, считает, что мы ехали очень медленно.

— Ну, он неправ... Но скажите, пожалуйста, сколько вы намерены заставлять вождя дожидаться за дверью?

— В самом деле, я совсем позабыл о нем, — проговорил Валентин и направился к двери.

В то время, как француз вернулся в комнату вместе с Курумиллой, из противоположной двери в вошел дон Луи, сопровождаемый слугами.

— Куда это вы выходили? — спросил граф.

— За Курумиллой, я оставлял его смотреть за лошадьми.

— Не беспокойся о лошадях, я уже распорядился, чтобы за ними присмотрели.

— В таком случае сядем за стол, я умираю от голода, — мы ничего не ели за последние шестнадцать часов.

Четверо мужчин уселись за стол, уставленный всевозможными блюдами. Сидя за столом, собеседники довольно долго не обменивались ни одним словом, поскольку вновь прибывшие нуждались в восстановлении сил.

Наконец, когда первый приступ голода был утолен, Валентин налил вина и, обращаясь к своему молочному брату, сказал:

— Ну, Луи, по-видимому, ты пользуешься в этом дьявольском городе большой популярностью. Ты знаешь, как легко тебя отыскать здесь?

— Каким же образом? — улыбаясь спросил Луи.

— Честное слово! Кого ни спросишь, все знают, где ты живешь... Тебя здесь иначе и не называют, как «генерал». Мне не пришлось долго расспрашивать, чтобы найти дорогу; каждый с удовольствием предлагал проводить меня... Значит, дела идут хорошо, а?

Луи скромно улыбнулся и, прежде чем ответить, сделал знак слугам удалиться. Когда дверь за ними закрылась, граф сказал:

— Дела идут весьма успешно, но теперь пойдут еще лучше, ведь ты приехал.

— А-а! Ты думаешь... — процедил Валентин с видом знатока, смакуя налитое в стакан бордо.

Дон Луи придвинулся ближе.

— Правда, явился ты слишком поздно, — заметил он.

— Ты находишь?

— Если бы ты знал, с каким нетерпением я тебя ждал.

— Догадываюсь... Но, друг мой, когда я расскажу тебе, что я сделал за это время, ты удивишься, как скоро я успел все сделать.

— Не понимаю тебя, дружище.

— Терпение! Сначала расскажи, что ты успел сделать с тех пор, как мы расстались... Но прежде ответь еще на один вопрос: есть ли у тебя для нас постели?

— Да.

— Ну, ужин окончен!.. Сделай одолжение, из сострадания к дону Корнелио, который уснул в кресле, прикажи отвести его в комнату, где он мог бы спокойно отдохнуть. Он страшно утомлен.

— Дело в том, — пролепетал дон Корнелио, — что, несмотря на все усилия глаза мои закрываются сами собой.

Дон Луи встал. По его знаку появился один из слуг и, подхватив дону Корнелио под руку, повел его за собой. Курумилла набил трубку и молча закурил.

— Ну, теперь поговорим, — сказал Валентин.

— Может быть вождь тоже хочет отдохнуть? — спросил Луи.

— Не беспокойся о нем, он сделан из железа. Кроме того, если он захочет спать, он преспокойно ляжет прямо здесь на полу.

— Очень хорошо! В таком случае слушай.

— Я весь обратился в слух.

Луи, не заставляя просить себя вторично, сообщил другу о том, что он делал, возвратясь в Сан-Франциско.

Рассказ длился долго: графу было о чем рассказать. Валентин слушал с глубочайшим вниманием, не прерывая ни единым словом. Была уже глубокая ночь, когда Луи окончил свой рассказ.

Курумилла молча курил. Наступила тишина, которую первым прервал Валентин.



— Ты сотворил чудеса! — сказал он. — Ты сделал невозможное.

— Значит, ты доволен мной?

— Я восхищен! Ты проявил необыкновенную энергию... Ну, а теперь поговорим о финансах.

— Да, сейчас это очень важный вопрос. С этим, пожалуй, так быстро не закончить.

— Кто знает... Ты много должен?

— Громадную сумму.

— О-о!

— Даме! Ты понимаешь... мне нужно было так много купить.

— Верно, а сколько у тебя было денег?

— Ты же знаешь, что у меня ровно ничего нет.

— Ничего? Гм! Дело ясное. Значит, ты все покупал в долг?

— Почти.

— А счета у тебя порядке?

— Ну еще бы! Я только и ждал тебя, чтобы тронуться в путь.

— Посмотрим.

Луи открыл ящик, вынул оттуда целую пачку счетов, пестревших цифрами, и со вздохом разложил их на столе.

— О чем вздыхаешь? — спросил Валентин.

— Дело в том, что меня очень беспокоит одно обстоятельство.

— Что такое?

— Неужели ты не понимаешь?.. Ведь по счетам нужно платить.

Валентин улыбнулся.

— Ба-а! — проговорил он. — Сначала посмотрим, сколько всего!

Граф склонился над бумагами.

— Что ты делаешь? — спросил Валентин.

— Считаю.

— Зачем? Скажи мне лучше одни итоги, так будет гораздо короче.

— Это правда. Ну, слушай! Восемнадцать тысяч пятьсот тридцать три пиастра шесть реалов.

— Хорошо, — отозвался Валентин, на отдельном листке записывая эту сумму.

— Двадцать одна тысяча двести семь пиастров пять реалов.

— Прекрасно, дальше!

— Двенадцать тысяч восемьсот двадцать три пиастра.

— Без реалов? Дальше!

— Семь тысяч шестьсот пятнадцать пиастров шесть реалов.

— Шесть реалов, отлично. Дальше!

— Все.

— Неужели это все?

— А по-твоему, этого мало?

— Но, судя по тому, как ты вздыхал, я думал, что общий итог будет громадным.

— Так это что, небольшая сумма?

— Конечно, нет. Однако займемся сложением и узнаем, сколько мы должны.

— Это уж совсем нетрудно... Так! Общий итог — пятьдесят девять тысяч двести тридцать девять Пиастров семь реалов.

— Да, семь реалов... Итог совершенно верен. Но неужели ты сможешь ограничиться этой суммой и тебе не понадобятся еще деньги?

— Конечно, будут нужны... Во-первых, мне самому предстоят очень большие траты, и потом, — нельзя же мне уехать отсюда с пустыми руками, не имея при себе денег.

— Да, это было бы неблагоприятно... Словом, я не ошибусь, если скажу, что тебе нужно еще от восьмидесяти до ста тысяч пиастров, чтобы не чувствовать себя стесненным в средствах.

— Это было бы слишком много... На что мне такая уйма денег?

— Лишние деньги никогда не помешают; гораздо хуже, если в дороге окажется, что их мало.

— Совершенно верно! Но где же взять столько денег?

— Позволь мне сначала рассказать тебе одну историю.

— Ты шутишь, брат? — удивленно хмыкнул Луи.

— В серьезных делах я никогда не шучу... Выслушай, что я хочу тебе рассказать. Я уверен, что это тебя заинтересует.

Луи, не скрывая досады, прислонился к спинке кресла и скрестил на груди руки.

— Говори, — сказал он, — я тебя слушаю.

— Терпение, — отвечал Валентин, улыбаясь. Граф недовольно покачал головой.

— Я начинаю, — продолжил охотник. — Ты, конечно, помнишь, как мы с тобой расстались в Сан-Хосе?

— Отлично помню.

— На другой день я продал гуртом все стадо. Потом я тебе расскажу, как все это произошло, и даже попрошу объяснить мне кое-что по этому поводу, а пока тебе довольно знать, что я провернул великолепное дельце и продал стадо за четырнадцать тысяч шестьсот тридцать пиастров.

— Деньги хорошие, но, к сожалению, их все-таки еще слишком мало.

— Экий ты нетерпеливый! Значит, дело сделано удачно?

— Превосходно! Здесь я ни за что не выручил бы столько.

— Тем лучше. В Гуаймасае я взял вексель на банкирский дом Уилсон и Беккер. Ты его знаешь?

— Да. Деньги верные.

— Хорошо! Значит, завтра же отправимся за деньгами. Покончив с продажей скота, я уехал из Сан-Хосе вместе с нашими друзьями, откровенно говоря, не представляя, где достать обещанные тебе деньги.

— Я и теперь в них нуждаюсь, — заметил Луи.

— Согласен, — продолжал Валентин. — Проехав довольно большое расстояние, куда глаза глядят, я решил попросить совета у своих спутников. Дон Корнелио, конечно, не мог сказать мне ничего утешительного и ограничился тем, что стал еще усерднее тренькать на гитаре, — он в затруднительных случаях всегда прибегает к этому способу... Курумиллу же ты знаешь так же давно, как и я. Вождь открывает рот только в особо важных случаях, но зато когда заговорит, то слово его — золото. И на этот раз произошло то же самое.

Тут Валентин не мог не улыбнуться. Луи повернулся и протянул руку вождю. Тот пожал ее с выражением удовольствия на лице.

Охотник продолжал.

— По твоим рассказам я знал приблизительно, где находится золотая россыпь, владельцем которой тебе удалось стать. Курумилла предложил провести меня туда. И в самом деле, было бы удивительно, если бы мы с ним, так долго прожив в прериях, не сумели бы скрыться и пробраться на россыпь, а уж раз мы будем там, нам нетрудно будет добыть сколько угодно золота. Совет был хорош, и я решил ему последовать.

— Неужели? — вскричал граф, вскакивая с кресла. — И ты это сделал, брат?

— Ну да!

— Но ты рисковал жизнью на каждом шагу!

— Я это прекрасно понимал, но ведь тебе во что бы то ни стало нужно добыть денег — и много.

— О брат, брат! — вскричал растроганный Луи. — Какая жертва с твоей стороны, как раз в то время, когда я обвинял тебя!

— И ты был совершенно прав, ты же не знал, что я делал.

— Никогда я не прощу себе этого!

— Перестань! Или ты забыл, что мы поклялись жертвовать всем друг для друга?

— Да, это правда! И ты всегда и везде честно исполнял эту клятву,

брат.

— А ты? Разве ты поступал иначе? К тому же мысль не моя, и я только выполнил то, что мне посоветовал вождь.

— О, он такой же, как и ты, ему тоже ничего нельзя сказать, потому что он рассердится.

Курумилла оторвался на время от трубки, поднялся с места, подошел к графу, положил ему руку на плечо, и глядя в упор, поочередно коснулся другой рукой груди обоих французов и своей.

— Кутонепи, — проговорил он растроганным голосом, — Луи, Курумилла... Три брата — одно сердце.

И он снова сел на свое место.

Наступило продолжительное молчание. Оба белых против воли восхищались самоотречением и преданностью индейца, который жил только ими и для них.

— Одним словом, — прервал молчание Валентин, — мы сделали то, что хотели... Я не буду рассказывать подробно о путешествии, это отняло бы слишком много драгоценного времени, достаточно знать, что благодаря нашему знанию прерий в конце концов нам все-таки удалось целыми и невредимыми добраться до золотых россыпей... И вот что я тебе скажу, брат. Я не знаю, насколько богаты золотом остальные россыпи в Калифорнии, но мне кажется, что ни одна из них не может идти в сравнение с той, которой ты владеешь в настоящее время.

— Ах! — вскричал дон Луи. — Значит, правда, что она очень богата?

— Ее богатства неисчерпаемы, дружище, золото рассыпано там почти на поверхности. Ты знаешь, я равнодушно смотрю на золото, но тут даже я буквально был ослеплен... Несколько минут я стоял, как громом пораженный, не смея верить глазам... мне начинало казаться, что все это я вижу во сне...

Во время рассказа Валентина Луи ходил по комнате, вытирая платком выступивший на лбу пот.

— О! — воскликнул он, волнуясь. — Теперь успех обеспечен, что бы ни случилось потом!

— Не увлекайся, брат, — заметил грустным тоном Валентин.

— Ты, думаешь, что рассказ о таком громадном богатстве сводит меня с ума?.. Нет и нет! Я думаю не о себе, я думаю о тех несчастных, судьбу которых связал со своей, меня заботят те, кто доверился мне и кто только с моей помощью сделается счастливым! Нет, я не увлекаюсь... я благодарю Провидение!

Граф выпил залпом стакан воды и приложил руку к пылающему лбу.

— Теперь продолжай, я спокоен, — проговорил он.

— Мне остается прибавить очень немного. Я взял с собой трех запасных лошадей, навьючил их золотом, набил седельные сумки — свои, Курумиллы и дона Корнелио. Если бы ты мог видеть этого испанца! Он точно сошел с ума... Он прыгал и скакал, как дикий жеребенок, и с остервенением брэнчал на своей гитаре... он даже не хотел уезжать оттуда и объявил, что будет дожидаться там нашего возвращения, и я почти насильно увез его с собой... Вот до какой степени ослепил его вид золота... Ты просил, чтобы я достал тебе восемьдесят тысяч пиастров, что составляет довольно кругленькую сумму. Что ты теперь скажешь?

С этими словами француз достал из бокового кармана векселя и переводы и передал их своему молочному брату. Луи был так потрясен, что не находил слов.

— Ах да, я совсем забыл, — прибавил в заключение Валентин. — Мне казалось, что тебе, может быть, будет приятно иметь образчик золота с твоей россыпи, чтобы показать компаньонам, и я захватил с собой вот это.

Охотник подал графу самородок величиной с кулак. Луи машинально взял его и, положив на стол, с минуту пристально вглядывался в него. Слезы потекли по его бледным щекам, рыдание сдавило горло, и, схватив за руки Валентина и Курумиллу, он прижал их к своей груди и прошептал прерывающимся от волнения голосом:

— Братья! Братья! Благодарю вас не за себя одного, но за моих бедных соотечественников, которых ваш великий подвиг спасет от нищеты и, может быть, от преступления.

## ГЛАВА XV. Отъезд

Везде, не только в Америке, эмигранты-французы почти никогда не имели успеха. Отчего это происходит? Француз храбр до безрассудства, умен, трудолюбив, всегда весел, всегда смеется и поет, философски переносит самые жестокие удары судьбы и беззаботно глядит в глаза будущему. Все это совершенно верно. Но француз не колонист, то есть он всегда и везде, при любых обстоятельствах, остается французом и только им.

Француз, покидая свою родину, не только мечтает, но и твердо уверен в том, что непременно снова увидит ее. Он работает, как вол, затем только, чтобы добыть деньги, которые дали бы ему возможность вернуться в свой родной город или родную деревушку... Куда бы ни занесла его судьба, он всегда смотрит на себя как на путешественника, а не на оседлого жителя... Каково бы ни было его общественное положение, глаза его всегда обращены к Франции — единственной стране, где, по его мнению, можно жить и умереть счастливым.

Справедливо или нет, но французы до такой степени убеждены в превосходстве своей нации над остальными, что ни за что не согласятся поступиться какой-нибудь из своих привычек в пользу народов, среди которых им приходится жить, и смотрят на них, как на низших, не равных себе по уму и развитию. Француз, вращаясь среди людей других национальностей, относится к ним всегда несколько иронически — насмешливая улыбка не сходит с его губ.

Поэтому в большинстве случаев французов за границей не только не любят, несмотря на их добрый, услужливый, чистосердечный и открытый характер, но даже почти ненавидят.

Французская колония в Сан-Франциско, состоящая из случайно собранных в одном месте представителей различных слоев французского общества, которые сторонились друг друга, а иногда даже старались повредить своему же собрату, вместо того, чтобы помогать и поддерживать своих на чужой стороне, не пользовалась уважением со стороны американцев, которые считаются идеальными колонистами. И только отдельные личности своей энергией поддерживали уважение к имени француза.

Экспедиция, которую задумал граф де Пребуа-Крансе, являлась истинным благодеянием для наших несчастных соотечественников, она

дала им возможность выйти из страшной нужды, удерживающей их в железных тисках, и, наконец, подняла их в собственных глазах и в глазах остальных авантюристов, которых, по меткому выражению американцев, в эти страны привлекла желтая металлическая лихорадка, *yellowmineralfever*.

Целью предприятия графа было основать большую французскую колонию, которая послужила бы доказательством того, что французы достойны уважения. Американцы вначале относились с некоторым презрением к этой затее, затем стали смотреть на нее подозрительно, а втайне уже начинали завидовать.

Формирование французского отряда для разработки золотоносных россыпей на землях апачей было самой важной, животрепещущей новостью. В Сан-Франциско об этом только и говорили, особенно волновались искатели приключений, все до единого желавшие принять участие в экспедиции и любыми способами старавшиеся попасть в нее.

Но, как мы уже говорили, граф де Пребуа-Крансе заранее решил, каких именно людей он возьмет с собой, и никаким образом не соглашался изменить раз принятое решение.

Главную роль при отборе кандидатов играла пригодность лиц, желавших попасть в состав отряда, для достижения той цели, к которой стремился граф, нет ничего удивительного, что громадное большинство претендентов получило отказ. Какими же проклятиями осыпали эти неудачники графа! Но он, не обращая внимания на ругань и жалобы, неуклонно стремился к намеченной цели. Когда Валентин наконец прибыл в Сан-Франциско, вербовка была почти окончена, и в состав экспедиционного отряда попали лишь прошедшие жесткий отбор.

Охотник с большим удовольствием выслушал своего друга.

— Да ты, как видно, — заметил Валентин, — не терял времени даром?

— Не правда ли?

— Честное слово! Меньше чем за два месяца ты не только создал золотопромышленную кампанию, но и сформировал отряд. Что еще можно требовать?.. От души поздравляю!..

— Спасибо! Но только не забывай, Валентин, что без твоей помощи все мои труды пропали бы даром... Хотя акционерами в *Atrevida*, то есть *Отвага*, — как называется основанное мною общество — вошли самые крупные капиталисты и высокопоставленные люди Мексики, никто из них не дал мне до сих пор ни одного очаво. Все расходы легли на меня одного.

— Ловкий ход, брат!.. Тебе приходится иметь дело с хитрыми лисами, а не с акционерами.

— Тем лучше! Я докажу, как жестоко они ошиблись, не доверяя мне.

— Для них это будет выгодным, но тем не менее мне очень нравится твой способ мести. Но вот что я хотел тебе сказать...

— Что такое?

— В числе твоих акционеров есть влиятельные люди?

— Что ты имеешь в виду под словом «влиятельный»?

— Dame! Такого человека, который по своему общественному положению мог бы оказать известную помощь в борьбе с врагами — а враги у тебя не только будут, но уже наверняка есть и теперь; они всеми силами постараются вредить тебе и, если возможно, даже погубить твое дело...

— Я не боюсь никого.

— Тем лучше.

— Суди сам: в числе акционеров у меня посланник Франции в Мехико, французский консул, губернатор Соноры и много других важных лиц...

— Ты сейчас назвал губернатора Соноры?

— Да.

— А-а!

— Ну?

— Ничего, ничего.

— Ты что-то скрываешь от меня.

— В самом деле, зачем мне скрывать это? Ты знаешь губернатора Соноры?

— Нет. Я слышал, что он колоссально богат, что его зовут дон Себастьян Гверреро и что он генерал.

— И это все?

— Да.

— Так я могу прибавить, что ты его знаешь, хотя и уверен, будто не знаком с ним.

— Не может быть!

— А я говорю, знаком! И даже, судя по твоим словам, оказал ему большую услугу.

— Шутишь! Я никогда не видел его.

— Вот в том-то и заключается ошибка... Ты его не только видел, но даже помог ему отбиться от разбойников, как настоящий странствующий рыцарь, ты ведь очень смахиваешь на него.

— Ничего не понимаю!.. Расскажи все по порядку!

— Я и сам давно жду этого случая. Дело вот в чем: ты спас жизнь ему и его дочери.



— Я! Ты, брат, сошел с ума!

— Боже сохрани! И сам отец, и в особенности молодая девушка, правду сказать, очаровательная, до сих пор с благодарностью вспоминают о тебе.

— Какому дьяволу пришло в голову рассказать тебе такую чепуху?

— Черт возьми! Да мне говорил сам генерал.

— От него я этого никак не ожидал.

— Выслушай, что я тебе скажу, и вспомни хорошенько: три или четыре года назад, при выезде из Гвадалахары...

— Подожди, — перебил его граф. — Как странно! Неужели действительно это тот человек, которого я спас от смерти?

— Странно или нет, но это так.

— А знаешь, это ведь очень и очень может нам пригодиться.

— Да, черт возьми! У нас там влиятельный друг, который защитит от всех видимых и невидимых врагов. Нам покровительствует само небо.

— Я и не подозревал, что у мексиканцев такая хорошая память.

— Мне сдается, что хорошей памятью отличаются скорее мексиканки.

— Это совершенно ничего не значит. Во всяком случае, это очень хорошее предзнаменование.

— Надеюсь, ты воспользуешься этой протекцией?

— При первом же удобном случае.

— Bravo! Теперь почти со всеми делами покончено и можно уезжать. Когда ты рассчитываешь отправиться?

— Мне нужно отдать еще кое-какие распоряжения, так что раньше, чем через десять дней, я не могу покинуть Сан-Франциско.

— Я могу быть чем-нибудь полезен?

— Здесь абсолютно ничем, а там — очень многим.

— То есть...

— Ты очень устал?

— От чего?

— Dame! Ну, хотя бы от того, что не слезал с лошади несколько дней.

— Запомни раз и навсегда, что я никогда не устаю, и, пожалуйста, не говори со мной больше об этом.

— Хорошо! В таком случае ты можешь оказать мне услугу?

— Какую?

— Я не могу уехать отсюда раньше, чем через десять дней, повторяю тебе еще раз, но это вовсе не означает, что и тебе нужно сидеть здесь все время. Ты можешь сесть на лошадь завтра утром?

— Что за вопрос!

— Нужно отправиться сушей в Сонору и отвезти три письма, — одно дону Антонио Паво, консульскому агенту в Гуаймасе, другое губернатору Соноры, а третье — одному канадскому охотнику, которого ты, по всей вероятности, найдешь на асиенде дель-Милагро, в окрестностях Тепика.

— Хорошо, я найду его. Это все?

— Да. Надеюсь, ты понимаешь, почему я прошу об этом: я хочу подготовить почву, прежде чем явиться туда.

— Это ты хорошо придумал. Я еду!

— Завтра.

— То есть сегодня утром — сейчас уже два часа пополудни.

— Ах, черт возьми, совершенно верно. Как незаметно идет время.

— Где я тебя увижу?

— В Гуаймасе.

— Хорошо. Пиши письма, а я с Курумиллой отправляюсь седлать лошадей.

— Ты возьмешь с собой испанца?

— Да, он мне может быть там полезен.

— Как хочешь.

Валентин и Курумилла вышли из комнаты, а Луи принялся за письма.

Валентин, оседлав лошадей, отправился в ту комнату, где спал дон Корнелио. Надо заметить, что испанец оказал охотнику самое упорное сопротивление и только после долгих споров, чуть ли не силой последнему удалось заставить испанца покинуть удобную постель и подняться. Но Валентин не ограничился этим и с той же настойчивостью заставил испанца сесть на лошадь, а затем, оставив его на попечение индейца, отправился в комнату, где занимался корреспонденцией его молочный брат.

Письма были готовы.

Валентин взял их и протянул графу руку:

— До свиданья, брат, желаю успеха! Молочные братья крепко обнялись.

Луи слишком хорошо знал охотника и не стал даже просить его хоть немного отдохнуть. Граф проводил уезжавших до дверей, в последний раз они пожали ему руку, а затем по знаку Валентина пустили лошадей с места в карьер.

Скоро они скрылись во мраке, но стук лошадиных копыт по твердой земле слышался еще довольно долго.

Луи стоял у ворот, пока топот лошадиных копыт не затих совсем, а затем вернулся в свою комнату, говоря про себя:

— Надо быть проклятым Богом, чтобы не иметь успеха с такими

преданными друзьями.

Граф проработал всю ночь и, по-видимому, совсем забыл, что ему необходимо отдохнуть.

Солнце уже высоко стояло над горизонтом, а Луи все еще сидел, склонившись над столом, занятый какими-то вычислениями.

Дверь комнаты отворилась, и вошел человек, который уже раньше разговаривал с графом.

Луи повернулся. Довольная улыбка озарила его суровое лицо, когда он узнал вошедшего.

— Добро пожаловать, господин консул, — весело проговорил он, протягивая посетителю руку, которую тот крепко пожал. — Бели бы вы знали, как я рад вас видеть... Вы, наверное, зашли ко мне, чтобы напомнить, что пора завтракать?

— Конечно, дорогой граф, а потом мне нужно еще поговорить с вами.

— Тем лучше. Я подольше задержу вас у себя... садитесь, пожалуйста, и простите, что застали меня в таком виде, но я всю ночь приводил в порядок свои дела... Какой дурак выдумал буквы и цифры!

Консул, так как вновь прибывший был представителем Франции в Калифорнии, улыбаясь, опустился в кресло, и вслед за тем по приказанию графа слуги подали завтрак.

Хозяин и гость с аппетитом принялись уничтожать расставленные на столе кушанья.

— Ну! — сказал через минуту Луи. — Какие вы принесли новости?

— Дурные, — отвечал консул.

— А-а! Честный Джонатан<sup>80</sup> кричит, не правда ли?

— Сильнее, чем когда-либо.

— Вот как! А почему, скажите, пожалуйста?

— Вы можете догадаться и сами.

— Отчасти могу, но все-таки лучше расскажите.

— Вам, конечно, нечего говорить, что вы нажили себе здесь множество врагов.

— Что же с этим делать! Одно только радует, что это произошло не по моей вине.

— Да, это правда! Но враги ваши волнуются, кричат, шумят.

— По какому поводу?

— Pardieu! Они сами хорошенько не понимают, из-за чего... Вы знаете, для того чтобы начать кричать, всегда можно найти причину, и вот теперь все они вопят, что ваша экспедиция не состоится, что у вас нет средств и вы не знаете, как выйти из затруднительного положения, в

которое сами себя поставили.

— И это все?

— Нет. Они уверяют еще, что вы наделали массу долгов и вам никогда не удастся расплатиться с ними.

— Так, так.

— Вы понимаете, что подобная клевета производит весьма невыгодное впечатление.

— Pardieu! Конечно.

— Я пришел к вам по делу, дорогой граф. Я не богат, к сожалению, но в настоящую минуту я имею в своем распоряжении двадцать тысяч пиастров. Я тоже состою акционером общества и поэтому считаю себя обязанным помочь вашему делу. И вот я пришел сказать вам... возьмите эти деньги, они вам все-таки пригодятся на что-нибудь.

Граф протянул руку своему гостю.

— Большое вам спасибо! — сказал он с явным волнением, тронутый деликатностью этого благородного и великодушного предложения.

— Да, — продолжал консул, доставая из кармана пачку кредитных билетов. — Необходимо сейчас же заткнуть глотки этим мерзавцам. Вот деньги.

И он протянул деньги графу. Последний с улыбкой тихонько оттолкнул их.

— Вы не так поняли мои слова, господин консул, — возразил он, — я благодарю вас не потому, что принимаю ваше великодушное предложение, но за участие, которое вы принимаете во мне.

— Но... — настаивал консул.

— Большое вам спасибо, повторяю вам еще раз. Все мои долги будут уплачены меньше, чем через час. В настоящую минуту у меня на руках около двухсот тысяч пиастров.

Консул изумленно посмотрел на графа.

— Но вчера?.. — заметил он.

— Да, — перебил его граф, — вчера у меня не было ничего, а сегодня я богат. Я вам сейчас в нескольких словах расскажу, как случилось это чудо.

Когда граф окончил свой рассказ, консул весело пожал ему руку.

— Милостивый Боже! — вскричал он. — Вы представить себе не можете, как вы меня обрадовали. У вас хорошие друзья.

— В числе которых я считаю и вас, господин консул.

— О! Что касается меня, — отвечал тот с тонким юмором, составлявшим отличительную черту его характера, — тут нет ничего

удивительного, ведь я состою акционером вашего общества.

После завтрака граф отправился удовлетворить своих кредиторов или, лучше сказать, своих компаньонов, чтобы прекратить дурные толки и заткнуть рты клеветникам.

Наконец-то граф получил возможность приобрести все необходимое, и, если станут нападать на него, он сумеет защитить себя.

Французская печать в Калифорнии проявила в этом случае прекрасный пример патриотизма и независимости — она поддерживала графа не только энергично, но и весьма остроумно.

Мимоходом следует упомянуть еще, что некоторые французские журналисты, которых привела в Сан-Франциско страсть к приключениям, сумели своим благородным и безупречным поведением с честью поддержать репутацию французов и заставить уважать себя. Но важнее всего то, что они геройски устояли против охватившего всех опьянения и всевозможных соблазнов.

Нам очень приятно воздать должную хвалу всем этим труженикам, скромным, честным и талантливым, из которых многие мужественно пали в неравной борьбе с нуждой и лишениями: труд честного журналиста плохо оплачивался в то время.

Граф, не теряя ни минуты, занялся окончательным устройством своих дел и спешил скорее завербовать нескольких недостающих человек.

Прощаясь ночью с Валентином, он сказал, что почти все сборы окончены, через несколько дней он посадит весь отряд на корабль и отправится в путь.

День отплытия французского отряда в Сонору был великим днем для Сан-Франциско.

Североамериканец под своей холодной и сдержанной внешностью скрывает сердце горячее и способное к энтузиазму.

Когда французы сели в шлюпки, которые должны были отвезти их на корабль, отправлявшийся в Гуаймас, все враждебные чувства смолкли как бы по волшебству, и возбужденная толпа, стоя на молу, махала в воздухе шляпами и платками и провожала отъезжающих громкими криками «ура!» и пожеланиями удачи.

Граф, как и подобает, сел в шлюпку последним. Многие из его друзей, в том числе и консул, приехали проводить Луи.

Перед тем как прыгнуть в шлюпку, граф обернулся к ним и, пожимая руку консулу, сказал:

— Прощайте! Или я буду победителем, или Сонора послужит мне могилой.

— До свиданья, друг мой, — отвечал консул, — до свиданья, а не прощайте! Вы победите, я убежден в этом!

— Дай-то Господи! — прошептал Луи, прыгая в шлюпку и задумчиво покачивая головой.

Громкое «ура!» раздалось в толпе. Граф с улыбкой поклонился, и шлюпка отчалила.

Через час белые паруса корабля, увозившего экспедиционный отряд, казались издали крыльями зимородка.

Консул, который до последней минуты оставался на берегу моря, покинул мол и медленными шагами направился домой, говоря про себя:

— Что бы с ним ни случилось, но человек этот никогда не делается жалким искателем приключений, — он герой! Он гениальнее Кортеса. Вопрос только в том, насколько будет он счастлив.

## ГЛАВА XVI. Два негодяя

Теперь мы попросим у читателя позволения перенести его в Гуаймас. Мы всего на несколько минут опередили французскую экспедицию, которая, как мы знаем, покинула Сан-Франциско под

— — *предводительством графа Луи де Пребуа-Крансе.*

Все главнейшие события нашего рассказа должны произойти в Гуаймасае, и поэтому мы считаем необходимым в нескольких словах описать этот город.

Мексика владеет несколькими открытыми рейдами на Тихом океане, но из них в сущности только две гавани заслуживают этого названия — Гуаймас и Акапулько.

Благодаря множеству островов, которые окружают залив со стороны океана, и высоким берегам его рейд в любое время года так же безопасен и спокоен, как поверхность озера.

Волны океана с тихим рокотом разбиваются о берега, покрытые густым лесом манговых деревьев, бледная зелень которых резко выделяется на красноватой почве побережья и придает заливу печальный и дикий вид, усиливающийся всегдашней пустынностью рейда, куда лишь изредка заходят корабли, останавливаясь под защитой острова дель-Венадо. Обычно же в заливе стоят одни каботажные суда<sup>81</sup> и грубые, выдолбленные из ствола дерева пироги индейцев яки.

Маленькие, низенькие домики и мазанки с плоскими крышами, вытянутые линией по берегу, образуют город, окруженный валом из красноватой земли, на котором стоят несколько заржавевших и непригодных ни к чему пушек.

Гуаймас, как и все городишки Мексики, грязен, с неправильными и немощенными улицами. В глаза бросаются неряшливость и нерадивость, составляющие отличительную черту мексиканцев.

На заднем плане города поднимаются высокие, изрытые оврагами обнаженные горы, защищающие его от холодных ветров с Кордильер.

Однако, несмотря на это, Гуаймас, основанный сравнительно недавно, с населением, не превышающим пяти или шести тысяч жителей, благодаря полной безопасности своей гавани и прекрасному положению в недалеком будущем должен приобрести значение важного коммерческого порта.

В день, когда мы продолжаем наш прерванный рассказ, через час после *oration*, то есть около семи часов вечера, какой-то человек, плотно

закутанный в плащ и с надвинутой на самые глаза шляпой, остановился у дверей довольно красивого дома и, бросив вокруг себя подозрительный взгляд, чтобы удостовериться, что за ним никто не следит, трижды с большими промежутками постучал в дверь.

Очевидно, это был условленный сигнал, человека ждали, потому что дверь отворилась как бы сама собой. Незнакомец поспешно проскользнул в дом, и дверь в ту же минуту бесшумно захлопнулась за ним.

Незнакомец очутился в одном из внутренних патио, обычных при всех домах в Гуаймасе. По всей вероятности, ему хорошо было известно расположение этого дома, потому что он, не задумываясь ни на секунду, повернул налево, взбежал на крыльцо и постучал во вторую дверь тем же способом, что и в первый раз.

— Войдите! — крикнул голос изнутри.

Незнакомец толкнул дверь и вошел в довольно большую комнату, которая для Мексики и в особенности для такой отдаленной провинции, как Сонора, могла считаться меблированной с претензиями на роскошь. Но роскошь эта была дурного тона и обнаруживала полную безвкусицу.

Мебель и картины, украшавшие комнату, были скорее всего куплены или выменены у капитанов судов, иногда заходивших в Гуаймас, и вообще вся обстановка была какая-то разнокалиберная.

Почти посреди комнаты на бутаче сидел человек и небрежно курил сигару.

Когда незнакомец вошел, хозяин дома приветствовал его кивком головы и, жестом указав на другое кресло, бросил:

— Заприте дверь и садитесь.

Незнакомец, сняв плащ и шляпу, швырнул их на ближайший стул и, заперевав дверь, со вздохом облегчения опустился в кресло.

В нескольких словах мы опишем наружность двух новых персонажей.

Первый, хозяин дома, был субъект невысокого роста, очень полный, с самыми обыкновенными чертами лица, красным носом и с маленькими серенькими глазками, точно просверленными буравчиком, которые придавали его слащавой физиономии выражение лукавства и низкой злобы.

Что касается его возраста, то он был еще не стар; ему было около пятидесяти лет, но на вид он казался гораздо моложе благодаря свежести своего апоплексического лица и длинным, лоснящимся черным волосам, ниспадавшим на багровые и мясистые уши.

Эта «достойная» личность была одета по-европейски, со множеством брелоков на часовой цепочке и громадным количеством колец на пальцах. Своим костюмом и простыми манерами он походил на разодетого мясника



или торговца скотом.

Его гость, с которым мы уже встречались раньше, был полной противоположностью ему.

Метис, рожденный от индейца и мексиканки, высокий, сухой и тонкий, как жердь. Его лицо, похожее на лезвие ножа, было украшено огромным крючковатым носом, повисшим над большим, растянутым до ушей ртом с белыми и широкими, как миндалины, зубами. Круглые глаза с красноватыми веками, которые постоянно конвульсивно подергивались, дополняли эту странную и в то же время зловещую физиономию. На тонких губах играла жесткая и насмешливая улыбка и усиливала впечатление беспокойства, исходившее от него.

Под плащом у этого человека был надет блестящий, расшитый золотом мундир полковника мексиканской армии. Звали его дон Франциско Флорес.

Мы, по всей вероятности, вскоре узнаем, какая низкая личность скрывалась под этим блестящим мундиром.

Полковник сел в кресло, достал табак, свернул сигаретку и принялся курить с самым беззаботным видом.

Гость и хозяин в течение нескольких минут сидели молча, исподтишка наблюдая друг за другом. Наконец последний, которому, по-видимому, начало надоедать это упорное изучение его особы, решил первым прервать молчание.

— Кабаллеро, — сказал он, — как видите, я в точности исполнил инструкции, изложенные в письме, которое я имел честь получить от вас.

Полковник сделал одобрительный жест рукой, выпустив предварительно громадный столб дыма. Хозяин дома продолжал.

— Но, несмотря на это, я позволю себе заметить, что совершенно не понял вашего странного письма и не понимаю также, зачем вы окружаете дело такой тайной.

— А! — проговорил полковник со свойственной ему визгливой усмешкой, напоминающей скрип ножа по тарелке.

— Да, — продолжал хозяин дома, видимо обиженный таким непочтительным отношением своего собеседника, — и я, признаюсь вам, буду очень рад, если вы потрудитесь объяснить все как следует.

При этих словах он гордо выпрямился на бутаке и пристально взглянул на своего гостя.

Последний, точно не слыша этого вопроса, вытянул ноги и, усевшись поудобнее в кресле, проговорил спокойным голосом:

— Дон Антонио, вы любите деньги?

— Гм! — буркнул тот вопросительно.

— Извините, — продолжал гость, — мне следовало бы сказать не деньги, а золото. Итак, я спрашиваю вас — любите ли вы золото, дон Антонио?

— Но, *senor caballero*...

— Отвечайте прямо, без уверток, как следует настоящему кабаллеро! Я, кажется, не сказал вам ничего мудреного и загадочного. Скажите мне всего одно слово: «да» или «нет».

— Но...

— *Sara de Dios!* Если вы будете продолжать тянуть таким образом, мы никогда не кончим, милейший мой... *Сагау!* Вы слишком хитрый человек, чтобы не узнать с первого взгляда, с кем вы имеете дело. Итак, отвечайте мне прямо и не виляйте из стороны в сторону!

— Ну, да, — отвечал дон Антонио, против воли подчиняясь повелительному тону своего гостя.

— Отлично. Вы его очень любите?

— Да так...

— Этого мало.

— В таком случае могу сказать, что очень люблю золото. Надеюсь, теперь вы довольны?

— Позвольте, мне это совершенно безразлично... Здесь речь идет не обо мне, я говорю только о вас.

— Хорошо, хорошо, я понимаю.

— Тем лучше... Но, признаться, не скоро же вы до этого додумались.

— Говорите, что за дело.

— А-а! Наконец-то вы догадались. Дон Антонио улыбнулся.

— Я только исполняю ваше желание.

— Верно, теперь у нас дело пойдет на лад.

— Хорошо, я вас слушаю.

— Вы получили мое письмо и, по вашим собственным словам, вы исполнили мои инструкции. А вы знаете, почему я вам назначил здесь свидание?

— Я жду, чтобы вы сказали мне это.

— Постараюсь немедленно исполнить ваше желание. Вы, конечно, знаете, что в Мехико создано общество под названием *Atrevida*.

— Я слышал об этом.

— Да, тем более, что вы состоите в числе акционеров.

— Может быть. Но мне кажется, это вовсе не относится к тому делу, о котором вы мне писали.

— Возможно. Итак, это общество, основанное при содействии

виднейших капиталистов Мехико и поддерживаемое губернатором, отправляет экспедиционный отряд на разработку богатых россыпей Планча-де-Плата, которые находятся в самом центре земель апачей.

— Знаю.

— Отлично. Вы увидите, как быстро мы с вами столкнемся.

— Сомневаюсь.

— А я уверен. Этот отряд составлен из одних французов, людей решительных, которые ни перед чем не останавливаются... Он организован наподобие военного и состоит под командой...

— Графа Луи де Пребуа-Крансе.

— Я его знаю. Пожалуйста, не вздумайте читать ему панегирик... Но этот отряд, заявляю я вам, несмотря на поддержку высокопоставленных лиц, не должен достигнуть золотоносных россыпей.

— А-а! Ну, а кто же может помешать ему в этом, хотел бы я знать?

— Во-первых — вы.

— Я? Не думаю.

— Ба-а! Вы увидите, дайте только мне закончить.

— Говорите.

— Как вы думаете, сколько может принести вам это дело?

— Право, не знаю, что и сказать.

— Как, даже приблизительно?

— Да ведь это очень трудно вычислить... россыпи богатейшие.

— Да, но, к сожалению, они находятся слишком далеко. Ну так скажите же, сколько, по-вашему?

— Нет, не могу.

— Ба-а! Даже и в том случае, если я стану помогать вам?

— А! Вы хотите помогать мне?

— Не правда ли, это странно?

— Но, — перебил его дон Антонио, — я никак не могу понять, почему вы заинтересованы в том, чтобы экспедиция не удалась?

— Я? Мне нет никакого дела, а вот вас это должно очень интересовать.

— Меня? — с удивлением спросил дон Антонио. — А скажите, пожалуйста, почему?

— Вы сейчас увидите.

— Я только этого и жду.

— Дело в том, что одновременно с обществом *Atrevida* было основано другое общество, под названием *Conciliadora*, или *Согласие*, преследующее ту же цель.

— Так-так, название выбрано очень удачно.

— Да, правда. Ведь вы знаете, что только конкуренция и способствует развитию торговли.

Дон Антонио утвердительно кивнул головой.

— Хотя общество *Conciliadora* и заручилось сильной поддержкой в Мехико, но ему нужен также деятельный, умный и пользующийся безупречной репутацией агент и в Соноре. Естественно, что общество обратило внимание на вас... Ну, а я думаю и уверен в том, что дон Антонио Мендес Паво, исполняющий в Гуаймаса обязанности французского консула, один только и в состоянии принести этому обществу действительную пользу. На этом основании на вашу долю назначено двести полностью оплаченных акций, в пятьсот пиастров каждая, которые мне поручено вручить вам. Если я не ошибаюсь, это составит довольно кругленькую сумму, которую я и имею честь преподнести вам.

И он полез в карман мундира, но дон Антонио остановил его.

— Вы ошиблись на мой счет, кабаллеро, — сказал он. — Когда такой человек, как я, имеет честь состоять представителем Франции, он не позволит себя скомпрометировать за такую ничтожную сумму.

— А, вот что! — сказал офицер, улыбаясь.

— Мой долг повелевает мне оказать помощь и покровительство французскому экспедиционному отряду, и, что бы ни случилось, я буду его защищать против всех.

— Сильно сказано.

— Ступайте, — продолжал дон Антонио, — к тому, кто вас послал ко мне, и скажите, что дон Антонио не тот человек, которого можно заставить забыть свой долг.

— Очаровательно! И как вы хорошо сказали это!

Дон Антонио встал и, величественным жестом указывая на дверь полковнику, проговорил холодно:

— Ступайте вон, *señor caballero*, или я не отвечаю за себя. Полковник не только не шевельнулся, но даже не изменил небрежной позы, которую он принял в начале разговора. И только когда дон Антонио умолк, он бросил почти выкуренную сигаретку и с непередаваемым выражением взглянул на своего собеседника.

— Вы закончили? — сказал он спокойно.

— Кабаллеро! — вскричал, величественно выпрямляясь, дон Антонио.

— Одну минуту, дон Антонио, я и сам не хочу оставаться здесь и заставлять вас попусту терять драгоценное время. Но, надеюсь, и вы согласитесь, что каждый человек, которому дано определенное поручение,

должен выполнить его до конца. Вы слишком умны и опытны в делах, чтобы не согласиться с этим.

— Я согласен с вами, милостивый государь, — отвечал дон Антонио, мгновенно успокоенный этими словами.

— Очень хорошо, в таком случае соблаговолите, пожалуйста, снова сесть и выслушать то, что я вам скажу. Это займет очень немного времени.

— Только, пожалуйста, покороче.

— Я прошу у вас всего-навсего пять минут.

— Хорошо, я согласен.

— Вы великодушны, и я вам очень благодарен за эту любезность. Итак, я продолжаю. На вашу долю назначено двести акций, которые стоят, если я не ошибаюсь, сто тысяч пиастров, а это, по моему мнению, представляет довольно-таки солидное вознаграждение.

— Милостивый государь, ни одного слова об этом.

— Я знаю, — продолжал невозмутимо полковник, — вы можете возразить мне: «*Mas vole rajaro en mano que buitre volando*»<sup>82</sup>.

Дон Антонио, пораженный тем, какой смысл был придан его словам, не отвечал.

Полковник между тем продолжал:

— Заправили нашего общества рассуждали точно так же, как и вы, милостивый государь. Они отлично понимали, что с таким человеком, во всех отношениях достойным их уважения, нужно действовать открыто и честно, и поэтому они поручили мне, кроме акций, передать вам...

— Милостивый государь, — пытался еще раз остановить его сеньор Паво.

— Пятьдесят тысяч пиастров, — проговорил отчетливо полковник.

— Что! — вскричал консул. — Что такое вы сказали, сеньор?

— Я сказал — пятьдесят тысяч пиастров.

— А-а!

— Чек на эту сумму, с уплатой по предъявлению.

— На какой банкирский дом?

— *Торрибио, Делапорт и К°*.

— Этот банкирский дом пользуется безупречной репутацией, милостивый государь.

— Не так ли?

— Конечно.

— Но, — продолжал, поднимаясь полковник, — вы отказываетесь, и теперь, когда мое поручение исполнено, мне остается только удалиться, испросив у вас предварительно прощения за то, что осмелился вас

побеспокоить. Ведь вы отказываетесь, не правда ли?

Дон Антонио позеленел, его маленькие серенькие глазки, блестящие, как раскаленные угли, не могли оторваться от бумаг, которые вертел перед ним полковник.

— Позвольте, — проговорил он, запинаясь.

— Гм! Значит я ошибся, *senor caballero*?

— Я... я... я думаю, да.

— В таком случае, вы понимаете, нам с вами нужно хорошенько все обсудить, чтобы потом не возникло никаких печальных недоразумений.

— Не беспокойтесь. Я думаю, что теперь у нас с вами все пойдет гладко. Вы сами знаете, что очень часто дело не сразу слаживается.

— Совершенно верно, но теперь, я надеюсь, вы ознакомились с ним как следует.

— В совершенстве.

— Тем лучше, в таком случае мы можем говорить откровенно.

— Да, — отвечал дон Антонио с насмешкой в голосе, — и для начала, сеньор Эль-Гарручоло, сбросьте с себя на время несвойственный вам вид. Мне гораздо приятнее вести дела с людьми, известными мне.

Эль-Гарручоло, а под именем полковника дона Франциско Флореса действительно скрывался прежний бандит, невольно вздрогнул, услышав свое имя. Он бросил злобный взгляд на человека, сорвавшего с него маску, и крепко схватил его за руку.

— Берегитесь, дон Антонио, есть тайны, которые приносят смерть тому, кто их узнает.

— Очень возможно, милейший, — отвечал дон Антонио, в душе наслаждаясь действием произнесенных им слов, — но если я не ошибаюсь, мы хотим сообща провести трудную во всех отношениях операцию, и я только хочу дать понять вам, что если вы знаете мою тайну, то и я знаю вашу, и поэтому в ваших интересах действовать со мной открыто.

— Люди, которым грозит постоянная опасность, живут долго, — заметил бандит, пожимая плечами.

— Я и не думаю угрожать вам, а только принимаю свои меры предосторожности, вот и все. А теперь потолкуем.

Собеседники придвинули кресла и стали говорить почти на ухо один другому — и так тихо, что никто не мог подслушать их разговор.

## ГЛАВА XVII. Гуаймас

В Гуаймаса с нетерпением ожидали прибытия французского экспедиционного отряда. В городе носились самые невероятные и разноречивые слухи об этом отряде и о его начальнике. Конечно, нечего и говорить, что все эти рассказы выслушивались со вниманием и, как ни странно, все верили тому, что рассказывалось.

Недоброжелатели французов начали действовать исподтишка еще задолго до прибытия отряда и старались враждебно настроить жителей Соноры против наших соотечественников.

Полковник Флорес сказал правду дону Антонио Паво. В то время, когда в Калифорнии основывалось общество *Atrevida*, два американских банкирских дома в Сан-Франциско, которым было отказано в приеме в число акционеров и которые, между тем, прекрасно понимали, какая блестящая будущность ждет новое начинание, основали другое общество, поставившее себе целью погубить во что бы то ни стало дело своего конкурента.

Ненависть не дремлет. Дело продвигалось быстро, даже слишком быстро, и второе общество было во всеоружии уже в то время, когда французский отряд не покинул еще Сан-Франциско.

Все это делалось так тонко и в такой тайне, что граф, несмотря на свои большие связи, даже не подозревал ничего и отправился в Сонору, полный самых радужных надежд.

Валентин с нетерпением ожидал прибытия своего друга. Охотник добросовестно исполнил все возложенные на него поручения. Для отряда было приготовлено прекрасное помещение. Французский агент встретил охотника очень любезно и сам предложил свои услуги уполномоченному графа де Пребуа-Крансе. Но Валентин, несмотря на внешнее дружелюбие агента, почти инстинктивно чувствовал, что под его личиной скрывается измена.

Генерал Гверреро, выражая свое удовольствие по поводу предстоящего прибытия французского отряда и предлагая свои услуги охотнику, тем не менее под разными благовидными предлогами оставался в Эрмосильо, хотя ему следовало бы встретить французский отряд в Гуаймаса, во-первых, в качестве губернатора провинции, а во-вторых, в качестве члена-пайщика общества, — причины вполне основательные для того, чтобы заставить его превосходительство побеспокоиться.

Валентина все это сильно тревожило, он чувствовал приближение бури, но, к сожалению, не мог угадать, с какой стороны надо ждать ее. Большую часть дня он проводил на берегу моря, устремив глаза вдаль и с тоской высматривая паруса на горизонте в надежде каждую секунду увидеть корабль своего друга. Охотнику казалось, что одного появления графа и его храбрых спутников будет совершенно достаточно, чтобы заткнуть рты тем, кто так старался повредить им, тем более что большинство жителей не только без враждебности относилось к экспедиции, но, напротив, очень сочувствовало ей.

Таково было положение, когда однажды утром в то время, когда Валентин, по обыкновению, собирался идти в свою «обсерваторию», дон Антонио Паво и полковник Флорес, запыхавшись, вбежали в квартиру, где он жил, жестикулируя и повторяя в один голос:

— Едут! Едут!

— Кто? — спросил Валентин, который не смел верить такой неожиданной приятной вести.

— El conde! El conde!<sup>83</sup>

— Они будут здесь меньше, чем через час, — объявил дон Антонио.

— Может быть, и раньше, — заметил полковник.

— Мы идем встречать его.

— И я с вами! — вскричал Валентин. Они вышли.

Новость распространилась с быстротой молнии.

Гуаймас ликовал.

В городе все дома без всякого принуждения со стороны властей украсились флагами; это было сделано очень быстро, поскольку через несколько дней наступал праздник тела Господня и все флаги для этого торжественного случая были уже давно приготовлены.

Горожане в праздничных национальных костюмах и индейцы яки, из которых очень многие нанимаются в услужение, толпой, с громкими, несмолкаемыми криками «ура!» и с веселыми песнями устремились к берегу.

Любопытное зрелище представляла эта шумная толпа, идущая встречать французов, в которых она с инстинктом, присущим массам, видела своих друзей.

Городские власти последовали примеру народа, но даже поверхностному наблюдателю нетрудно было заметить, что представители власти действовали так не по собственному побуждению, а скорее повинувшись общественному мнению, с которым они не могли не считаться в этой беспокойной стране.



Когда Валентин и два его спутника достигли берега, он весь уже был усеян городскими жителями.

В нескольких кабельтовых<sup>84</sup> от берега ясно виднелся корабль, на котором находился французский экспедиционный отряд. Подгоняемый попутным ветром, слегка накренившись на один борт, корабль величественно подвигался вперед. Благодаря поднятым брамселям и взятым на гитовы нижним парусам с берега виден был весь экипаж и все пассажиры судна, заполнившие палубу и шканцы.

Пройдя мимо острова дель-Венадо, обычной стоянки больших судов, корабль остановился под ветром и бросил якорь.

Валентин одним прыжком вскочил в пирогу, и, прежде чем дон Антонио и полковник успели опомниться и сообщить, зачем он это делает, француз уже оттолкнулся от берега.

Охотник, не обращая внимания на знаки, которые ему подавали с берега его спутники, быстро поплыл. Но в пироге он был не один — ему помогал грести человек, очутившийся в лодке еще раньше его. Это был Курумилла.

Через несколько минут они подплыли к кораблю.

Луи еще издали заметил пирогу, и, как только друзья достигли корабля, он первый встретил их и помог взобраться на палубу.

Очутившись на палубе, Валентин, прежде чем позвать Руку молочному брату, внимательно осмотрелся кругом, а затем бросил взгляд на берег.

— Отлично! — проговорил он. — Они еще не нашли лодку! Пойдем, брат, в твою каюту, мне нужно поговорить с тобой без свидетелей.

— Да дай же мне хоть поздороваться с тобой, — возразил, Улыбаясь, Луи.

— Идем! Нам нельзя терять ни минуты.

Граф взглянул на охотника. Лицо последнего было очень серьезно. Луи понял, что друг действительно хочет сообщить ему важные новости, и, наскоро отдав все необходимые распоряжения относительно высадки на берег, пошел вслед за молочным братом, который ждал у входа в каюту.

Луи ввел Валентина в скромную комнату, которую занимал во время переезда морем. Войдя в нее, граф хотел было запереть дверь.

— Нет, не надо, — остановил его Валентин, — оставь ее открытой, отсюда мы будем видеть всех, приближающихся к кораблю.

— Как хочешь. В таком случае говори, я тебя слушаю...

— Мне нужно сказать тебе всего два слова, но такие, из которых я советую тебе извлечь пользу.

— Будь спокоен.

— У тебя здесь есть сильные враги. Кто они — не знаю, но только против тебя ведется интрига.

— Неужели это правда?

— Говорю тебе то, в чем я уверен.

— Но, видишь ли, мой друг, кто бы ни были эти враги, мне нечего их бояться. Бумаги у меня в полном порядке. Все устроилось отлично. У меня не только есть разрешение на разработку россыпей, но меня поддерживает само правительство. Я действую на законном основании и никого и ничего не боюсь.

— Брат, — возразил Валентин, — не забывай, что, когда имеешь дело с мексиканцами, нужно всегда опасаться измены. Я давно знаком с ними и, к несчастью, слишком хорошо знаю, как нужно держать себя в этой стране.

— Ты пугаешь меня!

— Нет, я просто предупреждаю тебя, Луи, вот и все. Я говорю это, чтобы ты был осторожнее.

— Ты ведь знаешь, что я перед Богом отвечаю за этих мужественных людей, доверившихся мне.

— Вот потому-то я и советую тебе быть осторожным и никому не доверяться; в особенности же я советую тебе держать себя осторожнее с двумя личностями.

— Их имена?

— Дон Антонио Паво и полковник дон Франциско Флорес. Дон Луи с нескрываемым удивлением взглянул на своего друга.

— Но этого не может быть! — сказал он. — Ты ошибаешься.

— Почему?

— *Pardieu!* Да потому, что один из них — агент французского правительства, а другой делегирован сюда советом акционеров *Atrevida*. Оба они члены нашего общества, у меня даже есть к ним рекомендательные письма.

— Делай, как хочешь, но только я считал своей обязанностью предупредить тебя, что оба они тебе изменяют.

— У тебя есть какое-нибудь доказательство?

— Никакого.

— Почему же ты так уверенно говоришь об этом? Ты что-нибудь знаешь?

— Ровно ничего, но тем не менее я убежден в этом. Поверь мне, брат, ведь ты знаешь, что я редко ошибаюсь в таких случаях.

Луи печально покачал головой.

— Все это очень странно, — заметил он.

В эту минуту какой-то человек заглянул в каюту и произнес только одно слово:

— Шпионы!

Сказано это было очень тихо, но тем не менее это слово дошло до слуха графа и Валентина.

— Это Курумилла, он предупреждает нас, что к кораблю подъезжают те два человека. Пойдем на палубу. Они не должны знать, что мы подозреваем их. Смотри же, хорошенько наблюдай за этими людьми в то время, когда будешь разговаривать с ними. Я уверен, что скоро и ты согласишься со мной. Идем наверх.

Луи не отвечал ни слова.

Друзья поднялись на палубу, и Валентин сразу же покинул друга.

— Я уеду с корабля, — сказал он, — мы встретимся с тобой на берегу.

Охотник спрыгнул в пирогу, которую Курумилла, не желая быть замеченным, отвел к корме под гакаборт. Лодка направилась к берегу как раз в то время, когда полковник и Дон Антонио причаливали к борту и поднимались на палубу корабля.

Ни один народ в мире не отличается таким утонченно вежливым обращением и такой любезностью, как мексиканцы.

К несчастью, несмотря на все их усилия и лесть, которые они усердно расточали для того, чтобы убедить графа Луи в своей искренности и дружеском расположении, у дона Антонио и его друга была такая отталкивающая наружность, на их лицах были так сильно отражены самые низкие пороки, что любезность их казалась прямо-таки противной и вызывала еще большую антипатию.

Граф с самого начала, как его и предупредил Валентин, невольно почувствовал к ним сильное отвращение, и ему стоило больших усилий сдержаться и не дать заметить произведенное на него впечатление.

Граф решил сделать вид, будто поддается на обман, и, если они будут делать промахи, в уверенности, что их хитрость удалась, постараться получить сведения, которые могут впоследствии ему пригодиться.

Он с таким жаром и с такой хорошо разыгранной непринужденностью отвечал на все их любезности, что ему вполне удалось провести опытных негодяев, считавших его совершенно очарованным ими.

Так получилось, что графу с самой первой минуты в Соноре, раньше, чем он успел сойти на берег, пришлось пустить в ход все свои дипломатические способности и бороться с хитростью и подлостью людей, от которых он, казалось, должен был ожидать самого искреннего сочувствия и полнейшей готовности оказать ему помощь. Это была

слишком тяжелая задача для такого честного и в высшей степени благородного человека, каким был граф, но успех его экспедиции всецело зависел от того, с каким искусством он будет обходить засады и разрушать ловушки, расставляемые ему на каждом шагу. Луи прекрасно понимал это и, скрепя сердце, решил пустить в ход всю свою ловкость и знание людей.

Наговорившись вдоволь с посетителями и видя, что все уже давным-давно готово для высадки на берег, граф отдал распоряжение садиться в шлюпки.

Французы спустились в присланные за ними из форта шлюпки, багаж перевозился на особых барках, и по команде: «отчаливай!» маленькая флотилия отвалила от корабля и в стройном порядке под шумные крики народа, толпившегося на берегу, и веселый звон колоколов в честь радостного события, направилась к берегу.

## ГЛАВА XVIII. Первые дни

Нужно быть действительно отчаянным пессимистом или в совершенстве знать натуру мексиканцев, чтобы подозревать измену при таком сердечном приеме, какой был оказан жителями Гуаймаса французам.

Толпа буквально выходила из себя и бесновалась — одним словом, происходило нечто невероятное.

Леперос, ранчерос<sup>85</sup>, кампесинос<sup>86</sup>, вакерос, богатые аси-ендадос — все теснились к французам и желали выразить им свои симпатии.

Можно было подумать, что отряд французов, прибывших в Гуаймас, так сказать, проездом, принес с собой в Сонору мир, спокойствие, свободу — одним словом, все то, чего так недостает мексиканцам и о чем они тщетно вздыхают.

Со всех сторон неслись оглушительные крики: «Viva los Franceses! Viva el conde!»<sup>87</sup>

Высадившись на берег, французы сейчас же построились в ряды, и граф, сопровождаемый с правой стороны полковником Флоресом, а с левой — доном Антонио, гордо выступавшими рядом с ним и расточавшими приятные улыбки, повел свой отряд сквозь толпу в ту часть города, где для них было приготовлено помещение.

У входа в казармы отряд французов приветствовали алькальд<sup>88</sup> и *jueздеletras*, то есть два главных представителя муниципальной власти, окруженные оборванными альгвазилами<sup>89</sup>.

Дон Луи приказал остановиться.

Представители муниципалитета сделали несколько шагов навстречу графу, который, в свою очередь, поспешил к ним. Вежливо поклонившись, они начали говорить напыщенным тоном длинную речь, пересыпанную обычными испанскими гиперболами. Из всей этой галиматии граф понял только одно: жители Соноры от души радуются прибытию отряда храбрых французов и надеются, что те будут защищать их и охранять от свирепых соседей-апачей. Далее алькальд сказал, что французы здесь не на чужой земле, а среди своих братьев, искренних друзей, которые сочтут себя счастливыми на деле доказать им преданность, и так далее, до бесконечности все в том же роде.

Как только старший алькальд окончил свою речь при громких рукоплесканиях толпы, начал говорить *juez de letras*. Его речь была так же

длинна и так же бессодержательна, как первая, и вызвала такие же шумные возгласы одобрения со стороны слушателей.

Нужно заметить, что мексиканцы вообще любят такие церемонии.

Когда оба главы магистратуры покончили с приветствиями, граф с вежливым поклоном ответил им несколькими идущими прямо от сердца словами, которые он всегда так кстати умел найти.

Его коротенькая речь вызвала еще более оглушительные аплодисменты публики. Бешеный восторг охватил всех. Толпа ревела, топала ногами, махала платками; в воздухе летали подбрасываемые вверх шляпы и почти из всех окон крошечные ручки сеньорит осыпали французов дождем живых цветов, а те тоже не оставались в долгу и громкими криками отвечали на приветствия мексиканцев.

Затем французы вступили в отведенное для них помещение. Это был большой дом с громадным внутренним двором, как нельзя более соответствующий своему назначению. Можно было подумать, что дом этот нарочно был выстроен для того, чтобы поместить в нем прибывший отряд.

Командиры отдельных частей отряда очень быстро разместили людей со свойственной исключительно французам способностью извлекать из всего пользу: через час после вступления в дом он принял такой вид, будто в нем жили уже несколько месяцев, — так уютно стало в помещении.

Граф думал, что наконец-то освободился от алькальда и juez de letras, но не тут-то было: достойные представители магистратуры прежде, чем покинуть графа, хотели сейчас же изложить ему свои просьбы по делу, не терпящему отлагательства.

В Гуаймасае, как и во всех больших и малых населенных пунктах Мексики, каждый жил, как хотел, и делал то, что ему нравилось, нисколько не заботясь о том, чего хотят муниципальные власти. Такая свобода или, лучше сказать, распущенность ведет в конце концов к тому, что негодяи начинают беспрепятственно обделывать свои гнусные делишки, о которых дьявол беспрестанно нашептывает им в уши, а честные люди вынуждены сами ограждать себя, не рассчитывая на помощь полиции, которая если иногда по странной случайности и существует, то почти всегда действует заодно с бандитами.

Juez de letras и старший алькальд решили воспользоваться пребыванием французов в Гуаймасае, чтобы внушить спасительный страх негодяям, в которых не было недостатка в городе. Поэтому они просили графа поставить караулы из своих людей в важнейших точках города и назначить патрули, которые ночью будут обходить улицы и охранять спокойствие граждан и общественную безопасность.

Наговорив целую кучу любезностей, достойные мексиканцы высказали наконец свою просьбу. Граф с улыбкой ответил им, что он с удовольствием готов отдать себя в полное распоряжение мексиканского правительства и что если они считают его помощь полезной для себя, то они могут располагать как им самим, так и его людьми — он будет счастлив оказать им услугу.

Представители магистратуры принялись горячо благодарить его и, обрадованные тем, что граф легко согласился исполнить их первую просьбу, осмелились обратиться к нему со следующей.

Последняя, по их мнению, была более деликатного свойства, и в душе они были уверены, что получают отказ.

Просьба их заключалась в следующем.

Церемония праздника тела Господня считается одной из самых важных в Мексике. Праздник, для которого население не жалеет никаких расходов, чтобы только отметить его как можно пышнее, в этом году должен был состояться как раз через несколько дней после прибытия французов в Сонору.

И вот городские власти решили просить графа распорядиться стрелять из французских пушек во время прохождения процессии по улицам города.

В форте Гуаймаса было много и своих пушек, но только, к сожалению, у этих пушек не было лафетов, и к тому же они все так заржавели, что никуда не годились.

По понятиям мексиканцев, в такой торжественный праздник недостаточно одного только колокольного звона, и церемония много потеряет, если при этом не будет салюта из пушек.

Мексиканцы и не подозревали, какое удовольствие доставили они графу, обратившись к нему со своими просьбами. Ему и самому хотелось предложить это хозяевам города.

Дело вот в чем. Со времени открытия золотых россыпей в Сан-Франциско набралась такая масса всевозможного разношерстного люда, что пришельцы не замедлили оказаться в значительном большинстве. Из-за этого Калифорния считалась населенной чуть ли не исключительно всевозможными преступниками, которые особенно жестоко давали о себе знать в соседних портах Тихого океана, куда они налетали, как хищные птицы. Графу очень хотелось в интересах своей экспедиции доказать жителям Соноры, среди которых ему придется жить, что французские эмигранты не имели ничего общего с преступными шайками и что отряд, находившийся под его командой, состоял из людей честных, твердо решивших везде, куда бы случай ни забросил их, вести себя

дисциплинированно и никогда не оскорблять мексиканцев.

Вторая же просьба имела еще большее значение в глазах графа. Невежественные и суеверные мексиканцы, как это ни грустно, почти совсем не имеют понятия о католической религии, которую они исповедывают. Но они страшные фанатики и простят скорее убийство, чем самое незначительное оскорбление, нанесенное их верованиям.

Фанатизм, который старательно поддерживался со времен испанского владычества, имел целью удалить от берегов Новой Испании иностранцев, то есть англичан, которых очень боялась испанская корона.

В то время англичане были единственными европейцами, осмеливающимися посещать испанские колонии.

Монахи воспользовались несходством религии деятельных островитян и своей собственной<sup>90</sup> и самыми мрачными красками изображали их перед своей паствой.

Легковерные, как дети, индейцы с закрытыми глазами принимали на веру всякую ложь, которую заблагорассудится выдумать монахам, и для них каждый чужестранец был англичанином, то есть еретиком, или gringo.

Объявленная независимость, привлекавшая в Мексику иностранцев всех национальностей, ничего не изменила в их убеждениях. Не так легко уничтожить предрассудки, укоренившиеся веками. Мексиканцы все так же продолжали видеть в каждом иностранце англичанина и считали их всех еретиками. Этим легко объясняются глухая ненависть, ясно прорывающаяся при каждом удобном случае, и тайный ужас, испытываемый ими при виде всякого европейца.

Собираясь в скором времени проникнуть в глубь Мексики, где ему придется проезжать по местам, населенным легковерными и невежественными фанатиками, с которыми чрезвычайно важно жить в мире и не подавать повода к ссоре, граф был очень рад дать блестящее и неопровержимое доказательство того, что французы не только не гринго, но, наоборот, такие же добрые католики, как и жители Соноры.

Итак, он с удовольствием изъявил свое согласие исполнить просьбу городских властей, хотя и допускал, что, обращаясь к нему с этой просьбой, они хотели расставить ему ловушку. Граф ответил, что во время шествия процессии не только будут стрелять из пушек, но и сам он желал бы принять участие в процессии со всем своим отрядом, потому что французы — католики и с удовольствием воспользуются случаем послужить чтимой ими церкви.

Высказав наконец все свои просьбы, представители магистратуры с изъявлениями глубочайшей признательности и уважения распрощались с



графом.

Дон Луи мог наконец вздохнуть свободно; разговор продолжался слишком долго. Но граф убедился, что не все еще кончено.

Дон Антонио и его неразлучный друг полковник Флорес не хотели так легко выпустить добычу и ушли только тогда, когда граф дал им обещание быть в тот же вечер со своими офицерами на банкете, который устраивал дон Антонио по случаю прибытия французского отряда.

Граф дал слово, и его наконец оставили в покое.

Теперь, с того момента, как отряд прибыл в Гуаймас, к началу первого этапа пути к золотым россыпям, экспедиция носила уже серьезный характер. Первое препятствие было пройдено. Людям нужно дать отдохнуть несколько дней и затем отправляться дальше.

Пользуясь первым впечатлением, произведенным французами, граф, не теряя ни минуты, представил властям свои бумаги и довольно легко получил пропуск для следования в глубь страны.

Прошло несколько дней. Жители Гуаймаса были от французов в восторге. Больше всего мексиканцам нравилась их веселость. Привыкнув видеть только оборванных и распущенных мексиканских солдат, жители Гуаймаса не могли не восхищаться прекрасной выправкой, военной осанкой и безукоризненной ловкостью, с которой иностранцы выполняли все военные построения, но больше всего им пришлось по вкусу искусство, с которым чужестранцы владели оружием.

Французский отряд прекрасно выполнял обязанности городской полиции, кражи и грабежи прекратились, как по волшебству. Жители Соноры спокойно спали под охраной новых друзей.

В праздник тела Господня французская пушка, не переставая, стреляла все время, пока длилась церемония, и французский отряд в полном составе участвовал в процессии с ружьями, украшенными букетами цветов.

Присутствие французов в церкви произвело именно то действие, на которое и рассчитывал граф. Твердая уверенность, что иностранцы такие же добрые католики, еще более увеличила симпатию местных жителей к французам.

Прошло несколько дней. Ничто не омрачило изначально установившиеся дружеские отношения между французами и мексиканцами — так, по крайней мере, казалось на первый взгляд, и граф по своему открытому, честному характеру начал было уже упрекать себя за чувство недоверия, которое он испытывал на первых порах или, говоря точнее, которое было внушено ему Валентином. В душе он даже осуждал друга за то, что тот так неосмотрительно обвинял людей, старавшихся, по-

видимому, не только удовлетворить, но даже предупредить малейшие их желания.

Да и мог ли граф подозревать измену? Он явился сюда по приглашению правительства, правительство само потребовало, чтобы отряд был сформирован как военный, имел известное число людей и был хорошо вооружен. Люди, в руках которых сосредоточена вся власть в стране, должны были интересоваться успехом предприятия еще и потому, что почти все они были пайщиками вновь образованного общества.

Графу казалось, что нужно быть или сумасшедшим, или ослепленным яростью, чтобы при таких условиях обмануть его, ибо никто никогда не ведет войну сам против себя, а мексиканцы, как известно, вообще являются большими серебролюбцами.

Все эти соображения мы приводим, поскольку хотим провести беспристрастное сравнение двух конкурентов, чтобы всем было ясно, на чьей стороне честность в этом гнусном деле, кровавой чертой запятнавшем мексиканскую республику и оставившем на ее челе неизгладимое пятно, которое никогда не сотрет неумолимое время.

Дни шли незаметно. Граф начал опасаться, как бы состояние духа его спутников не пострадало от дальнейшего пребывания в этом городе, и он горел нетерпением тронуться в путь. К несчастью, это можно было сделать только тогда, когда будет запасен провиант на дорогу и когда губернатор установит вместе с ним окончательно маршрут следования отряда к золотым россыпям.

Дон Луи горько жаловался то дону Антонио, то полковнику Флоресу на задержки, которыми его мучают под различными благовидными предложениями и которыми, очевидно, пользуются для того, чтобы держать его здесь в постыдном бездействии.

Губернатор, не хотевший почему-то ни за что покинуть Эрмосильо, отвечал на его письма разными отговорками.

Такое положение дел не могло, естественно, продолжаться бесконечно. Граф Луи опасался, что его отряд может распаться и он лишится всех плодов, добытых с таким трудом, и потому решил во что бы то ни стало положить конец неопределенному состоянию. При первой же встрече с доном Антонио и сеньором полковником он объявил им, что, так как губернатор генерал Гверреро, по-видимому, не понимает или не хочет понимать его писем, он решил сам отправиться в Эрмосильо и добиться точного и определенного ответа.

Мексиканцы вздрогнули от радости при этом известии, оно как нельзя более соответствовало их планам, а присутствие графа в городе только

мешало им.

Они не только не стали отговаривать его, но, наоборот, горячо советовали привести немедленно в исполнение план и как можно скорее отправиться в Эрмосильо.

Дон Луи, простившись с мексиканцами, направился в казармы, собрал весь отряд и сообщил о своем отъезде. Известие это было с радостью встречено этими энергичными, пылкими людьми, которым уже начала надоедать праздная бездеятельная жизнь. Временно командование отрядом граф поручил одному из офицеров, на которого он мог вполне рассчитывать, и при этом приказал ему в случае, если тот не получит от графа никаких известий в течение четырех дней, собрать весь отряд и немедленно выступить в Эрмосильо. Затем он еще раз посоветовал своим спутникам строго соблюдать все требования дисциплины и покинул казармы.

Дома он застал поджидавшего его Валентина. Последний одобрил намерение графа, но отказался сопровождать его под предлогом, что, оставаясь в Гуаймасе, он принесет гораздо больше пользы, чем отправившись в Эрмосильо.

Дело в том, что охотник не желал ни на одну минуту терять из виду людей, за которыми он тайно следил, надеясь раскрыть их планы.

Луи не стал настаивать. Он знал, что с таким человеком, как Валентин, спорить бесполезно, если тот что-то твердо решил. Граф уехал в сопровождении донна Корнелио и конвоя из десяти избранных солдат на хороших лошадях, пожав в последний раз руку своему другу, и направился в Эрмосильо, где, как он, по крайней мере, надеялся, ему удастся наконец найти ключ к разгадке всех проволочек.

— Да-а! — пробормотал Валентин, задумчиво глядя ему вслед. — Или я сильно ошибаюсь, или же я скоро узнаю много нового, потому что присутствие Луи не будет больше стеснять этих негодяев.

## ГЛАВА XIX. Эрмосильо

Гуаймас находится очень недалеко от Эрмосильо. Граф проехал это расстояние за несколько часов. Эрмосильо, представлял собой очаровательный укрепленный городок, окруженный садами и огородами, приносившими их владельцам довольно значительный доход.

К сожалению, было уже совсем темно, когда граф приехал в Эрмосильо, потонувший во мраке, совершенно изменившем его вид и придавшем ему печальный и мрачный характер, отчего сердце командира французского отряда болезненно сжалось.

Граф начинал разочаровываться в своих иллюзиях. Из-за глупых, ни на чем не основанных придилок будущее рисовалось ему уже не в таких радужных красках, и он уже сомневался в успехе предприятия, в котором с самого начала ему предстояло преодолеть столько препятствий.

Когда граф садился на лошадь, он получил от губернатора провинции бумагу, где ему было приказано оставаться в Гуаймасае со своим отрядом до тех пор, пока он не получит дальнейших распоряжений, то есть до получения из Мехико предписания отправляться к местонахождению золотых россыпей.

Нет необходимости объяснять, что после всего происшедшего такое приказание, выраженное к тому же в весьма грубой форме, имевшее целью только задержать отъезд графа, страшно возмутило его, так как распоряжение это шло вразрез с заключенным им с мексиканским правительством договором.

Маленький отряд вступил в Эрмосильо, не возбудив ни в ком ни малейшего подозрения. В этот поздний час улицы были почти пустынные, и несколько путешественников, встретившихся им на пути, обманутые мексиканскими костюмами всадников, не потрудились даже повнимательнее разглядеть их.

Граф отправился на улицу Сан-Агустин и остановился перед домом, который он заранее велел снять и приготовить для себя.

Один из французов постучал в ворота, которые сейчас же отворились, и всадники въехали во двор.

Дом принадлежал французу, который в настоящее время отправился в глубь страны по торговым делам, отдав предварительно все необходимые распоряжения относительно приема графа.

Граф шепотом сказал несколько слов дону Корнелио, и тот немедленно

удалился, а затем он и сам пошел в отведенный для него кварто.

Дон Луи принадлежал к числу людей решительных и энергичных и отлично понимал, что ему нельзя терять ни минуты, если он хочет предупредить неизбежный удар.

План его был готов, и он решил немедленно привести его в исполнение.

Дон Корнелио вернулся как раз в ту минуту, когда граф, переменивший свой костюм, осматривал себя в последний раз.

— Уже? — сказал граф, увидев входящего испанца.

— Я нашел этот дом, он находится всего в нескольких шагах отсюда.

— Тем лучше, значит, нам не придется долго идти.

— Самое большее пять минут.

— Генерал Гверреро в Эрмосильо?

— Здесь. Но мне кажется, вам следовало бы отложить визит до завтра.

— Почему это?

— Во дворце губернатора сегодня будет *тертулья*. Граф обернулся.

— Ну так что же? — спросил он.

— Как хотите, сеньор, но, может быть, вы не знаете, что такое *тертулья*?

— Признаюсь, нет. Что это? Вы, конечно, можете объяснить, в чем тут дело, не так ли?

— Нет ничего легче: *тертулья* — это званый вечер, праздник, если хотите — бал.

— Понимаю, и вы уверены, дон Корнелио, что сегодня вечером в губернаторском доме будет *тертулья*?

— Абсолютно уверен.

— Bravo! Вот это-то мне и нужно.

Испанец с изумлением взглянул на графа.

— Дон Корнелио, — продолжал последний, — переоденьтесь, я беру вас с собой.

— Только, видите ли, в чем дело... — проговорил испанец в раздумье.

— Что такое?

— У меня, признаюсь, *senor conde*, нет другого платья, кроме того, которое на мне.

— А! Пустяки, — отвечал, улыбаясь, граф, указывая на грудку одежды, в беспорядке разбросанной по всей комнате, — выберите то, что вам понравится, вы не станете церемониться с человеком, который считает вас своим другом.

— О! Конечно, — ответил с нескрываемой радостью испанец.

— Одевайтесь поскорее, я вас жду.

— Я буду готов через пять минут.

— Согласен ждать даже десять минут. Я буду в патио, а пока пойду прикажу людям седлать лошадей.

Граф вышел, а дон Корнелио начал поспешно одеваться, повинуюсь желанию своего друга. К чести испанца мы должны прибавить, что предложение дона Луи не только не оскорбило его, но, наоборот, в глубине сердца он даже чувствовал к нему живейшую благодарность.

Испанец сказал правду: в доме губернатора действительно была *тертулья*.

Генерал Гверреро считался богатейшим человеком в стране, и потому устраиваемый им вечер был вполне достоин того высокого поста, который он занимал в провинции.

Масса приглашенных заполняла его роскошно убранные, залитые светом апартаменты.

Все высшее общество Эрмосильо собралось во дворце губернатора. Вокруг столов, заваленных золотом, толпились играющие, которые с величайшей беспечностью, составляющей отличительную черту мексиканского характера, делали громадные ставки. В отдельной зале сидели дамы. Прекрасная, как само очарование, донья Анжела царила среди этого цветника хорошеньких лиц.

Но, несмотря на все старания генерала доставить удовольствие своим гостям, на балу не было заметно обычного оживления; молодые женщины, такие страстные любительницы танцев, отказывали всем кавалерам и предпочитали сидеть в одной из зал, предоставленных дамам.

В этой зале собравшееся общество дам беседовало о том, что в высшей степени возбуждало женское любопытство.

Дамы говорили о прибытии французов в Гуаймас.

— Боже мой! — вскричала одна хорошенькая женщина с очаровательной улыбкой. — Неужели эти англичане осмелятся явиться даже сюда?

— Конечно, — заметила другая, — но это вовсе не англичане, дорогая.

— О нет, вы ошибаетесь, Карменсита, все иностранцы — англичане, то есть еретики, мне говорил это мой духовник.

— Они, должно быть, преотвратительные! — смело вставила третья, с любопытством подаваясь вперед.

— Ну нет, уверяю вас, они такие же люди, как и все, — отвечала Карменсита, хорошенькая брюнетка с черными лукавыми глазами. — Я была в Гуаймасае на празднике Тела Господня вместе с дядей и видела их.

Среди них очень много весьма порядочных людей.

— Не может быть! — вскричали все женщины хором. — Они еретики!

— Они убьют нас!

— Они славятся своей жестокостью.

— В особенности же их предводитель.

Донья Анжела до сих пор сидела молча, погруженная в свои мысли, но тут внезапно подняла голову.

— Их предводитель — настоящий кабаллеро! — произнесла она громко. — Он носит титул графа в своей стране и прибыл в Сонору вовсе не для того, чтобы вредить нам.

Молодые женщины разом смолкли, пораженные выходкой доньи Анжелы, затем они принялись обмениваться замечаниями уже шепотом.

Девушка, сердясь на себя за свою неосторожность, с легкой краской на лице прикусила нижнюю губу и снова задумалась.

В эту минуту в залу вошел дон Себастьян.

— А! Вот и генерал, — вскричали весело три или четыре молодые девушки, поспешно вскакивая со своих мест и окружая губернатора.

— Да, это я, сеньориты, — отвечал генерал с улыбкой, — что вам угодно от меня?

— Мы хотим спросить вас...

— В чем дело?

— Мы хотим знать, — начала было донья Карменсита, но тут же перебила себя, — не я одна хочу знать это, генерал, все дамы интересуются этим!

— Я совершенно уверен в этом, — отвечал любезно дон Себастьян, — будьте же добры сообщить, что именно хотят Дамы узнать от меня?

— Кто такие эти инглеzes?<sup>91</sup>

— Какие инглеzes?

— Ну те, которые высадились в Гуаймасе?

— А! Теперь понимаю.

— Вы скажете нам, не правда ли, генерал? — воскликнули все женщины хором.

— Если это может доставить вам удовольствие.

— О! И даже очень большое.

— Прежде всего я должен заметить, что они вовсе не англичане.

— Но ведь они же иностранцы.

Генерал только улыбнулся, услышав это наивное замечание, но, сознавая, что невозможно изменить укоренившееся мнение, поспешил дать разговору другое направление.

— Их прибыло двести с лишним человек.

— Неужели так много? — вскричали с ужасом две или три молодые особы.

— Бог мой! Да, сеньориты, но успокойтесь, вам нечего бояться, они добры, услужливы, и, между прочим, их предводитель настоящий кабаллеро.

— Но зачем они приехали сюда?

— Они приехали к нам, чтобы разрабатывать золотые россыпи.

— Извините меня, отец, — вмешалась донья Анжела, внимательно прислушиваясь к этому разговору, — если я не ошибаюсь, вы сказали сейчас, что они прибыли!

— Да, дитя мое, я именно так и сказал.

— А мне казалось, что они должны быть в порту.

— Да, они еще там, но, очевидно, скоро уйдут оттуда.

— На золотые россыпи?

— Нет, вернуться туда, откуда прибыли.

Донья Анжела чуть заметно нахмурила брови — движение, означавшее сильную досаду и внутреннее волнение, — и смолкла.

— Тем лучше! Пусть эти еретики убираются поскорее! — вскричала одна из дам. — Эти проклятые англичане приезжают к нам только для того, чтобы грабить нас.

— Верно, — горячо поддержало ее большинство других.

— Кроме того, что бы там ни говорили, я убеждена, что все они страшно некрасивы.

— Ба-а! — возразила одна девушка, потряхивая своей очаровательной головкой. — Мне бы все-таки очень хотелось увидеть хоть одного из них, чтобы составить себе о них представление.

— Боюсь, донья Редампсион, — отвечал, улыбаясь, генерал, — что вам придется отказаться от этого удовольствия.

— Очень жаль, потому что еретик — это, должно быть, что-то необыкновенное! А что, они так же безобразны, как и *IndiosBravos*?

— Тут нет и не может быть ничего общего.

— Ах, неужели, генерал, мне нельзя будет увидеть их? Право, очень досадно.

— Весьма сожалею, сеньорита, но что делать.

— Ну, а если бы вдруг один из них явился в Эрмосильо?

— Это им строго запрещено, и они не посмеют ослушаться приказания высших властей.

— А! — с недовольным видом и надув губки произнесла собеседница



губернатора.

В эту минуту дверь широко распахнулась, и слуга громко и отчетливо доложил:

— Его сиятельство граф Луи де Пребуа-Крансе и его милость дон Корнелио Мендоса.

Если граф желал своим именем произвести эффект, то он вполне достиг этого.

Его неожиданное появление произвело впечатление удара грома в ясную погоду; его прибытие вызвало всеобщее волнение, значение которого он, конечно, не мог в полной мере оценить.

Все дамы вскочили и, сгруппировавшись вокруг генерала, исподтишка с любопытством рассматривали графа.

В великолепном костюме ранчero, который он носил с неподражаемой грацией и со свойственной ему неизъяснимой привлекательностью, граф с улыбкой сделал несколько шагов вперед и, с достоинством поклонившись всему обществу, стал в выжидательной позе.

Генерал побледнел как полотно.

Известие о прибытии графа с быстротой молнии разнеслось по всем комнатам. Танцы прекратились, игроки побросали карты, и все устремились в залу, где, как говорили, находился граф.

Каждая минута увеличивала затруднительность положения. Генерал прекрасно понимал это и тщетно старался найти достойный выход из создавшегося положения.

Дон Луи понял или, скорее, угадал причину замешательства генерала. Он сделал еще два шага вперед и с легким поклоном сказал:

— Я в отчаянии, генерал, что своим появлением невольно вызвал волнение среди ваших гостей. Меня, по-видимому, совсем не ожидали увидеть в Эрмосильо.

Генералу удалось несколько овладеть собой.

— Да, признаюсь вам, вы не ошиблись, *senor caballero*, — отвечал генерал, — но поверьте, что этот неожиданный визит, которым вы удостоили меня, не может доставить мне ничего, кроме удовольствия.

— От всей души желаю этого, генерал, — сказал, поклонившись, граф, — хотя, судя по вопрошающим взглядам, устремленным на меня со всех сторон, я имею право сомневаться в этом.

— Вы ошибаетесь, *senor conde*, — продолжал дон Себастьян, стараясь улыбнуться, — вот уже несколько дней все общество занято исключительно вами, и проявленное внимание, смею думать, никоим образом не может быть оскорбительным для вас.

— Генерал, — произнес граф с поклоном, — мне хотелось бы, чтобы это внимание носило более дружеский характер. Мое поведение со времени прибытия в Сонору, кажется, должно было вызвать более внимательное отношение ко мне.

— Что поделаешь, *senor conde*, мы дикари, — отвечал с насмешливой улыбкой генерал, — мы имеем несчастную слабость не любить ничего чужого, и нам нельзя ставить это в вину. Но довольно об этом. Теперь позвольте мне, *senor conde*, раз уж вы изволили сделать мне честь пожаловать в гости, представить вас официально дамам, которые сгорают от нетерпения поближе познакомиться с вами.

Луи с удовольствием исполнил желание генерала. Последний с изысканной любезностью представил своего гостя, как он сам назвал его, самым влиятельным особам на балу. Затем он подвел его к своей дочери; которая со времени прибытия графа упорно не отрывала от него своих глаз.

— *Senor conde*, — сказал генерал, — позвольте вам представить — моя дочь, донья Анжела. Донья Анжела — граф Луи де Пребуа-Крансе.

Дон Луи почтительно склонился перед молодой девушкой.

— Я уже давно имею честь знать господина графа, — отвечала она с очаровательной улыбкой.

— В самом деле, — перебил ее генерал, притворяясь, что он только сейчас вспомнил об этом, — мы ведь и вправду давно уже знакомы с вами, *senor caballero*.

— Не мне напоминать вам, каким образом состоялось наше знакомство.

— Совершенно справедливо, граф, помнить об этом обязан я, и поверьте, что я ничего не забыл.

— Я тоже не забуду этого никогда, — прошептала молодая девушка, — потому что я обязана вам жизнью.

— О, сеньорита.

— Позвольте, позвольте, *senor conde*, — сказал генерал с некоторой утрированной аффектацией, — мы, мексиканцы, одинаково долго помним добро и зло. Вы рисковали своей жизнью, защищая меня, это долг, который приятно платить. Я ваш должник, сеньор дон Луи.

— Вы говорите серьезно, генерал? — спросил граф, пристально глядя на него.

— Разумеется, *кабаллеро*, это слишком серьезно. Я могу прибавить даже, что самое искреннее мое желание заключается в том, чтобы как можно скорей найти случай расквитаться с вами.

— Если так, генерал, то я могу сию же минуту доставить вам этот

случай, если вы позволите.

— Каким это образом? — спросил генерал, немного смутившись от того, что его поймали на слове. — Я сочту себя счастливым, если буду в состоянии доставить вам удовольствие. Чего вы требуете от меня?

— Я ничего не требую, генерал, напротив, я только желаю обратиться к вам с покорнейшей просьбой.

— Просьба? И это говорите вы, дон Луи? В чем заключается ваша просьба, позвольте узнать?

— Я прошу вас уделить мне несколько минут, мне необходимо без свидетелей поговорить с вами.

— Вы хотите говорить со мной сейчас, в эту самую минуту?

— Да.

— Я надеялся, — перебил его генерал, — хоть на несколько часов забыть о делах, но раз вы требуете, ваше желание будет исполнено, дон Луи. Дворянин должен всегда держать свое слово.

— Поверьте, генерал, мне крайне совестно, но важные причины...

— Ни слова более, умоляю вас, дон Луи, иначе я могу подумать, что вы приписываете предстоящему разговору слишком важное значение, хотя на самом деле этого быть не Должно.

Дон Луи молча поклонился.

Затем генерал обернулся к гостям, большинство которых, удовлетворив свое любопытство, уже перестало интересоваться неожиданным прибытием нового гостя.

— Senores caballeros, — сказал генерал, — прошу вас извинить меня за то, что я покину вас на несколько минут, но вы сами видите, что я дал слово дону Луи и должен сдержать его.

Гости ответили молчаливым поклоном на эту довольно-таки пышную тираду.

Донья Анжела в это время незаметно подозвала к себе дону Корнелио и, пользуясь свободой мексиканских нравов, начала разговаривать с ним вполголоса.

— Идите, отец, — сказала она, с кроткой улыбкой обращаясь к генералу, — но не держите долго сеньора дону Луи. Я убеждена, что все дамы горят нетерпением поближе познакомиться с ним.

— Успокойтесь, сеньориты, мы вернемся через десять минут, нам с графом не о чем долго говорить.

«Дай Бог, чтобы это было так, — подумал про себя Луи, — мне кажется, что как раз наоборот».

Генерал взял под руку графа и повел его к себе в кабинет.

Остановившись перед одной из дверей и любезно кланяясь, он сказал:

— Прошу пожаловать, *senor caballero*.

Граф вошел первым, генерал последовал за ним и притворил за собой дверь.

## ГЛАВА XX. Карты открыты

Генерал ввел графа в свой рабочий кабинет и, указав ему на кресло, сам сел напротив. С минуту в комнате царило молчание; оба собеседника наблюдали друг за другом. Переступив порог кабинета, они отбросили напускную веселость, и на их лицах появилось серьезное и задумчивое выражение, более соответствующее тем важным вопросам, которые им придется обсуждать.

— Я жду, *senor conde*, — проговорил наконец генерал, — соблаговолите сказать мне, что вам угодно?

— Я не знаю, говорить ли мне, генерал, — отвечал дон Луи.

— Вы не знаете? Но почему же, позвольте вас спросить, граф?

— Да потому, что при этом я должен буду затронуть такие вопросы, что мне даже страшно приступать к ним.

Генерал не понял истинного смысла слов графа, поэтому не мог оценить поступок дона Луи, колебавшегося, стоит ли начинать этот щекотливый разговор.

— Вы можете говорить со мной совершенно откровенно, — возразил он, — здесь никто не услышит нас. Я принял все необходимые меры для того, чтобы все, что бы ни говорилось в этом кабинете, оставалось в его стенах. Поэтому еще раз повторяю вам, что здесь вам стесняться нечего и вы можете говорить вполне откровенно.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, раз вы сами этого желаете, — отвечал граф, — впрочем, так будет, пожалуй, лучше всего. Я, по крайней мере, буду знать, чего мне бояться и на что можно будет надеяться.

— Вы можете вполне рассчитывать на меня, — заметил вкрадчиво генерал, — я не желаю вам зла, напротив, хочу быть полезным, хочу иметь случай оказать вам услугу и, чтобы доказать на деле, что говорю правду, объявляю, что ваша судьба всецело зависит только от вас одного и успех или гибель вашего предприятия находится в ваших собственных руках.

— Если это на самом деле так, генерал, то разговор наш действительно не затянется. Но сперва позвольте изложить вам причины, заставившие меня просить у вас аудиенции, чтобы ясно осветить мое положение.

— Говорите.

— Во-первых, позвольте мне обратиться к вам со следующим вопросом: известны ли вам подробные условия моего договора с мексиканским правительством?

— Я все отлично знаю, граф, потому что у меня есть копия с этого договора.

Дон Луи вздрогнул от удивления.

— Это нисколько не должно удивлять вас, — продолжал генерал, — вспомните о том, что произошло в Мехико... Вспомните, каким образом удалось вам устранить массу всевозможных препятствий при представлении договора на утверждение президенту республики. Вам оказало тогда помощь одно влиятельное лицо, имя которого осталось для вас тайной.

— Да, вы правы, генерал.

— Этим человеком — теперь я могу сказать вам это — был я.

— Вы, генерал?

— Да, я. Затем вспомните, что, когда все было окончено, я первый записался в число ваших акционеров и сделал денежный взнос.

— Все это совершенно верно, и вот потому-то мне становится еще менее понятным странное положение, в котором я очутился.

— Каким же образом?

— Извините, генерал, я, может быть, слишком откровенно высказываю все, что накопилось у меня на душе.

— Пожалуйста, не церемоньтесь, граф, мы ведь и пришли сюда именно затем, чтобы говорить одну правду.

— Дело в том, что со времени моего прибытия в Гуаймас ваше поведение совершенно не понятно для меня.

— Вы шутите! Я нахожу его вполне естественным.

— Однако мне кажется...

— Скажите, пожалуйста, что находите вы необычного в моем поведении?

— Да все!

— Прошу вас говорить определеннее!

— Это именно я и хочу сделать.

— Увидим.

— Нужно ли рассказывать все с самого начала?

— Превосходно. Начинайте сначала.

— Поскольку у вас имеется копия договора, вы знаете, что я должен пробыть в Гуаймасае только строго ограниченный срок, чтобы дать обществу время наметить маршрут и заготовить провиант для людей и фураж для скота?

— Да.

— А между тем меня держат в Гуаймасае уже почти две недели, и все

это делается под разными предлогами, один нелепее другого. Я прекрасно понимаю, насколько такое невольное бездействие может оказаться пагубным для моих людей. Я посылаю запрос за запросом начальнику порта и вам, но мне сообщают, что мои письма почему-то не дошли по назначению.

— Продолжайте.

— Тем временем я все-таки успеваю получить пропуск для следования к месту нахождения прииска и хочу уже отдать приказание готовиться к выступлению, как вдруг получаю от вас, генерал, бумагу, которая мне предписывает не выступать из Гуаймаса.

— Все это верно. Продолжайте.

Граф Луи, сбитый с толку наглостью своего собеседника, лицо которого оставалось таким же спокойным и голос звучал так же твердо, чувствовал, как кровь невольно закипает у него в жилах.

— Признаюсь, я совершенно не понимаю вас.

— Не может быть!

— Клянусь честью! И самым откровенным образом прошу объяснить мне, что происходит, потому что, уверяю вас, я брожу как в потемках и просто-напросто начинаю теряться!

— А между тем все зависит только от вас.

— Черт возьми! Да вы прямо издеваетесь надо мной, генерал!

— Никоим образом.

— Но послушайте! С разрешения вашего правительства я являюсь в Сонору, чтобы приступить к разработке приисков. Вы сами только что говорили, что исключительно благодаря вашему содействию контракт со мной был подписан. Я верю вашему правительству, снаряжаю экспедицию, приезжаю сюда, а мои компаньоны, и вы первый, отворачиваются от меня и обращаются со мной не как со своим другом, представителем их интересов, а как с обыкновенным флибустьером.

— О, граф, вы заходите слишком далеко!

— Клянусь честью, генерал, подобные вещи возможны только в Мексике.

— Нисколько, граф, вы глубоко заблуждаетесь. Здесь ровно никто не хочет вам вредить, напротив.

— Однако до сих пор вы, один из самых влиятельных акционеров общества, заинтересованный в наших делах более, чем кто-либо, человек, который по занимаемому им высокому посту обязан был бы оказать нам действенную помощь, — пользуетесь своей властью только для того, чтобы тормозить наши дела и всячески вредить нам.

— О граф, какие вы, однако, употребляете сильные выражения!

— Извините меня, генерал, я, может быть, и в самом деле выразился слишком сильно, но мне кажется, что уже давно пора кончить эти нелепые придирки и разрешить мне отправиться на золотые прииски — все это тянется слишком долго.

Генерал, казалось, размышлял с минуту.

— Будем говорить откровенно, — сказал он наконец, — неужели же вы действительно не поняли, почему я действовал по отношению к вам подобным образом?

— Клянусь вам, не понимаю!

— Странно. В таком случае извините меня, в свою очередь, граф, но я был о вас совершенно иного мнения.

— Простите, но я совсем не понимаю вас.

— Вам не ясно, почему я, генерал и военный губернатор штата Соноры, поддерживал так горячо ваше прошение у президента?

— Но...

— Вы не угадали, — продолжал генерал, — почему я требовал, чтобы ваши спутники были хорошо вооружены и организованы по-военному?

— Мне кажется...

— Вы не поняли, почему я предоставил вам такие права, как если бы вы были главнокомандующим? Полноте, граф, вы шутите или желаете просто превзойти меня хитростью.

Произнеся эту фразу с некоторым волнением, на этот раз вполне искренним, генерал встал с кресла и большими шагами начал ходить по кабинету.

Граф внимательно слушал, не спуская глаз со своего собеседника. Когда генерал кончил говорить, граф отвечал:

— Генерал, теперь я могу сказать вам, что мне все понятно.

— Говорите.

— Я понимаю, что мексиканское правительство слишком слабо, чтобы вернуть обратно территории Планча-де-Плата, которые по его небрежности попали в руки индейцев, и желает, чтобы это сделали иностранцы за счет барышей, которые им может доставить экспедиция. Я понял, что мексиканское правительство, чувствуя себя не в силах защитить жителей Соноры от набегов апачей и команчей, было бы очень радо, если бы иностранцы взяли на себя рискованную и опасную обязанность сдерживать свирепых грабителей в границах их земель. Наконец, я понял, что генерал дон Себастьян Гверреро, чью жизнь, как и жизнь его дочери, я имел счастье



спасти, и который сохранил об этом такую глубокую благодарность, поспешил, в свою очередь, воспользоваться случаем оказать мне услугу своим могущественным влиянием для достижения того, чего я так долго и тщетно добивался. Вот все, что я теперь понял, генерал.

— А! Это все?

— Разве я ошибся?

— Может быть.

— В таком случае, будьте так добры, генерал, объяснить мне то, чего я не понял.

— Зачем? Теперь это, пожалуй, будет уже слишком поздно, — отвечал генерал, бросая на своего собеседника странный взгляд.

— Почему же?

Дон Себастьян подошел к графу и остановился прямо против него.

— Потому что, — сказал он, — мы никогда не пойдем друг друга.

— Вы думаете, генерал?

— Я в этом уверен. Хотите, чтобы я вам объяснил?

— Пожалуйста.

— В таком случае, *senor conde*, слушайте! Вы человек умный, воспитанный, богато одарены природой.

— Генерал, помилуйте!

— Я вовсе не льщу вам, граф, а говорю одну правду. Но несмотря на то, что вы в совершенстве владеете испанским языком, вы все-таки не настолько прониклись духом мексиканцев, чтобы мы когда-нибудь могли понять друг друга.

— А! — произнес граф, не прибавив больше ни слова.

— Не правда ли? На этот раз вы, надеюсь, прекрасно поняли истинный смысл моих слов?

— Может быть, генерал, — отвечу вам, употребляя ваше же собственное выражение, сказанное минуту назад.

— Очень хорошо. А теперь, мне кажется, нам уже не о чем больше говорить с вами.

— Всего только несколько слов.

— Говорите.

— Что бы ни случилось, — начал Луи, — но, выйдя из комнаты, я не буду помнить ни одного слова из того, о чем мы говорили здесь.

— Как хотите, граф, но мы и не говорили ничего такого, чего не могли бы повторить перед другими.

— Это так, но другие могут понять ваши слова иначе, чем я. Ваши

слова можно ведь истолковать и в дурную сторону.

— О! Разговор у нас был самый невинный!

— В самом деле. Надеюсь, генерал, что мы с вами все-таки расстанемся не врагами.

— А чего ради нам с вами враждовать, дорогой граф? Напротив, я желал бы, чтобы наше знакомство, так счастливо возобновленное сегодня вечером, перешло в дружбу, по крайней мере, с вашей стороны, потому что я давно питаю к вам искреннюю симпатию.

— Вы в самом деле слишком льстите мне, генерал.

— Вы забываете, что я обязан вам жизнью.

— Значит, я могу всегда рассчитывать на вас?

— Как на самого себя, любезный граф.

Оба собеседника произнесли последние слова с такой тонкой иронией, что никому бы и в голову не пришло подозревать, сколько ярости и ненависти скрывалось под этими очаровательными улыбками.

— Теперь, я думаю, мы можем вернуться в салон, — сказал генерал.

— Я весь к вашим услугам, генерал.

Дон Себастьян отворил дверь кабинета и пропустил графа вперед.

— Вы играете, дон Луи? — спросил генерал графа.

— Редко. Но если вам угодно, сочту за честь для себя сделаться вашим партнером.

— Отлично, тогда прошу сюда.

Они вошли в комнату, где стояло несколько карточных столов.

Игроки сгрудились вокруг одного из столов, где перед счастливецем, которому страшно везло, лежала куча золота.

Играл дон Корнелио. Разговор его с доньей Анжелой продолжался недолго, расставшись с ней и чувствуя неодолимую притягательную силу золота, он подошел к столу и вступил в игру, поставив несколько золотых унций — весь свой капитал.

Фортуна в этот вечер была к испанцу крайне благосклонна, и за какие-нибудь четверть часа все золото перекочевало к нему. Выигрыш его достиг достаточно большой суммы.

Дон Луи и генерал подошли к дону Корнелио как раз в то время, когда последний противник, продувшись в пух и прах, отошел от стола, и игра прекратилась. Испанец, бросив взгляд на окружающих и видя, что никто не желает сразиться с ним, хладнокровно занялся размещением лежавших перед ним унций во вместительные карманы своих панталон.

— О-о! — весело заметил генерал. — Обществу *Atrevida*, по-видимому, очень везет сегодня, сеньор дон Луи, оно выигрывает сразу по

всем пунктам.

Граф усмехнулся, услышав этот двусмысленный комплимент.

— Посмотрим, не повернется ли счастье в мою сторону, — продолжал дон Себастьян. — Угодно вам сыграть со мной, дон Луи?

— С одним только условием, генерал.

— С каким? Я согласен на него заранее.

— Извольте. Я играю подряд только три партии.

— Хорошо.

— Подождите, но играю я эти партии, каждый раз удваивая ставку.

— О-о! А если вы проиграете хоть одну партию?

— Ну так что же, хотя я и не намерен проигрывать, — сказал граф совершенно спокойно.

— Как! Вы не намерены проигрывать?

— Да, должен сказать, мне обычно удивительно везет в карты, может быть, впрочем, потому, что меня никогда не интересует, выиграю я или проиграю.

— Вероятно. И все же, признаюсь вам, мне было бы любопытно убедиться в этом.

— Нет ничего легче.

Гости мало-помалу сгруппировались вокруг них. Донья Анжела тоже подошла к столу и очутилась почти рядом с доном Луи.

— Итак, — продолжал генерал, — сыграем три партии.

— С удовольствием.

— Сколько же ставить?

— Сколько хотите.

— Две тысячи пиастров, согласны?

— Согласен.

Генерал взял еще не распечатанную колоду карт.

— Если вам все равно, — сказал он, — мы не будем метать сами, ни вы, ни я.

— Как хотите.

— Но кто же будет метать в таком случае?

— Я! — вскричала донья Анжела и взяла колоду карт.

— О-о! — сказал, улыбаясь, генерал. — Берегитесь, дон Луи, моя дочь выступает против вас.

— Я даже и мысли не допускаю, чтобы сеньорита могла стать моим врагом, — отвечал граф, почтительно склонив голову.

Донья Анжела покраснела, но не ответила ни слова. Она распечатала колоду карт и приготовилась метать.

— Ставлю две тысячи пиастров, — сказал генерал, — начинай, дитя мое.

Девушка открывала карты одну за другой.

— Бита! — объявила она через минуту.

— Правда, — подхватил генерал, — я проиграл. Посмотрим, что скажет вторая партия. Саганба! Будь внимательна, нинья, теперь дело уже идет о четырех тысячах пиастров.

— Бита! — снова объявила донья Анжела.

— И эта? Странно. Ну, дон Луи, теперь в последний раз!

— Может быть, лучше было бы прекратить игру? Ведь мы с вами, генерал, нисколько не нуждаемся в этом золоте.

— Вот потому-то я и хочу попытать счастья в третий раз. Мне хочется узнать, неужели счастье не изменит вам до самого конца?

— А что я вам говорил?

— Увидим, увидим! Я непременно хочу убедиться в этом.

— Бита! — произнес в третий раз мелодичный голос девушки.

— Саганба! В самом деле, все это довольно странно. Я должен вам четырнадцать тысяч пиастров, дон Луи! Признаюсь, вам необыкновенно везет.

— Я знаю это, — отвечал все так же хладнокровно граф, — а теперь позвольте мне проститься с вами. Сеньорита, примите мою искреннюю благодарность за вашу помощь в этом деле.

Молодая девушка, видимо сильно смущенная, с восхитительным румянцем на щеках, кивнула графу своей хорошенькой головкой.

— Вы получите завтра утром четырнадцать тысяч пиастров, дон Луи.

— Пожалуйста, не спешите, генерал, я надеюсь иметь честь еще раз увидеться с вами.

Граф сделал общий поклон и в сопровождении дон Корнелио направился к выходу. Генерал проводил его до самой передней.

— Проклятый предатель! — пробормотал граф, вскакивая на лошадь. — Берегись! Теперь я раскусил тебя. Как ты ни хитришь, а все-таки ты дал мне возможность понять твою игру и увидеть твои карты.

И граф, сопровождаемый своим эскортом, в тяжелых раздумьях направился к дому, где он остановился, обдумывая дорогой, каким образом удастся ему разрушить козни врагов и довести до конца начатое дело.

Дон Корнелио же думал только об одном — о том, как ему везло в карты сегодня вечером. Галопируя рядом с доном Луи, он мысленно подсчитывал свой выигрыш, не представляя точно, сколько именно он выиграл.

## ГЛАВА XXI. La tapada<sup>92</sup>

Характер мексиканца представляет собой смесь самых разных черт, к числу которых, между прочим, относится и пунктуальность при уплате карточных долгов. Человек, со спокойной совестью убивающий другого за два реала, непременно, как бы тяжело ему ни было, достанет деньги, чтобы уплатить долг в течение суток.

Проснувшись на другой день, дон Луи нашел на столе в своей комнате несколько полотняных мешков с золотом, — генерал поспешил прислать на рассвете четырнадцать тысяч пиастров.

Луи был раздосадован, он не ожидал такой пунктуальности после своего недавнего знакомства с мексиканцами, и это показалось ему дурным предзнаменованием.

Граф оделся и после завтрака, оставив дону Корнелио считать свой выигрыш, накинул плащ и отправился осматривать город.

Во время прогулки ему пришлось проходить мимо дворца губернатора, и граф воспользовался этим обстоятельством, чтобы вручить слуге свою визитную карточку. Поступая таким образом, он соблюдал установленные обычаем правила вежливости, увидеться же с генералом он рассчитывал только на другой день.

Осмотр города занял у графа несколько часов, по пути он заходил в церкви, некоторые из них его очень заинтересовали. Затем выкурил несколько сигареток на Аламеда, великолепном месте для прогулок, окруженном тенистыми деревьями, где каждый вечер прекрасный пол Эрмосильо наслаждался свежим вечерним воздухом.

Наконец, вернувшись домой, граф заперся в своей комнате и до глубокой ночи писал письма.

На другой день он отправился во дворец.

Дворец был заперт.

— Генерала вызвали по важному делу, он уехал вчера в четыре часа пополудни верхом в сопровождении небольшого конвоя улан. Но, — прибавил человек, сообщивший это графу, — его превосходительство пробудет в отсутствии недолго, по всей вероятности, он вернется через четыре — пять дней.

И больше граф не смог ничего добиться, несмотря на все старания.

Он каждый день посылал во дворец узнать, не вернулся ли генерал, и каждый раз получал один и тот же ответ: «Генерал еще не возвращался, но

скоро будет: его ждут с часу на час».

Так прошла неделя. Тревожное состояние духа графа возрастало с каждым днем, но его начинало беспокоить и другое.

Покидая Гуаймас, он отдал распоряжение офицеру, принявшему временное командование отрядом, выступить через четыре дня из города и идти к нему в Эрмосильо.

Отряд не только должен был уже целых четыре дня находиться в дороге, но и давным-давно мог бы прийти в Эрмосильо, эти два города находились друг от друга на расстоянии не более пятнадцати миль, которые отряд пехоты, двигаясь форсированным маршем, мог легко пройти в течение двух суток, а между тем граф после отъезда из Гуаймаса не получал оттуда никаких известий, и все его письма оставались без ответа.

Что случилось в Гуаймаса во время его отсутствия?

Какие еще новые препятствия поставили ему враги?

Чем объяснить такое невероятное запоздание на целых четыре дня?

Почему офицер, оставленный им вместо себя, не известил его обо всем случившемся после его отъезда?

Может быть, его курьеров перехватили по дороге?

Почему, наконец, Валентин и Курумилла, такие решительные и преданные друзья, для которых не существует никаких опасностей, не явились вовремя предупредить его?

Все эти вопросы мучительно терзали уставшего от размышлений графа и приводили его в страшное волнение; он не знал, на что решиться и что предпринять, чтобы узнать, что произошло в Гуаймаса.

Наконец он решил отправить в Гуаймас дону Корнелио, которому он мог довериться. Но дон Корнелио куда-то исчез, и его не могли нигде найти.

Эта новая непредвиденная задержка довела графа до состояния, близкого к отчаянию. Он сел на лошадь и поехал с намерением осмотреть окрестности города, втайне надеясь обнаружить какие-нибудь следы своих спутников или, по крайней мере, разузнать что-нибудь о них.

Но, проехдив целых четыре часа в разных направлениях, он ничего не увидел, ничего не узнал и в полном отчаянии и с тоской на сердце повернул лошадь назад к городу.

Приближаясь к дому, он услышал звуки хараны и прищпорил лошадь.

Дон Корнелио, небрежно развалившись на бутаке в вестибюле дома, сопровождал себя на гитаре, распевая неизменный романсеро про короля Родриго.

При виде графа Луи испанец отбросил в сторону гитару и с радостным

криком вскочил со своего места.

— Наконец-то! — вскричал он.

— Что значит «наконец»? — спросил граф. — Странное утверждение с вашей стороны в то время, как я вас ищу все утро и никак не могу поймать.

Испанец таинственно улыбнулся.

— Я все это отлично знаю, — отвечал он, — но здесь неудобно говорить. Дон Луи, позвольте мне пройти в вашу комнату.

— С величайшим удовольствием, тем более что мне и самому нужно сказать вам кое-что.

Когда они вошли в комнату, Луи обернулся к своему спутнику:

— Ну! Что вы хотите сообщить мне?

— Сию минуту. Сегодня утром после завтрака я, по обыкновению, прогуливался, покуривая сигаретку, как вдруг на углу Калле-де-Мерсед и Калле-де-Сан-Франциско кто-то легонько дотронулся до моей руки. Я тут же обернулся — и что увидел? Хорошенькая женщина или девушка, — я думаю, что она хорошенькая, но не видел ее лица, так сильно она закуталась в свой ребосо, сделала мне знак следовать за собой. Что бы вы сделали на моем месте, дон Луи?

— Не знаю, друг мой, но только говорите, пожалуйста, короче, мне дорога каждая минута.

— Ну, я пошел за ней! Вы знаете, что я смотрю совсем иначе на мексиканских женщин и убежден, что рано или поздно...

— Ради самого Господа! Говорите же вы скорей о деле, — перебил его дон Луи, топнув ногой от нетерпения.

— Я приближаюсь к самому главному: итак, я пошел за ней, она вошла в церковь де-ла-Мерсед, я вошел вслед. В это время церковь была пуста, это, должен вам заметить, доставило мне большое удовольствие, потому что, вы понимаете, нам можно было поговорить, не стесняясь... Потерпите немного, я сейчас договорю... В церкви мы прошли в самый темный угол, и тут молодая хорошенькая женщина — я убежден, что она молода и хороша... — вдруг остановилась, это вышло так неожиданно, что я чуть-чуть не наступил ей на ногу, потому что я шел как раз следом за ней. «Вы — дон Корнелио Мендоса?» — спросила она. «Да», — отвечал я. «В таком случае, — продолжала она, — вы должны быть другом графа». Я сейчас же догадался, что незнакомка говорит о вас, и отвечал ей: «Я самый близкий друг его». «Хорошо», — проговорила она, доставая из-за корсажа маленькую записочку, которую сунула мне в руку, прошептав: «Передайте ему как можно скорей это письмо, в нем сообщается об очень важном»

деле». Я схватил конверт и машинально посмотрел на него. Когда я поднял глаза, незнакомки уже не было, она исчезла, как сильфида, не оставив следов. Я не мог найти ее, потому что в церкви было очень темно.

— Ну, а где же это письмо? — спросил дон Луи.

— Вот оно! О, не бойтесь, я не потерял его! Хорошенькая мексиканка так убедительно просила меня!

Граф взял письмо и не глядя бросил на стол. Со времени своего пребывания в Эрмосильо он ежедневно десятками получал такие письма и вовсе не собирался вступать в переписку. Он даже не читал их, так как был убежден, что во всех письмах говорится одно и то же.

— Ну, теперь я надеюсь, вы кончили свое повествование, не так ли? — сказал он.

— Да.

— В таком случае выслушайте то, что я вам скажу, — продолжал граф, вручая дону Корнелио письма, написанные им охотнику во время отсутствия испанца. — Садитесь сейчас же на лошадь и отправляйтесь в Гуаймас, передайте это письмо Валентину и привезите мне от него ответ. Вы можете это сделать?

— Конечно.

— Могу я надеяться, что вы быстро и точно исполните это поручение?

— Я отправлюсь сейчас же.

Испанец вышел из комнаты, и через десять минут дон Луи услышал стук подков лошади, во весь опор скакавшей по улице.

— Завтра в этот же час я буду знать, что мне делать, — прошептал дон Луи.

Он бросился на бутак и, сжав руками голову, погрузился в свои мысли. На глаза ему попало письмо, переданное доном Корнелио.

Горькая улыбка скользнула по губам дона Луи.

— Бедные глупенькие головки, — прошептал он, — мечтающие только о любви да об удовольствиях, для которых жизнь — бесконечный праздник. На что мне ваши клятвы, на которые я не могу отвечать. Любви для меня больше не существует. Вероятно, и эта клянется мне в вечных и неизменных чувствах, о которых она завтра же забудет. Чего ради стану я заниматься подобными пустяками? Мое сердце уже давным-давно умерло для земных радостей!

И он оттолкнул письмо.

Ночь надвигалась быстро, граф намеревался зажечь свечу, но, как это часто случается с рассеянными людьми, задумался, и догоревшая спичка обожгла ему пальцы. Машинально взяв брошенное письмо, граф свернул



его в трубку и хотел поджечь, но вдруг остановился, бросил на пол спичку, которая тут же потухла, зажег другую и начал читать.

Вот что писала ему неизвестная корреспондентка:

*«Одна особа, интересующаяся графом доном Луи, просит, в его же собственных интересах, чтобы он пришел сегодня к десяти часам вечера на Аламеду в первую аллею налево. Особа, сидящая на третьей скамейке, скажет ему: „Гуаймас“, а он ответит: «Atrevida» и, ни о чем не спрашивая, последует за ней туда, куда ей приказано отвести графа и где он узнает то, что ему необходимо знать как в собственных интересах, так и в интересах его спутников.»*

Странное послание не имело никакой подписи.

— Что это такое? — прошептал граф. — Не мистификация ли это? Но с какой целью? Может быть, это враги расставляют мне западню или устраивают засаду, чтобы погубить меня? Клянусь Богом, я во что бы то ни стало узнаю, в чем дело... Который час? Девять часов — у меня еще целый час впереди. Если мой таинственный корреспондент замышляет убийство, он встретит достойного противника. Кто знает? А может быть, и в самом деле какой-нибудь неизвестный друг хочет дать мне добрый совет? Увидим!

Говоря таким образом, граф снял свое нарядное платье и надел скромный костюм, стянул талию поясом, продел в железное кольцо на поясе мачете без ножен, по мексиканскому обычаю, засунув за пояс два шестиствольных пистолета, завернулся в широкий плащ, надвинул на самые глаза поля широкополой шляпы из вигоневой шерсти и был совсем готов к выходу из дому.

— Pardieu! — сказал он, переступая через порог. — Я вооружен так грозно, что бандиты, если только они вздумают напасть на меня, покраснеют от стыда и от досады.

Когда граф очутился на улице, часы ратуши пробили три четверти десятого.

— Как раз вовремя, — заметил он и быстрыми шагами пошел по улице.

Ночь выдалась темная, кругом не было видно ни души. Граф, как и предполагал, пришел на Аламеду как раз в тот момент, когда часы на башне пробили десять раз.

— Посмотрим, — проговорил он тихо и твердыми шагами, внимательно осматриваясь кругом, направился по аллее.

Соображаясь с указаниями, данными ему в письме, он пошел по указанной аллее и вскоре на одной из скамеек увидел сидящую черную фигуру. Графу стало стыдно за свои подозрения и, решив, что это обычное

свидание, не имеющее никакого серьезного значения, он уже хотел было повернуть назад, но потом раздумал и, желая довести дело до конца, направился к незнакомке, неподвижно сидевшей на своем месте.

Когда граф проходил мимо нее, незнакомка слегка дотронулась до его плаща. Граф обернулся.

— Гуаймас, — произнесла незнакомка вполголоса.

— Atrevida! — отвечал граф.

— Пойдемте.

— Идите.

Незнакомка поднялась со скамьи и, ни разу не оглянувшись, твердыми шагами прошла вдоль всей Аламеды и повернула на узкую улицу, населенную леперос и бедняками. Здесь, подойдя к довольно невзрачному дому, она остановилась, отперла дверь ключом, и вошла в дом, оставив дверь незапертой.

Граф, не задумываясь, последовал за ней. Он очутился в крошечной тьме и с сильно бьющимся сердцем услышал, как ключ щелкнул позади него.

«Очевидно, я попал в западню», — подумал он.

— Не бойтесь ничего, — раздался вдруг чей-то кроткий и мелодичный голос почти над самым его ухом, — вам нечего бояться, эти меры предосторожности направлены вовсе не против вас.

Дружеский и печальный оттенок этого голоса успокоил графа.

— Я ничего не боюсь, — отвечал он, — неужели вы думаете, что я пошел бы, если бы опасался ловушки?

— Выслушайте же меня, время дорого, я располагаю всего лишь несколькими минутами.

— Я вас слушаю.

— У вас есть могущественные враги, и один из них поклялся погубить вас.

— Но чего же добиваются мои враги?

— Погубить вас, повторяю вам, потому что вы отказались быть их сообщником.

— О! Я отомщу им!

— Берегитесь, но, главное, не оставайтесь больше здесь. Ваши враги действуют втихомолку — и особенно осмелели в настоящее время, потому что вы далеко. Отправляйтесь к вашим товарищам.

— Я и сам собираюсь поступить так и даже хотел уехать сегодня ночью.

— Это хорошо. Затем отправляйтесь скорей на прииски, и, если вам

удастся достигнуть их раньше, чем ваши враги снимут маски, вы спасены!

— Благодарю за совет, я последую ему.

— Теперь прощайте.

— Прощайте? — проговорил граф с оттенком сожаления в голосе.

— Мы не должны быть знакомы.

— Что такое? Вы хотите покинуть меня после того, как оказали мне такую важную услугу?

— Так нужно, все против нас.

— Ответьте мне на один только вопрос!

— На какой?

— Почему вы относитесь ко мне с таким участием?

— Кто может сказать наверное, чем вызван тот или другой поступок женщины?

— О! Вы насмехаетесь надо мной, сеньорита, это нехорошо. Незнакомка вздохнула.

— Нет, дон Луи, — ответила она, — я вовсе не думаю насмеяться над вами. Зачем вам непременно знать, кто я такая? Вам должно быть вполне достаточно и того, что я охраняю вас. Не спрашивайте же меня, почему я это делаю.

— Наоборот, я непременно хочу узнать это.

— Поверили бы вы мне, дон Луи, если бы я вам сказала, что делаю это потому, что люблю вас?

— О! — отвечал граф взволнованно. — Я от всего сердца Пожалел бы вас, сеньорита, за то, то вы почувствовали привязанность к такому несчастному человеку, жизнь которого представляет сплошное страдание.

— А разве вы не знаете, что женщины часто любят таких несчастных? Разве вы не знаете, что мы по самой своей природе должны любить и утешать несчастных?

— Сеньорита, умоляю вас, не оставляйте меня в этой неизвестности. Я унесу с собой печаль, которую не вылечит время.

— Я дурно поступила, явившись сюда, — с грустью прошептала незнакомка.

— О нет, не говорите этого, сеньорита! Помните только, что вы, может быть, спасли мне жизнь.

— Прощайте, дон Луи, — произнесла незнакомка, мелодичный голос которой звучал с невыразимой нежностью, — мы должны расстаться. Но что бы ни случилось, помните, что у вас есть преданный друг, сестра.

— Сестра! — проговорил граф с горечью. — Пусть так, если вы хотите, я не смею настаивать на другом, сеньорита.

— Ну, если вы непременно хотите знать, кто я, возьмите себе этот перстень. Мое имя выгравировано на внутренней стороне кольца, но только дайте мне слово, что прочтете надпись не раньше, чем через три дня.

— Клянусь вам, — отвечал граф, протягивая руку в темноте.

Другая рука схватила его руку, тихонько сжала ее и оставила в ней перстень. Вслед за тем он услышал легкий шелест шелка, и нежный голос прошептал еще раз последнее прости.

Граф услышал стук затворившейся двери, и незнакомка исчезла.

Через минуту наружная дверь, выходящая на улицу, отворилась снова.

Дон Луи завернулся в плащ и, выйдя на улицу, быстрыми шагами направился к своему дому, но, не доходя еще до него, издали увидел всадника, подъехавшего к воротам.

Граф по какому-то странному предчувствию, в котором он сам не мог отдать себе отчета, ускорил шаги.

— Валентин! — вскричал он в сильном изумлении.

— Да, брат, — отвечал тот, — и, к счастью, я встретил дону Корнелию. Лошадь твоя оседлана, и конвой уже давно ожидает тебя. Садись и едем.

— Что случилось? — спросил с тревогой граф. — Скажи мне скорей, умоляю тебя.

— Едем! Едем! Дорогой я расскажу тебе все.

Через пять минут небольшой отряд французов уже мчался во весь опор по дороге к Гуаймасу.

## ГЛАВА XXII. Бунт

Оставим пока дон Луи и Валентина скакать по дороге в Гуаймас, а сами тем временем объясним читателю, что произошло там за время отсутствия графа.

Французский отряд, сформированный в Сан-Франциско, не был еще полностью укомплектован, когда охотник привез своему другу необходимые ему деньги, — недоставало еще около десяти человек. Желая как можно скорее отправиться в Сонору, дон Луи отбросил в сторону все предосторожности, которые он соблюдал до сих пор при вербовке волонтеров, и для пополнения комплекта взял первых попавшихся ему людей. К сожалению, в числе этих новобранцев оказались четверо или пятеро окончательно испорченных людей, поступивших в отряд в надежде по прибытии в Мехико снова дать волю своим порочным наклонностям.

Во время переезда в Гуаймас и во время пребывания графа в городе негодяи старательно скрывали свои намерения, справедливо опасаясь возмездия. Но как только граф уехал в Эрмосильо, они сбросили маски и вместе с такими же, как они, негодьями, которых они сумели разыскать в притонах, расположенных вблизи гавани, снова повели развратную и разгульную жизнь.

Полковник Флорес и дон Антонио не упустили случая с выгодой для себя использовать низкие склонности этих людей, к которым они приставили своих приверженцев. Эти господа ретиво принялись за исполнение своих обязанностей и всеми мерами стали разжигать мятежный дух в отряде графа.

Подосланные двумя врагами графа негодяи ловко пустили слух, что дон Луи умышленно обманул своих соотечественников, а на самом же деле золотиносные россыпи на Планча-де-Плата никогда не существовали и сам он не имел никакой концессии, а заманил с собой французов, потому что преследовал совершенно иную цель, чем та, о которой он объявил своим спутникам.

Сплетня эта, вначале очень слабая, в скором времени подавалась уже как достоверный факт, и среди французов поднялось страшное волнение.

Испуганные офицеры собрались на совет и решили уведомить графа о том, какая серьезная опасность грозила успеху экспедиции.

Полковник Флорес в качестве лица, посланного правительством, присутствовал на совещании и вполне разделял мнение о необходимости

послать курьера к графу.

Курьера снарядили и отправили, но он не доехал до Гуаймаса — его перехватили на полпути.

Все это происходило на третий день после отъезда графа. На четвертый день офицер, которому граф поручил временное командование отрядом, помня приказание, отданное ему графом перед отъездом, приказал трубить сбор и приготовился к выступлению в поход.

Французы собрались, но стоило им узнать, зачем их созвали, как в толпе поднялся шум; со всех сторон слышались крики, и самая отборная ругань висела в воздухе.

В это самое время появился полковник Флорес и стал говорить, что в это смутное время самое лучшее было бы подождать возвращения графа, который, получив письмо, отправленное ему накануне с курьером, не замедлит, конечно, поспешить в Гуаймас.

Но командующий отрядом был старый солдат, воевавший в Африке, привыкший к дисциплине и поэтому считавший безусловно необходимым исполнить отданное ему приказание. На советы полковника он сухо отвечал просьбой не вмешиваться в его дела, потому что все это совершенно не касается полковника. Граф отдал ему приказание, и он исполнит во что бы то ни стало то, что ему велел командир.

Полковник Флорес, услышав такой бесцеремонный ответ и понимая, что он поступил на этот раз не совсем тактично, сейчас же изменил свой тон и перешел на сторону офицера, которого всего минуту назад он отговаривал исполнить отданное ему приказание. Он стал советовать не обращать внимания на нежелание солдат повиноваться его приказанию. Офицер только с презрением пожал плечами и, выйдя на середину двора, где солдаты стояли группами по три — четыре человека, громко разговаривая и жестикулируя, приказал горнистам трубить сбор.

Солдаты ответили на сигнал гиканьем и свистом, и крики еще более усилились.

Командир неподвижно стоял на своем месте, скрестив руки на груди.

Когда горнисты проиграли сбор, он вынул часы и спокойно справился, который час.

Бунтовщики исподтишка наблюдали за ним. Остальные офицеры сгруппировались вокруг своего начальника.

— Отправляйтесь к своим частям, господа, — сказал командир офицерам, несколько не повышая голоса, однако все ясно слышали его слова, — вашим людям достаточно пяти минут, чтобы построиться в ряды. Мы выступаем через четверть часа.

В ответ на эти слова из толпы солдат послышался насмешливый хохот. Командир вложил саблю в ножны и медленными шагами направился в ту сторону, где стоял один из главных зачинщиков, который, как ему казалось, был виновником бунта.

Человек этот задрожал, видя приближающегося к нему командира, и инстинктивно бросил взгляд назад.

Крики смолкли; солдаты, перешептываясь, с" напряженным вниманием следили за всем происходящим.

Не доходя двух шагов до того места, где стоял волонтер, о котором мы упоминали, командир остановился и, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Это вы сейчас насмехались надо мной? Тот стоял молча, не отвечая ни слова.

— С вами говорит теперь не начальник, — продолжал офицер, — но человек, оскорбленный вами.

Авантюрист чувствовал, что взгляды его товарищей обращены на него, и он принял свой прежний нахальный вид.

— Ну! А дальше что? — спросил он нагло.

— Дальше? — спокойно сказал офицер. — Вы негодяй!

— Негодяй! — прохрипел тот с яростью. — Ах, так вот как вы заговорили со мной! Берегитесь, это вам может дорого стоить!

— Вы негодяй, повторяю вам еще раз, и я вас сейчас проучу за это как следует.

— Проучить меня? — насмешливо произнес смутьян. — Попробуйте только!

— Дайте саблю этому негодяю, — сказал офицер, обращаясь к стоявшим вблизи него солдатам.

— Саблю, зачем?

— Вы должны дать мне удовлетворение за то, что осмелились оскорбить меня.

— Да, но я не умею драться на саблях.

— А! Так вот что! — продолжал офицер. — Вы меня оскорбляете в надежде, что ваши товарищи поддержат вас, а я один. Но ваши товарищи — честные ребята; они знают меня и не станут меня оскорблять.

— Нет, нет! — закричали несколько голосов.

— Между тем как вы — презренный негодяй, которому нет больше места среди порядочных людей. Я прогоняю вас! Вы не француз!.. Вон!

Затем офицер с силой, какую едва ли можно было подозревать в нем, схватил солдата за шиворот и, повернув его в воздухе, отбросил шагов на двадцать от себя.

Солдат поднялся и бросился бежать со всех ног, преследуемый всеобщим хохотом и гиканьем.

Офицер не ошибся, негодяй не был французом, он был... но к чему открывать его национальность, целая нация не может отвечать за недостатки одного человека!

Когда офицер повернулся, все солдаты уже построились в ряды и молча стояли на своих местах.

Командир не стал ни упрекать, ни бранить мятежников и, по-видимому, совершенно забыл об оказанном ему вначале неповиновении.

Все люди одинаковы: для того чтобы иметь над ними власть, нужно доказать им свое превосходство.

Полковник Флорес остолбенел. Он никак не предполагал, что может произойти что-либо подобное, и решительно ничего не понимал.

— Гм! — пробормотал он сквозь зубы. — Какая энергия! Какое мужество! Я не думаю, что нам удалось бы так легко и так быстро успокоить бунтовщиков!

Командир, убедившись, что отряд теперь не окажет неповиновения, отдал приказание готовиться к выступлению.

Это приказание, повторенное младшими офицерами, было исполнено без малейшего промедления, и солдаты тронулись в поход, имея впереди себя длинный ряд навьюченных багажом мулов и две или три повозки с несколькими больными. Небольшие пушки (граф счел необходимым увеличить артиллерию) везли в середине отряда на мулах. Отряд замыкали кавалеристы, из которых еще десять человек ехали в авангарде.

Дон Антонио Паво приехал в казармы, чтобы проститься с уходившим отрядом.

Французы шли по Гуаймасу ускоренным шагом, провожаемые напутственными криками горожан, расположившихся по всему пути их следования. Мексиканцы желали им благополучного путешествия и успеха в их предприятии.

Дон Антонио провожал экспедицию до выезда из пуэбло Сан-Хосе, которое можно считать как бы предместьем Гуаймаса. По прибытии туда он самым сердечным образом распрощался с офицерами, и повторил им еще раз, что они

вполне могут располагать его особой в любое время дня и ночи, и, пожав в последний раз руку полковнику Флоресу, который хотел проводить отряд немного дальше, отправился обратно в порт.

Было уже поздно, когда французы тронулись в путь. Стояла удушливая жара, и поэтому в этот день нельзя было много пройти из-за сильного



утомления и медлительности продвигавшихся вперед фургонов, запряженных мулами.

На закате солнца французы остановились лагерем вблизи небольшой деревушки, не более чем в пяти милях от города.

Командир рассчитывал, что, выйдя из Гуаймаса, он может считать мятеж окончательно усмирённым, но он ошибся — дух неповиновения не совсем еще выдохся, так как его старательно поддерживали люди, о которых мы говорили раньше. В интересы этих людей вовсе не входило идти вглубь страны, где они не найдут того, за чем они явились в Мексику, то есть краж, грабежа и беспутной жизни. Поэтому, несмотря на понесенное ими в лице одного из их сообщников поражение, они не теряли надежды на успех и только выжидали удобный момент, чтобы снова приняться за старое.

Валентин, внимательно следивший за всем происходящим, по окончании устройства лагеря отвел в сторону командира и предупредил его, что в отряде снова начинается брожение. Но тот не придавал большого значения словам охотника и был уверен, что после того, что случилось утром, солдаты не осмелятся вновь оказать неповиновение.

Предчувствие Валентина не обмануло его и на этот раз. На другой день командир и сам убедился в этом, когда отдал приказание сниматься с лагеря.

Солдаты отказались исполнить приказание начальника. Ни угрозы, ни просьбы — ничто не действовало, они оставались глухи ко всем увещаниям. Это уже было не неповиновение, а настоящий бунт.

Подстрекатели торжествовали, хотя им и не удалось склонить своих спутников вернуться в Гуаймас.

Благодаря последнему проблеску чувства долга, не покидающего никогда солдата, французы не хотели совсем бросать графа. Они только упрямо повторяли то, что внушили им негодяи-подстрекатели. Они хотели иметь в руках доказательства действительного существования золотых россыпей и законного разрешения на разработку их — словом, они хотели убедиться, что граф не обманул их. Кроме того, они предъявили еще новые требования, которые, если бы только их согласились исполнить, окончательно погубили бы будущее экспедиции. Они требовали не более и не менее, как разжалования всех офицеров, назначенных доном Луи, с тем чтобы солдаты сами выбрали себе командиров по их собственному желанию.

Валентин ответил крикунам, что они не имеют права делать что-либо в отсутствие графа и нужно дожидаться его возвращения, если они не желают

совершить противозаконный поступок, так как дон Луи имел полное право назначать в офицеры кого ему угодно; граф — единственный глава экспедиции, и он один отвечает за все.

Солдаты после долгих споров признали доводы Валентина совершенно справедливыми, и, чтобы как можно скорее покончить со всеми недоразумениями, только замедляющими дело, они решили, что Валентин отправится завтра утром в Эрмосильо и привезет с собой графа.

Валентин обещал исполнить все, что они желали, и в лагере мало-помалу воцарилась относительная тишина.

На другой день на заре Валентин действительно уехал в Эрмосильо.

Мы уже знаем, как счастливо удалось ему найти Луи и каким образом он увез его с собой.

Дорогой он подробно рассказал обо всем, что случилось во время его отсутствия. Граф спешил приехать как можно скорее, чтобы прекратить беспорядки и предотвратить распад сформированного им с таким трудом отряда, существованию которого грозила серьезная опасность, если такое положение дел продолжится еще несколько часов.

На рассвете всадники уже подъезжали к лагерю.

Страшный беспорядок, крики, шум — одним словом, хаос царил в это время на биваке. Солдаты не хотели ничего слушать. Офицеры не знали, что и делать и каким образом предотвратить надвигающуюся грозу. Неожиданный приезд графа произвел впечатление удара грома.

Дон Луи спрыгнул с лошади и смело направился в самую середину толпы. При виде его в солдатах заговорило чувство долга, которое они напрасно старались в себе заглушить.

— Горнисты! Сбор! — громовым голосом крикнул граф. Покоряясь магическому влиянию человека, которого они за столько времени привыкли уважать, солдаты повиновались приказу и живым кольцом окружили его.

— Не так, — заметил он, — стройся в ряды! Первый шаг был сделан — они построились в ряды.

С минуту граф внимательно осматривал фронт выстроившегося в шеренги отряда.

Солдаты угрюмо молчали. Они сознавали себя виноватыми, и их суровые лица дрожали — не от страха, но от стыда. Граф заговорил.

— В чем вы упрекаете меня, товарищи? — раздался его мягкий и задумчивый голос. — Вспомните, как я держал себя с вами с того времени, как принял вас к себе на службу. Разве не старался, насколько возможно, насколько это зависело от меня, улучшить положение, в котором вы находились? Говорите! Оскорбил ли я кого-нибудь из вас, поступил ли я

хоть раз несправедливо с кем-нибудь? Вам наговорили, что я обманул вас, что я не получил разрешения на разработку Планча-де-Плата, что золотых россыпей не существует на самом деле, и еще многое другое в том же роде... Смотрите! — продолжал он, вынимая из бокового кармана сложенную бумагу. — Вот разрешение; оно составлено вполне законно, даже определен маршрут, которым мы должны следовать к россыпям. Теперь вы верите мне? Или, может быть, вы все еще думаете, что я вас обманываю? Отвечайте мне!

Никто не ответил ему ни слова.

— А! Вам нечего ответить мне! — продолжал граф. — Теперь слушайте дальше: золотиносные россыпи, куда я веду вас, заключают в себе неисчислимы богатства, и все эти богатства будут принадлежать вам. Я же возьму себе только то, что вы мне дадите, вы сами назначите мне мою часть. Можете ли вы обвинять меня теперь в желании обокрасть вас в свою пользу? Вы требуете назначения новых офицеров по вашему выбору. Я никогда не соглашусь исполнить такое требование! Ваши офицеры — люди очень способные, и я питаю к ним полное и безграничное доверие. Они останутся на своих местах. Среди вас есть люди, которые предали наше Дело и стали шпионить в пользу врагов, желающих погубить нас. Все эти негодяи находятся во второй роте... Советую им убраться самим и не заставлять меня выгонять их силой.

Солдаты, покоренные и очарованные открытыми и честными словами своего командира, с громкими, веселыми криками «ура!» бросились к нему.

Спокойствие было восстановлено, все было забыто.

Зачинщики, изгнанные так сурово, воспользовались этими минутами, чтобы ускользнуть и скрыться.

— Курьер! — крикнул вдруг Валентин.

Граф обернулся. Перед ним был взмыленный всадник.

— El senor conde? — спросил он.

— Это я, — отвечал дон Луи.

Солдат протянул ему запечатанный конверт. Граф взял его с необъяснимым тяжелым предчувствием, вскрыл и быстро пробежал глазами бумагу. Вдруг он испустил крик радости.

— Слушайте, — крикнул он, — вот приказ, которого я так долго ждал. Президент республики предписывает нам немедленно отправляться на прииски Планча-де-Плата!

— На Планча-де-Плата! — загудело в воздухе. Складывая бумагу, дон Луи увидел несколько строчек, написанных по-французски внизу конверта.

— Что это такое? — прошептал граф. Он прочел следующее:

*«Торопитесь; очень возможно, что этот приказ уже отменен, — ваши враги не дремлют.»*

— О! — проговорил граф. — Теперь они бессильны, я сумею расстроить все их козни!

Солдаты весело принялись грузить фургоны для долгого пути, который им предстояло совершить. Пушки были заботливо укреплены на лафетах.

Солдаты работали с таким усердием, что через два часа колонна уже выступила в поход, направляясь к землям апачей.

Радостное настроение охватило всех, энтузиазм царил всеобщий.

И только один человек сомневался в благополучном исходе экспедиции — это был Валентин.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

---

|              |
|--------------|
| <b>notes</b> |
|--------------|

**1**

Пуэбло — деревня.

2

Сальтеадор — разбойник.

3

Ребосо — шаль, накидка.

4

Нинья — малышка, ласковое обращение к девушке.



Асиенда — поместье, ферма.

Магазины в Мехико.

Моя Анжелита! (исп.)

Харана — мексиканская гитара.

Давайте жить беспечно\\В счастливом спокойствии.\\Я живу под  
звездой наслаждения.\\Пения и смеха (исп.).

**10**

Пряатель (исп.).

Месон — постоялый двор.

Очаво — мелкая медная монета.



Когда пестрые птицы\\Молчат, а земля\\Прислушивается к  
рекам.\\Которые несут свою дань морю.\\ При бледном мерцании... (исп.).

Кварто — комната

Альфальфа — люцерна, клевер.

Фут — английская мера длины, равная приблизительно 30, 5 см.

Черт побери! (исп.)

Миля — английская мера длины, равная 1609 м.

Рыцари ночи (исп. ).

Saca plata означает буквально «вымогатель денег». — Примеч. перев.



Асиендадо — владелец асиенды.

Пеон — слуга, наемный рабочий.

Патио — внутренний двор.

Уголовный судья (исп.).

Реата — веревка.

Около 12. 750 франков на французские деньги. — Примеч. автора

Леперо — босяк, нищий.

El Vuitre — стервятник (исп.).



Реал — мелкая испанская монета.

Черт возьми! (исп.)

Redblood — красная кровь (англ). — Примеч. перев.

Гаротта — казнь посредством удушения. — Примеч. перев.

Эрнандо Кортес — завоеватель ацтекской империи  
Диего де Альмагро и Франсиско Писарро — покорители империи инков.

Т.е. гражданами США.

Он не знает, куда смотреть, \Он страшится всего или не доверяет.\Если он боится небесного гнева, \Зачем тогда он оскорбил его?  
(исп.)

сарапе — шерстяной плащ ярких цветов, мексиканская национальная одежда.



Сонора — штат на северо-западе Мексики.

Карл X — король Франции (1824 — 1830).

Аруканы — группа индейских племен, живущих на юге Чили.

Еще бы! (франц.)

Черт возьми! (франц.)

Молодые быки (исп.)

Пульке — слабоалкогольный напиток из сока агавы.

Мескаль — мексиканский крепкий алкогольный напиток.



Вакеро — пастух.

Воинственные индейцы (исп.).

Спаги — французские кавалерийские части в Алжире.

Романсеро короля Родриго (исп.).

Меските — вид акации.

Миткаль — легкая хлопчатобумажная ткань.

Мокасины — мягкая кожаная обувь с твердой подошвой.

Микскоатцин — летучий змей (индейск.).



Йори — прозвище, данное индейцами Соноры белым. — Примеч. черев.

Бутака — складное деревянное кресло, табурет.

О! Если бы я родился слепым.\Или если бы ты родилась не такой красивой!\Будь проклят день и час...(исп.)

При слабом мерцании\ Какой-нибудь светлой звезды.\ Которая среди  
мрачного молчания\ Блестит печально... (исп.)

Боже упаси! (исп.)

Негодяй (исп.).

Порази меня небо! (исп.)

Angel — по-испански значит ангел; а Angela — женский род от слова Angel. — Примеч. перев.



Мажордом (здесь) — управляющий именем.

Мексиканский священник Мигель Идальго (1753 — 1811) возглавил в 1810 г. восстание против испанского владычества.

Пронунсиаменто — переворот с целью захвата власти.

Мучачо — мальчик, юноша.

Тъфу, черт! (исп.)

Клянусь святыми мощами! (исп.)

Черт возьми! (исп.)

Тъфу, пропастъ! (исп.)



Тъфу, пропастъ! (исп.)

Пиастр — старинная испанская серебряная монета.

Рефино — особый очищенный сорт водки.

Альферес — подпоручик.

Черт возьми! (франц.)

Черт побери! (исп.)

Быки (исп.).

Человек чести (исп.).



Боже мой! (исп.)

Презрительное название протестантов. — Примеч. автора

Последний довод (лат.).

Так называют североамериканцев в Южной Америке. — Примеч. переводчика.

Каботажные суда предназначены для плавания между морскими портами одной страны.

«Лучше птичка в руках, чем коршун, который летает». — Испанская поговорка, которая соответствует русской: «Лучше синицу в руки, чем журавль в небе». — Примеч. перев.

Граф! Граф! (исп.)

Морская единица длины, равная 185, 2 м (0, 1 морской мили).



Ранчero — владеец ранчо, небольшой животноводческой фермы.

Кампесино — крестьянин.

«Да здравствуют французы! Да здравствует граф!» (исп.)

Алькальд — городской голова.

Альгвазил — судебный исполнитель.

Большинство англичан являются протестантами, в то время как мексиканцы — ревностные католики.

Инглезес — англичане.

Женщина с закрытым лицом (исп.).